

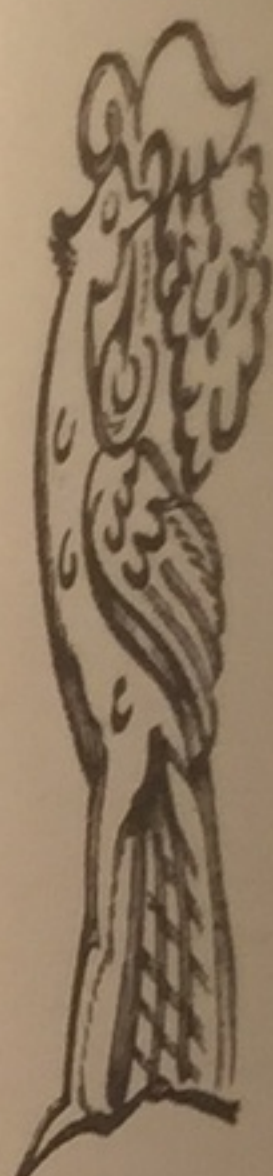

ИВАН МЕНЬШОЙ- РАЗУМОМ БОЛЬШОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Д	б/н.
	Русские сказки
Иван Меньшова	—
казуль Беловой	
1977	11/2015

б/н

ИВ
РАЗ

Р

Москва

Школьная библиотека

ИВАН МЕНЬШОЙ- РАЗУМОМ БОЛЬШОЙ

Русские сказки

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1977

РФ
Н59

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Пересказал А. Нечаев

Обложка Н. Кочергина

ГБУК г. Москвы «ЦБС ЮЗАО»
Библиотека № 174
ул. Академика Пилюгина, д. 14, к. 2

Н $\frac{70802-019}{M101(03)77}$ 125-77

СОДЕРЖАНИЕ

А. Нечаев. О сказках и сказочниках	3
Иван, вдовый сын. Рисунки И. Кузнецова	11
Чудесные ягоды. Рисунки Т. Мавриной	50
Мужик и царь. Рисунки И. Бекетова	64
Про бедного и богатого брата. Рисунки В. Минаева	68
Солдат Семён — скорый гонец. Рисунки В. Минаева	73
Барин и плотник. Рисунки Н. Кочергина	86
Иван-царевич и Марья Моревна. Рисунки Н. Кочергина	90
Находчивый солдат. Рисунки В. Милашевского	120
Болтливая баба. Рисунки В. Милашевского	123
Сказка об Иване-богатыре. Рисунки И. Кузнецова	128
Мудрая жена. Рисунки И. Кузнецова	156
Солдат и Смерть. Рисунки И. Кузнецова	168
Скатерть-самобранка, кошелёк-самотряс и Двое из сумы. Рисунки В. Минаева	182
Беззаботный монастырь. Рисунки И. Бекетова	201
Матюша Пепельной. Рисунки Т. Мавриной	205
Умный мужик. Рисунки В. Минаева	225
Как барин коней высиживал. Рисунки Е. Коротковой	229
Сказка о славном, могучем богатыре Еруслане Лазаре- виче. Рисунки Т. Прибыловской	232
Умный работник. Рисунки В. Панова	280
Летучий корабль. Рисунки И. Кузнецова	287
Как бедняк с барином обедал. Рисунки Е. Коротковой	299
Иван Меньшой — разумом большой. Рисунки Т. Мав- риной	301
С. Михалков. Советский сказочник	333

О СКАЗКАХ И СКАЗОЧНИКАХ

В прежнюю пору на заводах и фабриках работали от зари до зари.

Рабочие люди, жившие на окраинах больших городов, редко заглядывали в библиотеку, ещё реже бывали в театрах, на концертах; да и кино также было почти недоступно для них, не по карману.

А уж о деревне, о крестьянах и говорить нечего. Там о театрах да о концертах или о кино и слыхом не слыхали. И книга была в деревне большой редкостью. И не удивительно. Ведь большинство крестьян ещё пятьдесят лет тому назад были неграмотными.

Хорошо помню, как во времена моего детства почту привозили один раз в неделю.

Однако крестьяне и рабочие никогда не жили вне искусства. С незапамятных времён они сами создавали своё искусство: песни, чудесные пословицы и поговорки, народную драму и, наконец, сказки, воплощавшие жизнь народа, его думы, его жизненный опыт и мечты об улучшении жизни на земле. Всё это и представляет народно-поэтическое творчество.

В долгие зимние вечера, при свете чадающей лучины, а в более зажиточных домах в начале двадцатого века при семелинейной жестяной керосиновой лампе, собиралась семья коротать вечер. Мужчины чинили обувь, шлеи, вязали сети, а женщины пряли бесконечную пряжу, вязали на спицах

шерстяные варежки, чулки или на домашнем ткацком станке — крósнах — ткали холст, грубое домашнее сукно, а иной раз и художественное тканье — скатерти, коврики и т. п.

Вечер, начинавшийся в северном крае чуть ли не в три часа пополудни, тянулся в жарко натопленной избе долго. Нередко на огонёк приходили и соседи.

И вот под мерный шум веретён, под шелест снующего челнока и прихлопывание бёрда¹ лились бесконечные, как бесконечен зимний вечер, беседы. Делились новостями, рассказывали о домовых, водяных, леших или заводили песни, правдиво запечатлевшие женскую долю многих и многих поколений русских женщин, песни, из которых вставали яркие картины жизни и быта крестьян России.

А часто на смену песням, преданиям, легендам и рассказам о разных неправдоподобных происшествиях приходила сказка. Она привлекала общее внимание, особенно в тех случаях, когда в компании оказывались мастер-сказочник или сказочница, пленявшие слушателей обаянием исполнительского искусства.

Сказочник не просто повторяет слышанную им от кого-то сказку. Он вносит много своего. Это похоже на художественное тканье. Основа общерусская, а узоры подсказаны временем, местом, личным жизненным опытом и дарованием сказочника. Древняя сказка постоянно обновлялась...

«В некотором царстве, в некотором государстве...» — завёл сказочник рассказ. И мир скудно освещённой избы, с заледевшими от стужи оконцами, вдруг раздвигается... Перед слушателями возникают одна за другой картины, близкие, с одной стороны, и бесконечно далёкие одновременно.

Близкие и вполне понятные потому, что герои, будь то крестьянский сын или царевич, бывалый солдат или в силу обстоятельств гонимая несчастливица, чаще не родная дочь, падчерица, борются со злом и в конечном счёте побеждают его.

Далёкие потому, что в жизни в ту пору чаще всего было как раз наоборот: зло побеждало добро. В сказках же заключалась вековая мечта народа именно о такой жизни, когда

¹ Бёрдо — деталь ткацкого станка.

торжествует правда и справедливость, когда труд становится легче и почётнее, когда трудятся все.

Очень и очень многое зависело и от мастерства сказочника, от его дарования.

...Как сейчас, видится мне сказочник Поликарп, копавший у нас во дворе колодец с двумя подручными. Обычно начинал он одну из своих сказок после ужина, часов после восьми, когда все ложились спать. Свет из экономии гасили, и в темноте неторопливо велось повествование о том, как герой или героиня искали и добивались правды. Как они боролись со Змеем Горынычем, с бабой-ягой и другими чудовищами и как были побеждены и наказаны силы зла. В этом бесхитростном рассказе было столько очарования, что когда Поликарп, утомлённый нелёгкой работой, говаривал: «Доскажу завтра», его подручные, молодые ребята, и я тормошили и упрашивали старика. И он продолжал до тех пор, покуда и у него и у слушателей не иссякали последние силы... Тогда сказка обрывалась на полуслове, и всё погружалось в сон.

Поликарп знал великое множество сказок и умел рассказывать так, что не только дети и молодые его подручные, но и все взрослые часами слушали его, не проронив ни слова. И это очарование сказками Поликарпа сохранилось в памяти с очень раннего детства, ещё до того как я стал ходить в школу.

Уже будучи взрослым, я как-то записывал старинную волшебную сказку, в которой герой по ходу действия отправляется за тридевять земель, в тридесятое государство. Сказку рассказывал помор — старый, бывалый матрос. Он так мастерски, живописно и с таким знанием дела изобразил спуск новопостроенного корабля на воду, что год спустя, когда мне пришлось быть свидетелем спуска корабля, я вполне понял, как реально и точно-правдиво была изображена эта сцена. Так живая жизнь, личный жизненный опыт сказочника сливается и уживается с фантастическими образами древней сказки по воле и мастерству исполнителя.

Сорок пять лет назад, когда я уже стал собирателем народных сказок, приехал я как-то летней порой в поморское село Кереть, что на берегу Белого моря, и, по обыкновению, начал

допытываться, нет ли тут хорошего сказочника. На это многие отвечали:

— Тебе бы с Матвеем Коргуевым повидаться. Тот наскажет с три короба! Только теперь с рыболовецкой бригадой сидит на сёмужьей тоне¹. Вёрст тридцать от села.

Я воспользовался оказией и с попутным катером, который, объезжая тони, забирал у рыбаков добычу и оставлял артелям харчи, отправился в путь-дорогу.

На небольшом острове, куда я прибежал на катере, как это принято говорить у поморов, испокон веков промысляли местные рыбаки дорогую рыбу — сёмгу.

В эту летнюю путину бригадиром был опытный пожилой помор Матвей Михайлович Коргуев. Небольшая артель жила в промысловой избушке на самом берегу, чуть-чуть повыше линии прибылой воды, прилива. Верёвки-ярусы от каждого крыла поставленного невода протягивались прямо в открытое окно избушки.

Встретили меня сдержанно, недоуменно, с оттенком недоверия. Как-то не укладывалось у моих новых знакомцев в представлении, что тридцатилетний здоровила ездит собирать песни и сказки.

Перебороть отчуждённость помог случай. Туго натянутый ярус, закреплённый в окне, задрожал, звякнул привязанный к нему колокольчик, и рыбаки горохом высыпали из избушки. Я следом за ними. Они ухватились по четверо за верёвку каждого из двух крыльев и с бешеной скоростью принялись тянуть правое и левое крылья невода на берег, а бригадир в лёгкой маленькой лодчонке подгребался к центру полукружия, образованного неводом, и производил шум в воде специальным торбалищем, чтобы рыба, оказавшаяся в неводе, не ушла из него низом или верхом. Я суетился и помогал рыбакам как умел.

Невод медленно приближается к берегу. В матице ходуном ходят крупные серебристые рыбы, килограммов пяти — семи. И вот матица — глухой мешок из сетей, от которого идут сети-крылья, уже на самой мели. Рыбаки глушат сильных рыб и укладывают в бочку со льдом.

¹ Т ó н я — место, где ловят рыбу.

— Было в неводе гораздо больше, да много ушло через верх и низом,— сокрушённо сказал бригадир.

— Ну, и так хорошо! Это счастье наш гость привёз,— отзывается пожилой рыбак.— Как по деньгам посчитать, а товар экспортный, кроме одной, прихваченной зубом рыбыны, потянет рублей на триста с гаком. Обижаться, Матвей, грех!

Невод выметали заново, предварительно осмотрев его и кое-где зачинив; натянули ярусы со звонком, укрепили в окне избушки. И, довольные уловом, рыбаки принялись готовить ужин из той самой сёмги, что прихвачена зубом и не годилась на экспорт. Заварили густой, по-поморски, чай.

Ужин из янтарной наваристой ухи и чаепитие затянулись долго, а ночь всё не шла. Было то время года, когда солнце не садилось вовсе и даже сумерек не наступало. После замечательной ухи и тающей во рту сёмги, после пяти-шести поллитровых кружек терпкого чаю на брата рыбаки закурили и стали просить:

— Заведи-ка, Матвей Михайлович, чего-нибудь. Гость-то ведь не даром тебя разыскивал, ехал из самого Ленинграда послушать тебя!

— Так ведь он небось все сказки знает лучше меня,— смущённо проговорил Коргуев,— раз по этому делу занимается.

И принялся чинить сеть.

— Давай, дядя Матвей,— сказал совсем ещё молодой парень,— не томи!

— Ну ладно,— глухим голосом отвечал сказочник.— Расскажу про Андрея-стрельца и про все его похождения. Сказка долгая. Хватит ли терпенья?

— Давай, давай! У нас ночь со днём неделёна. Рассказывай!

Помедлив какое-то время, сказочник особенно сосредоточенно стал перебирать сеть и вглядываться в неё и глуховатым своим голосом начал ту самую сказку, которая впоследствии так понравилась А. Н. Толстому. Коргуев рассказывал потом её в доме писателя в г. Пушкине, где тогда жил Толстой. Впоследствии текст записанной от Коргуева сказки «Андрей-стрелец» в соединении с другими записями, от других исполнителей, этого же произведения и лёг в основу сказки в

обработке А. Н. Толстого, сказки, ныне живущей в книге под заглавием: «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Пересказывая сказки для издания, писатель работал долго и с большим увлечением. Это одна из лучших сказок, обработанных А. Н. Толстым.

А между тем там, в промысловой избёнке, за два года до встречи Коргуева с Толстым, сказочник, занимаясь починкой сети, как-то буднично вёл повествование о коварном старом царе и о лучшем из его охотников Андрее-стрелке и его прекрасной верной жене. Слушатели, и я в их числе, отбросив карандаш и блокнот, вместе со сказочником следили то за драматическими, то за комическими сценами, зачарованные развитием сложного сюжета, и искренне волновались, переживали с героем трудности его странствований и борьбы с происками злого царя...

И вдруг опять зазвенел звонок, прикрепленный к ярусу. Рассказчика и слушателей будто ветром сдуло. Все мгновенно оказались на берегу. Бригадир в своей лодчонке с торбалищем в руках уже угребался к центру опоясанного неводом полукружия, а мы изо всех сил подтягивали крылья невода к берегу.

— Ходит, ходит, даёт о себе знать! — радостно крикнул молодой рыбак.

— Считать станем, когда матицу подтянем, — оборвал его пожилой помор.

А той порой дружными усилиями рыбаков невод, сужаясь и сужаясь, подтянулся к берегу, на отмель, и уже было видно, как метались, мощно бились в матице крупные серебристые рыбины. Поморы кинулись их глушить и вытаскивать на сушу.

— Одна к одной, дядя Матвей! Как на подбор! — весело крикнул молодой парень подъезжавшему бригадиру.

Добычу убрали, невод быстро осмотрели и снова выметали широким полукружием, а ярусы струной натянули и закрепили за чалки в окне избушки.

— Значит, будет что завтра сдать приёмщику. Ополудни, надо быть, катер прибежит. Вот как мы, гостенёк, промысляем нашу сёмгу — беломорскую валюту, — обратился ко мне

старый помор.— Бракованной рыбыны не попало на этот раз. Придётся сбегать на карбаске трещочки поудить. Пробовал ли когда уху из свежей трещочки?

— Пробовал,— отвечаю,— и тресковую уху, и уху из ивановской сельди.

— Вот он что! Стало, не первый раз у поморов гостишь?

— В прошлом и в позапрошлом году приезжал. Бывал в Нюхче, в Сум-посаде, в Сороке и в Кемии.

Вскоре все опять собрались в избушке, и кто-то уже успел спроворить: поставил над очагом артельный чайник.

— Теперь до прибылой воды вряд ли подойдёт,— сказал кто-то из рыбаков.

— Не скажи. Когда ей ход, она прёт, ни с чем не считается. Ведь через каменя в порогах перескакивает, обдерётся вся, смотреть страшно! Себя не жалеет,— проговорил Коргуев.— А теперь станем чай пить, да, ежели гостю не прискучило, стану о похождениях Андрея-стрельца дальше рассказывать.

И снова завладел вниманием неторопливый глуховатый голос сказочника. Снова стены тесной промысловой избушки на острове в Белом море раздвинулись, и мы следовали за Андреем-стрелком, который шёл да шёл за волшебным клубочком, пересекал поля широкие, продирался через леса дремучие и преодолевал всякие препятствия, переживал всякие невзгоды, испытывал всевозможные приключения, стремясь во что бы то ни стало достигнуть своей цели — победы над силами зла. Прошло часа два. Чайник давно остыл, однако никто этого не заметил. Но вот все коварные замыслы злого старого царя оказались посрамлёнными выходцем из народа — охотником Андреем и его мудрой красавицей женой. Зло побеждено. Восторжествовали добро и справедливость — вековая мечта трудовых людей воплотилась в сказке...

Впоследствии я не месяц и не два, а более полугода записывал сказки Коргуева и в Поморье, и в Петрозаводске, и в Ленинграде, куда приезжал по специальному вызову сказочник. Всего записал более ста сорока произведений. Около восьмидесяти сказок, записанных от него, составивших два объёмных тома, изданы под общим заглавием: «Сказки Ка-

рельского Беломорья», а остальные записи погибли, к сожалению, во время войны.

Сказочник Матвей Михайлович Коргуев стал широко известен. Он с неизменным успехом выступал как рассказчик не только в рыболовецких артелях у себя на родине, он много раз бывал в Москве, Ленинграде, Петрозаводске и других городах, и русская народная сказка в его исполнении всегда волновала, захватывала внимание слушателей. Сказочник был удостоен высокой правительственной награды: был награждён орденом «Знак Почёта». Коргуев был принят в члены Союза советских писателей как хранитель и продолжатель национальных традиций подлинно народного поэтического творчества русского народа.

Русские народные сказки, как и сказки других народов, — яркое свидетельство творческой деятельности трудового народа, всегда гуманного по своим идеалам, извечно мечтающего о торжестве справедливости, о победе добра над злом, о лучшей жизни на земле.

А. Нечаев

На м
чѣнный. Р
чеснок т
вволю е
То е
ди. Как
и сказку
В не
ла-была
Пар
Иван, в

ИВАН, ВДОВИЙ СЫН

На море на океане, на острове Буяне, есть бык печёный. В одном боку у быка нож точёный, а в другом чеснок толчёный. Знай режь, в чеснок помакивай да вволю ешь. Худо ли?

То ещё не сказка, а присказка. Сказка вся впереди. Как горячих пирогов поедим да пива попьем, тут и сказку поведём.

В некотором царстве, в некотором государстве жила-была бедная молодница, пригожая вдовица с сыном.

Парня звали Иваном, а по-уличному кликали Иван, вдовый сын.

Годами Иван, вдовый сын, был совсем мал, а ростом да дородством такой уродился, что все кругом диву давались.

И был в том царстве купец скупой-прескупой. Первую жену заморил купец голодом; на другой женился — и та недолго пожила.

Ходил купец опять вдовый, невесту приглядывал. Да никто за него замуж нейдёт, все его обегают.

Стал купец сватать вдовицу:

— Чего тебе бобылкой жить! Поди за меня замуж.

Подумала, подумала вдовица: «Худая про жениха слава катится, а идти надо. Чего станешь делать, коли жить нечем! Пойду. Каково самой горько ни приведётся, а хоть сына подращу».

Сыграли свадьбу.

С первых дней невлюбил купец пасынка: и встал парень не так, и пошёл не так... Каждый кусок считает, сам думает: «Покуда вырастет да в работу сгодится, сколько на него добра изведёшь! Этак совсем разорюсь, лёгкое ли дело?»

Мать убивается, работает за семерых: встаёт до свету, ложится за полночь, а мужу угодить не может.

Что ни день, то пуще купец лютует.

«Хорошо бы и вовсе, — думает, — от пасынка избавиться».

Пришло время ехать на ярмарку в иной город.

Купец и говорит:

— Возьму с собой Ивашку — пусть к делу привыкает да и за товарами доглядит. Хоть какая ни есть, а всё польза будет.

А сам в уме держит: «Может, и совсем избавлюсь от него на чужой стороне».

Жалко матери сына, а перечить не смеет.

Поплакала, поплакала, снарядила Ивана в путь-дорогу. Вышла за околицу провожать. Махнул Иван шапкой на прощание и уехал.

Ехали долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли, заехали в густой лес и остановились отдохнуть. Распрягли коней, пустили пастись, а купец стал товары проверять. Ходил около возов, считал, прикидывал и вдруг зашумел, заругался:

— Одного короба с пряниками не хватает! Не иначе как ты, Ивашка, съел!

— Я к тому возу и близко не подходил!

Пуще купец заругался:

— Съел пряники, да ещё и отпирается, чтоб тебя шут, такого-сякого, взял!

Только успел сказать, как в ту же минуту ельник-березник зашумел, затрещал, всё кругом потемнело, и показался из лесной чащи старик, страшенный-пре-страшеный: голова как сенная копна, глазищи будто чащищи, в плечах косая сажень и сам вровень с лесом.

— За то, что отдал ты мне, шуту, парня, получай свой короб заедок! ¹

Кинул старик короб, подхватил Ивана — и сразу захало, зашумело, свист да трескоток по лесу пошёл.

Купец от страху под телегу пал. А как всё стихло, выглянул и видит: кони на поляну сбежались и дрожмя дрожат, гривы колом стоят и короб с пряниками лежит.

Купец помаленьку пришёл в себя, выполз из-под телеги, огляделся — нигде нету пасынка. Усмехнулся:

¹ Заёдки — пряники, сласти.

— Вот и ладно: сбыл с рук хлебоежу, и товар весь в целости.

Стал коней запрягать.

А Иван, вдовый сын, и оглянуться не успел, как очутился один на один со страшным стариком.

Старик говорит:

— Не бойся. Был ты Иван, вдовый сын, а теперь— мой слуга на веки веков. Станешь слушаться — буду тебя поить-кормить: пей, ешь вволю, чего душа просит, а за ослушание лютой смерти предам.

— Мне бояться нечего— всё равно хуже, чем у отчима, нигде не будет. Только вот матери жалко, совсем она изведётся без меня.

Тут старик свистнул так громко, что листья с деревьев посыпались, цветы к земле пригнулись и трава пожухла.

И вдруг, откуда ни возмись, стал перед ним конь. Трёхсаженный хвост развевается, и сам будто гора.

Подхватил шут Ивана, вскочил в седло, и помчались они, словно вихорь.

— Стой, стой,— закричал Иван,— у меня шапка свалилась!

— Ну где станем твою шапку искать! Пока ты проговорил, мы пятьсот вёрст проехали, а теперь до того места — уже целая тысяча.

Через мхи, болота, через леса, через озёра конь перескакивал, только свист в ушах стоял.

Под вечер прискакали в шутово царство.

Видит Иван: на поляне высокие палаты, а вокруг забором обнесены из целого строевого лесу. В небо забор упирается, ворот нигде не видно.

Рванул конь, взвился под самые облака и перескочил через ограду.

Шут коня расседлал, разнуздал, насыпал пшеницы белояровой и повёл Ивана в палаты:

— Сегодня сам ужин приготовлю, а ты отдыхай. Завтра за дело примешься.

С теми словами печь затопил, семигодовалого быка целиком зажарил, выкатил сорокаведёрную бочку вина:

— Садись ужинать!

Иван кусочек-другой съел, запил ключевой водой, а старик всего быка оплёл, всё вино один выпил и спать повалился.

На другой день поднялся Иван раненько, умылся беленько, частым гребешком причесался. Все горницы прибрал, печь затопил и спрашивает:

— Чего ещё делать?

— Ступай коней, коров да овец накорми, напои, потом выбери десяток баранов пожирнее и зажарь к завтраку.

Иван за дело принялся с охотой, и так у него споро работа пошла — любо-дорого поглядеть! Скоро со всем управился, стол накрыл, зовёт старика:

— Садись завтракать!

Шут парня похваливает:

— Ну молодец! Есть у тебя сноровка и руки, видать, золотые, только сила ребячья. Да то дело поправимое.

Достал с полки кувшин:

— Выпей три глотка.

Иван выпил и чует — сила у него утроилась.

— Вот теперь тебе полегче будет с хозяйством управляться.

Поели, попили. Поднялся старик из-за стола:

— Пойдём, я тебе всё обзаведение покажу.

Взял связку ключей и повёл Ивана по горницам да кладовым:

— Вот в этой клетке золото, а в той, что напротив, серебро.

В третью кладовую зашли — там каменья самоцветные и жемчуг скатный. В четвёртой — дорогие меха: лисицы, куницы да чёрные соболя. После того вниз спустились. Тут вин, медов и разных напитков двенадцать подвалов бочками заставлено. Потом снова наверх поднялись. Отворил старик дверь. Иван через порог переступил, да так и ахнул. По стенам развешаны богатырские доспехи и конская сбруя. Всё червонным золотом и дорогими каменьями изукрашено, как огонь горит, переливается на солнышке.

Глядит Иван на мечи, на копья, на сабли да сбрую и оторваться не может.

«Вот как бы, — думает, — мне те доспехи да верный конь!»

Повёл его шут к самому дальнему строению. Подал связку ключей:

— Вот тебе ключи ото всех дверей. Стереги добро. Ходи везде невозбранно и помни: за всё, про всё с тебя спрошу, тебе и в ответе быть.

Указал на железную дверь:

— Сюда без меня не ходи, а не слушаешь — на себя пеняй: не быть тебе живому.

Стал Иван служить, своё дело править.

Жили-пожили, старик говорит:

— Завтра уеду на три года, ты один останешься. Живи да помни мой наказ, а уж провинишься — пощады не жди.

На другое утро, ни свет ни заря, коня оседлал, через тын перемахнул — только старика и видно было.

Остался Иван один-одинёшенек. Слова вымолвить не с кем.

Прошёл ещё год и другой — скучно стало Ивану: «Хоть бы одно человеческое слово услышать, всё было бы полегче».

И тут вспомнил: «Что это шут не велел железную дверь открывать? Может быть, там человек в неволе томится? Дай-ка пойду взгляну, ничего старик не узнает».

Взял ключи, отпер дверь. За дверью лестница — все ступени мохом поросли. Иван спустился в подземелье. Там большой-пребольшой конь стоит, ноги цепями к полу прикованы, голова кверху задрана, поводом к матице¹ притянута. И видно: до того отощал конь — одна кожа да кости.

Пожалел его Иван. Повод отвязал, пшеницы, воды принёс.

На другой день пришёл, видит — конь повеселее стал. Опять принёс пшеницы и воды. Вволю накормил, напоил коня. На третий день спустился Иван в подземелье и вдруг слышит:

— Ну, добрый молодец, пожалел ты меня, век не забуду твоего добра!

Удивился Иван, оглянулся, а конь говорит:

— Пои, корми меня ещё девять недель, из подземелья каждое утро выводи. Надо мне в тридцати росах покататься — тогда в прежнюю силу войду.

Стал Иван коня поить, кормить, каждое утро выводил на зелёную траву-мураву. Через день конь в заповедном лугу по росе катался.

Девять недель поил, кормил, холил коня. В три-

¹ М а т и ц а — здесь: брус, поддерживающий потолок.

дцати утренних росах конь покатался и такой стал сытый да гладкий, будто налитой.

— Ну, Иванушка, теперь я чую в себе прежнюю силу. Сядь-ка на меня да держись покрепче.

А конь большой-пребольшой — с великим трудом сел Иван верхом.

В ту самую минуту всё кругом стемнело и, словно туча, шут налетел:

— Не послушался меня, вывел коня из подземелья!

Ударил Ивана плёткой.

Парень семь сажень с коня пролетел и упал без памяти.

— Вот тебе наука! Выживешь — твоё счастье, не выживешь — выкину сорокам да воронам на обед!

Потом кинулся шут за конём. Догнал, ударил плёткой наотмашь, конь на коленки пал.

Принялся шут коня бить:

— Душу из тебя вытрясу, волчья сыть!

Бил, бил, в подземелье увёл, ноги цепями связал, голову к матице притянул:

— Всё равно не вырвешься от меня, покоришься!

Много ли, мало ли прошло времени, Иван пришёл в себя, приподнялся.

— Ну, коли выжил — твоё счастье, — шут говорит. — В первой вине прощаю. Ступай, своё дело правь!

На другой день пролетел над палатами ворон, трижды прокаркал: «Крр, крр, крр!»

Шут скорым-скоро собрался в дорогу:

— Ох, видно, беда стряслась! Не зря братец Змей Горыныч ворона с вестью послал.

На прощание Ивану сказал:

— Долго в отлучке не буду. Коли провинишься другой раз — живому тебе не быть!

И уехал.

Остался Иван один и думает: «Меня-то шут не погубил, а вот жив ли конь? Будь что будет — пойду узнаю».

Спустился в подземелье, видит — конь там, обрадовался:

— Ох, коничек дорогой, не чаял тебя живого застать!

Скоро-наскоро повод отвязал. Конь гривой встряхнул, головой мотнул:

— Ну, Иванушка, не думал, не гадал я, что осмелишься ещё раз сюда прийти, а теперь вижу: годами хоть ты и мал, да зато удалью взял. Не побоялся шута, пришёл ко мне. И теперь уж нельзя нам с тобой здесь оставаться.

Тем временем Иван и конь выбрались из подземелья. Остановился конь на лугу и говорит:

— Возьми заступ и рой яму у меня под передними ногами.

Иван копал, копал, наклонился и смотрит в яму.

— Чего видишь?

— Вижу, золото в яме ключом кипит.

— Опускай в него руки по локоть.

Иван послушался — и стали у него руки по локоть золотые.

— Теперь зарой ту яму и копай другую — у меня под задними ногами.

Иван яму вырыл.

— Ну, чего там видишь?

— Вижу, серебро ключом кипит.

— Серебри ноги по колен.

Иван посеребрил ноги по колен.

— Зарывай яму, и пусть про это чудо шут не знает.

Иван яму зарыл. Вдруг конь встрепенулся:

— Ох, Ваня, надо торопиться: чую, шут в обратный путь собирается! Поди скорее в ту кладовую, где богатырское снаряжение хранится, принеси третью слева сбрую.

Ушёл Иван и воротился с пустыми руками.

— Ты чего?

Иван молчит, с ноги на ногу переминается и голову опустил.

Конь догадался:

— Эх, Ванюша, забыл я — ведь ты ещё не в полной силе, а моя сбруя тяжёлая — триста пудов. Ну, не горюй, это всё поправить можно. В той кладовой направо в углу укладка¹, а в ней три хрустальных кувшина. Один с зелёным, другой с красным, третий с белым питьём. Ты из каждого кувшина выпей по три глотка и больше не пей, а то я не смогу носить тебя.

Иван побежал и скоро принёс всё снаряжение.

— Ну как? Прибавилось у тебя силы?

— Чую в себе великую силу!

Конь опять встрепенулся:

— Поторапливайся, Ваня, шут домой выезжает.

Иван скоро-наскоро коня оседлал.

— Теперь ступай в палаты, подымись в летнюю горницу, найди в сундуке мыло, гребень и полотенце. Всё это нам с тобой в пути пригодится.

Иван мыло, полотенце и гребень принёс.

— Ну как, поедем?

¹ Уклáдка — корзина, сундук.

— Нет, Ваня, сбегай ещё в сад. Там в самом дальнем углу есть диковинная яблоня с золотыми скоро-спелыми яблоками. В один день та яблоня вырастает, на другой день зацветает, а на третий день яблоки поспевают. Возле яблони колодец с живой водой. Зачерпни той воды ковшик-другой — она нам понадобится. Да смотри не мешкай: шут уж половину пути проехал.

Иван побежал в сад, налил кувшин живой воды, взглянул на яблоню, а на яблоне полным-полно золотых спелых яблок.

«Вот бы таких яблок домой увезти! Стали бы все люди сады садить, золотые яблоки растить да радоваться. В день яблони растут, на другой день цветут, а на третий день яблоки поспевают. Будь что будет, а яблок я нарву».

Три мешка золотых яблок нарвал Иван и бегом из сада бежит, а конь копытами бьёт, ушами прядёт:

— Скорее, скорее! Выпей живой воды и мне дай испить, остальное с собой возьмём.

Иван мешки с яблоками к седлу приторочил, дал коню живой воды и сам попил.

В ту пору земля затряслась, всё кругом ходуном заходило, добрый молодец едва на ногах устоял.

— Торопись! — конь говорит. — Шут близко.

Вскочил Иван в седло. Рванулся конь вперёд и перемахнул через ограду.

А шут подъехал к своему царству с другой стороны, через ограду перескочил и закричал:

— Эй, слуга, принимай коня!

Ждал-пождал — нету Ивана.

Оглянулся и видит: земля конскими копытами выбита, верхушка ограды поломана.

— Ох, такие-сякие, убежали! Ну да ладно, всё равно догоню.— Спрашивает коня: — Можем ли беглецов догнать?

— Догнать-то догоним, да чую, хозяин, беду-невзгоду над твоей головой и над собой!

Рассердился шут, заругался:

— Ах ты, волчья сыть, травяной мешок, тебе ли меня бедой-невзгодой страшать!

И стал бить плетью коня по крутым бёдрам, рас-секал мясо до кости:

— Не догоним беглецов — насмерть тебя забью!

Взвился конь под самые облака, перемахнул че-рез тын.

Будто вихорь, помчался шут в погоню.

Долго ли, коротко ли Иван в дороге был, много ли, мало ли проехал, вдруг конь говорит:

— Погоня близко. Доставай скорее гребень. Ста-нет шут наезжать да огненные стрелы метать — брось гребень позади нас.

В скором времени слышался шум, свист и кон-ский топот. Всё ближе и ближе. Слышит Иван — шут кричит:

— Никому от меня не удавалось убежать, а вам и подавно не уйти! — И стал пускать огненные стре-лы: — Живьём сожгу!

Иван изловчился, кинул гребень — и в эту же ми-нуту перед шутлом стеной поднялся густой лес: ни пе-шему не пройти, ни конному не проехать, дикому зве-рю не прорыснуть, птице не пролететь.

Шут туда-сюда сунулся — нигде нету проезду, зу-бами заскрипел:

— Всё равно догоню, только вот топор-самосек привезу.

Привёз топор-самосек, стал деревья валить, пенья-коренья корчевать, просеку расчищать.

Бился, бился, просеку прорубил, вырвался на простор. Поскакал за Иваном:

— Часу не пройдёт, как будут в моих руках!

В ту пору конь под Иваном востепенулся.

— Достань, Ванюша, мыло,—говорит.—Как только шут станет настигать и огненные стрелы полетят, кинь мыло позади нас.

Только успел вымолвить, как земля загудела, ветер поднялся, шум пошёл. Слышно — заругался шут:

— Увезли мой волшебный гребень, ну всё равно не уйти от меня!

И посыпались дождём огненные стрелы.

Платье на Иване в семи местах загорелось.

Кинул он мыло — и до облаков поднялась позади коня каменная гора.

Остановился шут перед горой:

— Ах, ах, и волшебное мыло увезли! Чего теперь делать? Коли кругом объезжать, много времени понадобится. Лучше каменную гору разбить, раздробить да прямо ехать.

Поворотил коня, поехал домой, привёз кирки, мотыги. Стал каменную гору бить-дробить. Каменные обломки на сто вёрст летят, и такой грохот стоит — птицы и звери замертво падают.

День до вечера камень ломал, к ночи пробился через гору и кинулся в погоню.

Тем временем Иван коня покормил и сам отдохнул. Едут, путь продолжают. В третий раз стал их шут настигать, стал огненные стрелы метать. Иваново платье сгорело, и сам он и конь — оба обгорели.

Просит конь:

— Не мешкай, Ванюша, скорее достань полотенце и брось позади нас.

Иван полотенце кинул—и протекла за ними огненная река. Не вода в реке бежит, а огонь горит, выше лесу пламя полыхает, и такой кругом жар, что сами они насилу ноги унесли, чуть заживо не сгорели.

Шут с полного ходу налетел, не успел коня остановить — и всё на нём загорелось.

— И полотенце увезли! Ну ничего, надо только на ту сторону переправиться, теперь уж нечем им будет задержать меня.

Ударил коня плетью изо всех сил, скочил конь через реку, да не мог перескочить: пламенем ослепило, жаром обожгло. Пал конь с шутom в огненную реку, и оба они сгорели.

В ту пору Иванов конь остановился:

— Ну, Иванушка, избавились мы от шута и весь народ избавили от него: сгорел шут с своим конём в огненной реке!

Иван коня расседлал, разнуздал, помазал ожоги живой водой. Утихла боль, и раны зажили. Сам повалялся отдыхать и уснул крепким, богатырским сном. Спит день, другой и третий. На четвёртое утро пробудился, встал, кругом огляделся и говорит:

— Местность знакомая — это наше царство и есть.

В ту пору конь прибежал:

— Ну, Иванушка, полно спать, прохлаждаться, пришла пора за дело приниматься. Ступай, ищи свою долю, а меня отпусти в зелёные луга. Когда понадобится, выйди в чистое поле, в широкое раздолье, свистни посвистом молодецким, гаркни голосом

богатырским: «Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» — я тут и буду.

Иван коня отпустил, а сам думает: «Ну куда мне идти? Как людям на глаза показаться? Ведь вся одежда на мне обгорела».

Думал-подумал и увидал — недалеко стадо волов пасётся. Схватил одного вола за рога, приподнял и так ударил обземь, что в руках одна шкура осталась — бычью тушу, будто горох из мешка, вытряхнул.

«Надо как-нибудь наготу прикрыть!»

Завернулся с ног до головы в воловью шкуру, взял золотые скороспелые яблоки и пошёл куда глаза глядят.

Долго ли, коротко ли шёл, пришёл к городским воротам.

У ворот народ собрался. Слушают царского гонца:

— Ищет царь таких садовников, чтобы в первый день сад насадили, на другой день вырастили и чтобы на третий день в том саду яблоки созрели. Слух пал: где-то есть такие скороспелые яблони. Кто есть охотник царя потешить?

Никто царскому гонцу ответа не даёт. Все молчат. Иван думает: «Дай попытаю счастья!»

Подошёл к гонцу:

— Когда за дело приниматься?

Все глядят — дивятся: откуда такой взялся? Стоит, словно чудище какое, в воловью шкуру завернулся и хвост по земле волочится.

Царский гонец насмехается:

— Приходи завтра в полдень на царский двор, наймём тебя да пугалом в саду поставим — ни одна птица не пролетит, ни один зверь близко не пробежит.

— Погоди, чего раньше времени насмехаешься? Как бы после каяться не пришлось! — сказал Иван и отошёл прочь.

На другой день пришёл Иван на царский двор, а там уже много садовников собралось. Вышел царь на крыльцо и спрашивает:

— Кто из вас берётся меня утешить, наше царство прославить? Кто вырастит в три дня золотые яблоки, тому дам всё, чего он только захочет, ничего не пожалею.

Вышел один старик садовник, царю поклонился:

— Я без малого сорок годов сады ращу, а и слыхом не слыхивал этакого чуда: в три дня сад насадить, яблони вырастить и спелые яблоки собрать. Коли дашь поры-времени три года, я за дело примусь.

Другой просит сроку два года. Третий—год. Иные берутся и в полгода всё дело справить. Тут вышел вперёд Иван:

— Я в три дня сад посажу, яблони выращу и спелые золотые яблоки соберу.

И опять все на него глядят — дивятся.

И царь глядит, глаз с Ивана не сводит, сам думает: «Откуда этакой взялся?»

Потом говорит:

— Ну, смотри, берёшься за гуж — не говори, что не дюж. Принесёшь через три дня спелые яблоки из нового сада — проси чего хочешь, а обманешь—пеняй на себя: велю голову отрубить.— И своему ближнему боярину приказал: — Отведи садовнику землю под новый сад и дай ему всё, чего понадобится.

— Мне ничего не надо,— Иван говорит.— Укажите только, где сад садить.

На другой день вечером вышел Иван в чистое по-

ле, в широкое раздолье, свистнул посвистом молодецким, гаркнул голосом богатырским:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит—земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет, грива по ветру развевается. Прибежал, стал как вкопанный:

— Чего, Иванушка, надо?

— Взялся я сад насадить и в три дня яблоки собрать.

— Ну, то дело нехитрое. Бери яблоки, садись на меня да спускай в ископыт по яблоку.

Ходит конь, по целой печи комья земли копытами выворачивает, а Иван в те ямы яблоки спускает.

Все яблоки посадили. Иван коня отпустил и в каждый ступок по капле живой воды прыснул. Потом прошёл по рядам—землю распушил, разрыхлил. И скоро стали пробиваться ростки. Зазеленел сад. К утру, к свету, выросли деревца в полчеловека, а к вечеру другого дня стали яблони совсем большие и зацвели. По всему царству пошёл яблоневого дух, такой сладкий — всем людям на радость!

Иван два дня и две ночи глаз не смыкал, рук не покладал, сад стерёг да поливал. В труде да заботе притомился, сел под дерево, задремал, потом на траву привалился и заснул.

А у царя было три дочери. Зовёт младшая царевна:

— Пойдёмте, сестрицы, поглядим на новый сад. Сегодня там яблони зацвели.

Старшая да средняя перечить не стали.

Пришли в сад, а сад весь в цвету, будто кипень белый.

— Глядите, глядите, яблони цветут!

— Кто это сад насадил да столь скоро вырастил?

— Хоть бы разок взглянуть на этого человека!

Искали, искали садовника—не нашли. Потом увидели: кто-то лежит под деревом, человек — не человек, зверь — не зверь.

Старшая сестра подошла поближе. Воротилась и говорит:

— Лежит какое-то страшилище, пойдёмте прочь!

А средняя сестра взглянула и говорит:

— Ой, сестрицы, и глядеть-то противно на эдакого уroda! Уж не это ли чудище сад насадило да вырастило?

— Ну вот ещё, чего выдумала! — говорит старшая царевна.

А младшая сестра, Наталья-царевна, просит:

— Не уходите далеко, и я погляжу, кто там есть!

Пошла, поглядела, обошла кругом дерева. Потом приподняла воловью шкуру и видит: спит молодец такой пригожий — ни вздумать, ни взгадать, ни пером описать, только в сказке рассказать, — по локоть у молодца руки в золоте, по колен ноги в серебре. Глядит царевна, не наглядится, сердце у ней замирает. Сняла свой именной перстенёк и тихонько надела Ивану на мизинец.

Сёстры аукаются, кричат:

— Где ты, сестрица? Пойдём домой!

Бежит Наталья-царевна, а сёстры навстречу идут:

— Чего там долго была, чего в этом уroде нашла? Будто пугало воронье! И кто он такой?

А Наталья-царевна в ответ:

— За что человека обижаете, чего он вам худого сделал? Поглядите, какой он прекрасный сад вырастил, батюшку утешил и всё наше царство прославил.

В ту пору и царь пробудился. Подошёл к окну, видит — сад цветёт, обрадовался: «Вот хорошо, не обманул садовник! Есть чем перед гостями похвалиться. Приедут сегодня женихи — три царевича, три королевича чужеземных; да своих князей, бояр именитых на пир позову — пусть дочери суженых выбирают».

К вечеру гости съехались, а на другой день завели большой пир-столованье. Сидят гости на пиру, угощаются, пьют, едят, веселятся.

Спал Иван, спал и проснулся, увидал на мизинце перстень золотой, удивился: «Откуда колечко взялось?»

Снял с руки и увидал надпись — на перстне имя меньшей царевны обозначено.

«Хоть бы взглянуть, какая она есть!»

А на яблонях налились, созрели золотые яблоки, горят-переливаются, как янтарь на солнышке. Нарвал Иван самых спелых яблок полную корзину и принёс во дворец, прямо в столовую горницу. Только через порог переступил, сразу всех гостей яблоневым духом так и обдало, будто сад в горнице.

Подавал царю корзину. Все гости на яблоки глядят, глаз отвести не могут. И царь сидит сам не свой, перебирает золотые яблоки и молчит. Долго ли, коротко ли так сидел, прошла оторопь, опомнился:

— Ну спасибо, утешил меня! Этаких яблок нигде на всём свете не сыскать. И коли умел ты в три дня сад насадить да вырастить золотые яблоки, быть тебе самым главным садовником в моём царстве!

Покуда царь с Иваном говорил, все три царевны стали гостей вином обносить, стали себе женихов выбирать.

Старшая сестра выбрала царевича, средняя вы-

брала королевича, а меньшая царевна раз вокруг стола обошла — никого не выбрала, и другой раз обошла — никого не выбрала. Третий раз пошла и остановилась против Ивана. Низко доброму молодцу поклонилась.

— Коли любя я тебе, будь моим суженым!

Поднесла ему чару зелена вина.

Иван чару принял, на царевну взглянул — такая она красивая, век бы любовался! От радости не знает, что и сказать.

А все, кто был на пиру, как услышали царевнины слова — пить, есть перестали, уставились на Ивана да на меньшую царскую дочь, глядят, молчат.

Царь из-за стола выскочил:

— Век тому не бывать!

— А помнишь ли, царское величество, — Иван говорит, — когда я на работу рядился, у нас уговор был: коли не управлюсь с делом — моя голова на плаху, а коли выращу яблоки в три дня — сулил ты мне всё, чего я захочу. Яблоки я вырастил и одной только награды прошу: отдай за меня Наталью-царевну!

Царь руками замахал, ногами затопал:

— Ох ты, невежа, безродный пёс! Как у тебя язык повернулся этакие слова сказать!

Тут царевна отцу, матери поклонилась:

— Я сама доброго молодца выбрала и ни за кого иного замуж не пойду.

Царь пуще расходился, зашумел:

— Была ты мне любимая дочь, а теперь, после твоих глупых речей, я тебя знать не знаю! Уходи со своим уродом из моего царства куда знаешь, чтобы глаза мои не видали!

Царица слезами залилась:

— Ох, отсекла нам голову! От такого позору и в могиле не ухоронишься!

Поплакала, попричитала, а потом стала царя уговаривать:

— Царь-государь, смени гнев на милость! Ведь хоть дура, да дочь, чего станешь делать. Не изгоняй из царства. Отведи где-нибудь местешко. Пусть там живут. Пусть они на твои царские очи не смеют показываться, а я знать всегда буду, жива ли она!

Царь тем слезам внял, смиростивился:

— Вот пусть в старой избёнке в нашем заповедном лесу живут... А в стольный город и не показывайтесь!

Выгнал царь Наталью-царевну да Ивана, а старшую и среднюю дочь выдал замуж честь честью. Свадьбы сыграли, и после свадебных пиров и столованья царь отписал старшим зятьям полцарства.

Царевич да королевич со своими жёнами в царских хоромах поселились. Живут припеваючи, в пирах да в веселье время ведут.

А Иван лесную избёнку починил, небольшую делянку леса вырубил, пенья, коренья выкорчевал и хлеб посеял. Живут с молодой женой, от своих рук кормятся, в город не показываются.

Много ли, мало ли времени прошло — неожиданно-негаданно беда стряслась: постигла царство великая невзгода. Прискакал гонец, печальную весть принёс:

— Царь-государь, иноземный король границу перешёл, и вóйска у него видимо-невидимо! Три города с пригородками и много сёл с присёлками пожёг, попалил, головнёй покатыл; всю нашу заставу побил-повоевал.

Царь сидит на лежанке и, как услышал те слова, так и обмер. Ёрзает на кирпичах, а с места сойти не может. Потом очнулся:

— Подайте корону и скличьте зятьёв да ближних бояр!

Пришли зятя с боярами, поклонились. Царь корону поправил, приосанился:

— Король Гвидон с несметными войсками на нас идёт. Собирайте рать-силу, ступайте навстречу неприятелю.

Зять-царевич да зять-королевич похваляются:

— Не тревожь себя, царь-государь, мы тебя не покинем! Гвидоново войско разобьём и самого Гвидона в колодках к тебе приведём.

Собрали полки, в поход пошли.

Царь велел шестерик самолучших коней в карету запрячь и поехал вслед за войском:

— Хоть издали погляжу, каковы в ратном деле мой наследники.

Долго ли, коротко ли ехал — выехала карета на пригорок, и видно стало в подзорную трубу: неприятельские войска вдали стоят. Замерло сердце у царя: глазом не окинуть Гвидонову рать, соколу в три дня не облететь. Куда ни погляди — везде Гвидоновы полчища, черным-черно в степи.

Глядит царь в подзорную трубу и видит: ездит неприятельский богатырь, похваляется, кличет себе поединщика, над царёвыми войсками насмехается.

Никто ему ответу не подаёт. Царевич с королевичем за бояр хоронятся, а бояре прочь да подальше пятятся. За кусты да в лес попрятались, одних ратников на поле оставили.

В ту пору дошла до Ивана весть: войска в поход

ушли. Выбежал он в чистое поле, в широкое раздолье, свистнул посвистом молодецким, гаркнул голосом богатырским:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

На тот крик бежит конь со всеми доспехами богатырскими. У коня изо рта огонь-пламя пышет, из ушей дым столбом валит, из ноздрей искры сыплются; хвост на три сажени расстилается, грива до копыт легла. Иван коня седлал. Накладывал сперва потники, на потники клал войлоки, на войлоки — седельце казачье, шелковые подпруги крепко-накрепко затягивал, золотые пряжки застёгивал. Всё не ради красы-басы, а ради крепости: как ведь шёлк-то не рвётся, булат не гнётся, а красное золото не ржавеет.

На себя надел доспехи богатырские, вскочил в седло и ударил коня по крутым бёдрам. Его добрый конь пошёл скакать. Из-под копыт комья земли с пещь летят, в ископых подземные ключи кипят.

Будто сокол, налетел Иван на Гвидоново войско и увидал в чистом поле могучего богатыря иноземного. Закричал громким голосом, как в трубу заиграл. От того крику молодецкого деревья в лесу зашатались, вершинами к земле приклонялись.

Засмеялся чужой богатырь:

— Нечего сказать, нашли поединщика! На ладонь кладу, а другой прихлопну — и останется от тебя только грязь да вода!

Ничего Иван в ответ не сказал. Выхватил свою стопудовую палицу и поскакал навстречу бахвальщику.

Съехались они, будто две горы скатились. Ударились палицами, и вышиб Иван супротивника из седла. Упал тот на сырую землю, да столько и жив бывал.

Как увидали Гвидоновы войска, что не стало главного богатыря, кинулись бежать прочь.

А царевич с королевичем да с боярами из-за кустов выскочили, саблями замахали, повели ратников своих в погоню. Иван коня поворотил, птицей соколом навстречу летит. Никто его не узнал. Только когда мимо царя проскакал, заметил царь: руки по локоть у молодца золотые, а ноги по колен серебряные.

Крикнул царь:

— Чей ты, добрый молодец, будешь, из каких родов, из каких городов? Как тебя звать-величать и кто тебя на подмогу нам послал?

Ничего Иван царю не ответил, скрылся из глаз. Уехал в чистое поле, расседлал, разнуздал коня, отпустил на волю. Снял с себя доспехи богатырские. Всё прибрал, а сам завернулся в воловью шкуру и пошёл домой. Залез на печь, спать повалился.

Прошло времени день ли, два ли, воротились царевич да королевич с войсками. Во дворце пошли пиры да веселье — победу празднуют.

Посылает Иван жену:

— Поди, Наталья-царевна, попроси у отца с матерью чару зелена вина да свиной окорок на закуску.

Пошла во дворец Наталья-царевна незваная, не прошенная. Отцу с матерью поклонилась, с гостями поздоровалась.

— Пошлите моему Ивану чашу зелена вина да свиной окорок на закуску.

Царь ей говорит:

— Под лежащий камень и вода не течёт. Твой муж на войну не ходил. Дома на печи пролежал, а теперь пировать захотел!

Царица просит:

— Ну, царь-государь, ради такого праздника сменни гнев на милость!

— Ладно, ладно,— махнул царь рукой,— так и быть, пошлите Ивану, чего после гостей останется.

Наталья-царевна обиделась:

— Пусть уж старшие зятя пьют, гуляют да угощаются. Они на войну ходили и, слышно, из-за кустов Гвидоново войско видали. А нам с мужем блюдолизничать — статочное ли дело!

Повернулась и ушла,

Не успел царь с гостями отпировать, как прискакал гонец:

— Беда, царь-государь! Гвидон с войском опять границу перешёл, и с ним — средний брат убитого богатыря. Тот богатырь требует: «Коли не приведёт царь того молодца, кто моего брата убил, всё царство разорим, не оставим никого в живых».

Царю от той вести кусок поперёк горла стал, руки, ноги дрожат.

А хмельные зятя — царевич да королевич — кричат, бахвалятся:

— Мы тебе, родитель богоданный, в беде — верная помога, на нас надейся!

Войско собрали, коней оседлали, пошли в поход.

Царь от страху занемог, лежит стонет.

Встретились царские полки с неприятелем. Гвидонов богатырь с несметной силой напал, и начался кровавый бой.

Бьются ратники с чужеземными полчищами: один — с десятью, а двое — с тысячей.

Царские зятя как увидели великана-богатыря да несметное войско, и весь у них боевой пыл пропал. За

боярские спины хоронятся, а бояре — за кусты, за кусты, прочь подальше пятятся.

В ту пору выбежал Иван в чистое поле, в широкое раздолье. Свистнул посвистом молодецким, гаркнул голосом богатырским:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

На тот крик-свист добрый конь бежит, под ним земля дрожит, изо рта огонь-пламя пышет, из ноздрей искры сыплются, из ушей дым кудреват столбом валит.

Иван коня остановил, оседлал и сам в боевые доспехи снарядился. В седло вскочил, поскакал на побоище. Наехал на Гвидоново войско и принялся бить, как траву косить, чужеземную силу. Где проедет — там улица, а мечом махнёт — переулочек.

Скачет Гвидонов богатырь на Ивана. На коне, как гора, сидит, готов Ивана живьём сглотнуть.

Съехались, долгомерными копьями ударились — копья у них приломались, некоторый некоторого не ранили. Сшиблись кони грудь с грудью, выхватили наездники острые мечи. Угодил Иван мечом в супротивника. Рассек, развалил его надвое, до самой седельной подушки. Повалился из седла богатырь, будто овсяный сноп.

Тут Гвидоновы войска ужаснулись, снаряжение боевое кинули и побежали с поля боя прочь. А свои ратники прибодрились: наседают да бьют, гонят вражью силу.

Иван коня поворотил:

— Теперь и без меня управятся!

Навстречу ему едут царские старшие зятья с боярами, торопятся свои полки догнать, машут саблями,

«ура» кричат. Мимо проскакали, на доброго молодца и не взглянули.

Уехал он в чистое поле, коня отпустил, снял с себя боевые доспехи. А сам в воловью шкуру завернулся и пошёл в свою избёнку. Залез на печь. Лежит отдыхает.

Прибежала домой Наталья-царевна:

— Ох, Ваня, опять ты где-то скрывался, покуда наши войска с неприятельскими полчищами воевали!

Иван молчит.

Заплакала Наталья-царевна:

— Стыдно мне добрым людям в глаза глядеть!

На другой день воротились в стольный город войска с победой. Все их в радости встречают. Царевич с королевичем царю рассказывают, как они Гвидоново войско побили.

Царь всех воевод щедро наградил. Велел выкатить бочки с вином да с пивом — ратникам угощение. Приказал из пушек палить, в колокола звонить.

У царя в столице победу празднуют, а старший брат двух убитых богатырей, Росланей, уговорил короля Гвидона в третий раз на войну идти и сам свои полки выставил.

Гвидон собрал войско больше прежнего да Салтана, своего тестя, подбил в поход идти. Войска набралось видимо-невидимо.

Идут, песни поют, в барабаны бьют. Впереди едет сарацинский¹ наездник, а за ним — самый сильный, самый отважный в Гвидоновом королевстве богатырь Росланей.

Заставу на границе побили, повоевали и написали царю письмо: «Подавай нам твоего наездника, кото-

¹ Сарацинский — азиатский, восточный (старинное слово).

рый наших двух богатырей победил, и плати дани-выкупы вперёд за сто лет, а не то всё твоё царство разорим и тебя самого пошлём коров пасти».

Царь грамоту прочитал, с лица сменился. Позвал зятьёв, князей да бояр:

— Чего станем делать?

Зять-царевич говорит:

— Коли бы знамо да ведано было, кто богатырей Гвидоновых убил, лучше бы одного отдать, чем воевать.

А зять-королевич присоветовал:

— Чем ещё раз воевать, лучше дань платить. Сколько надо будет, столько с мужиков да с посадских людей¹ и соберём — царская казна ведь не убавится.

На том все согласились, отписали Гвидону и Салтану: «Землю нашу не зорите, станем дань платить. И обидчика найдём да к вам приведём — дайте сроку три месяца».

Гвидон с Салтаном ответили: «Даём сроку три недели».

Царь с зятьями да с боярами торопятся. Послали гонцов по всем городам, по всем деревням:

— Собирайте казну с мужиков и с посадских людей да ищите Гвидонова обидчика!

Вспомнил царь приметку:

— Глядите, у кого руки по локоть золотые, а ноги по колен серебряные, того моим именем велите в железо ковать и везите сюда.

Проведала о том Наталья-царевна и догадалась:

¹ Посадские люди — в Древней Руси горожане, занимавшиеся торговлей и ремеслом.

«Не иначе как мой муж богатырей победил! Недаром, когда бой был, его дома не было».

Легко ей стало, радостно, а как вспомнила, что велено его отыскать да в цепи заковать, запечалилась.

Прибежала домой, кинулась мужу на шею:

— Прости меня, Иванушка, бабу глупую! Напрасно я тебя обидела. Знаю теперь: ты победил обоих богатырей.— И рассказала ему про царский приказ.— Ухоронись подальше— как бы и сюда царские слуги не наехали.

— Не плачь, не горюй, жёнушка, я царских слуг не боюсь. Сейчас перво-наперво надо Гвидона с Салтаном проучить, вразумить, чтобы век помнили, как в нашу землю за данью ходить.

Тут Иван с молодой женой простился и побежал в чистое поле, в широкое раздолье. Свистнул посвистом молодецким, крикнул-гаркнул голосом богатырским:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь прибежал и говорит:

— Ох, Иванушка, чую я, будет сегодня жаркий бой: прольётся кровь и твоя и моя!

Иван на то ответил:

— Лучше смертную чашу испить, чем в бесчестье жить да лютому врагу дань платить!

Оседлал коня, сам в боевые доспехи снарядился и поехал в стольный город, в посадские концы. Вскричал тут громким голосом:

— Подымайтесь все, кому честь дорогá! Постоим до последнего за жён, за детей, за престарелых родителей, не дадим свою землю Гвидону с Салтаном в поруганье!

Неда-
то ве-
илась.
прас-
их бо-
каз.—
слуги
слуг
Сал-
как
жал
сви-
ыр-
едо
кий
тье
ся
и-
им
и-
о-

На тот клич вставали посадские люди, поднялись мужики по всем волостям.

Три дня Иван войско собирал, на четвёртый день по полкам разбивал, на пятый день повёл полки на недругов.

А из дальних городов да волостей ратники валом валят, и такая рать-сила скопилась — глазом не окинуть!

Сошлись ратники с иноземными полчищами поближе. Выехал вперёд сарацинский наездник:

— А, не хотите добром дань платить, войско послали! Всё равно войско побьём и дань возьмём!

Метнул в него Иван копьё и насквозь пронзил бахвальщика. Повалился сарацин из седла, будто скошенный.

— Вот тебе дань, получай, басурман!

В ту пору выехал из вражьего стана самый сильный богатырь Росланей. Сидит на коне, как сенный стог. Конь под ним гора горой. Конь по щётки в землю проваливается, из-под копыт столько земли выворачивает — озёра на том месте наливаются. Кличет богатырь себе поединщика.

Выехал навстречу Иван.

Засмеялся чужеземный богатырь-великан:

— Эко, поединщик выискался! Соску бы тебе сосать, а не с богатырями силой меряться!

Закричал ему Иван:

— погоди, проклятое чудовище, раньше времени хвалиться — не по тебе ли станут панихиду петь!

С теми словами разъехались богатыри на двенадцать вёрст, повернули коней, стали съезжаться. Не две громовые тучи скатились, не две горы столкнулись — два могучих, сильных богатыря на смертный бой

съехались. Съехались, стопудовыми палицами ударились. Палицы в дугу согнулись, а сами некоторый никого не ранил.

Другой раз съехались, стали копьями долгомерными биться. И до тех пор бились, покуда копья у них не приломались и опять некоторый никого не ранил. На третий раз съехались, выхватили острые мечи.

Конь Ивану успел только сказать:

— Берегись! Как можешь, пригнись ниже!

И сам голову пригнул.

Росланей первый мечом ударил. Со свистом Росланеев меч пролетел. Задел Ивану левую руку да коню ухо отсек.

Выпрямился Иван, размахнулся и вышиб меч из рук Росланея, не дал другой раз ударить.

Тут сшиблись кони богатырские грудь с грудью. Иван с Росланеем спешили и схватились врукопашную. Бились они с полудня до вечера. Росланей по колен Ивана в землю втоптал. Рана у Ивана болит, и чует он — сил у него всё меньше и меньше становится. Улучил добрый молодец минуту и крикнул Росланею:

— Погляди-ка, что у тебя за спиной творится!

Не удержался Росланей, оглянулся, а Иван собрал все свои силы, изловчился и так сильно ударил противника, что тот зашатался. Тут Иван не стал мешкать, метнул в Росланея свой булатный нож и навеки пригвоздил его к сырой земле.

Тем временем Иванов конь сбил с ног, затоптал Росланеева коня. И оба они — и Иван и конь — выбились из сил.

А в ту пору Иваново войско кинулось на вражьи

удары-
ый ни-
мерны-
у них
ого не
острые

полчища, Ивану с конём и отдыхать некогда. Вскочил добрый молодец в седло и поскакал в бой. Бились с вечера до утренней зари. К утру всё поле усеяли Гвидоновыми да сарацинскими войсками. Салтан с Гвидоном ужаснулись и кинулись с остатками полков прочь бежать. Иван со своими ратниками их гнали и били не покладая рук.

Под конец настигли Гвидона с Салтаном и взяли их в плен.

— Ещё ли вздумаете к нам за данью приходить? — спрашивает Иван.

Рос-
а ко-
ч из
дью.
аш-
по
тит,
зит-
ос-

— Ох, добрый молодец, отпусти нас подобру-поздорову домой, и мы не только сами на вас войной не пойдём, а и детям нашим, внукам и правнукам закажем с вами в мире жить и вам век-повеки дань платить!

— Ну смотрите, нарушите слово — худо вам будет! Тогда все ваши земли разорю и корня вашего не оставлю!

После этого отпустил их Иван на все четыре стороны. Потом все свои полки собрал и повёл домой.

А между тем дошли вести до царя, что посадские люди и деревенские мужики побили Гвидоновы да Салтановы войска и самого могучего богатыря Росланея победили.

Собрал царь князей да бояр, позвал своих старших зятьёв и говорит:

— Наши ратные люди все Гвидоновы и Салтановы полки побили, повоевали, а воеводой у наших ратников тот молодец, у которого по локоть руки в золоте, по колен ноги в серебре. Он собрал мужиков да посадских людей, выступил в поход самовольно и тем

мне, царю, и вам, моим ближним князьям да боярам, нанёс большое бесчестье. Чего станем с самовольником делать?

— Чтобы впредь на такое самовольство никому соблазна не было, надо царёва ослушника казнить! — князья с боярами закричали.

Тут поднялся с места один старый боярин, низко царю поклонился:

— Не вели, царь-надёжа, казнить, вели слово молвить!

— Сказывай, боярин, сказывай, — царь говорит.

— Покуда посадские люди да мужики все вместе и покуда у них есть свой воевода, негоже наши намерения показывать. Надо их ласково встретить да приветить. Надо выкатить из погребов всё вино, какое есть, да побольше наград раздать — нечего жалеть золотой казны. Пусть ратники пьют, гуляют, забавляются. А как перепьются да разбредутся в разные стороны, тут поодиночке полегче с ними управиться. Тогда и царского ослушника, холопьего воеводу, легче лёгкого в железо заковать, а там, царь-государь, твори над ним свою волю!

Царю те речи по нраву пришлись, и все со старым боярином согласились.

Иван в ту пору незаметно отъехал от своих ратников подальше в чистое поле, в широкое раздолье. Коня расседлал, разнуздал.

— Спасибо, конь дорогой! Послужил ты мне верой и правдой, и я век твою службу помнить буду.

Конь ему говорит:

— Ты, Ваня, пуще всего опасайся царской милости да боярской лести. А я тебе и впредь буду верно служить, коли исполнишь мою просьбу.

— Говори, мой верный конь, я всё для тебя сделать готов, чего бы ты ни попросил!

— Помни, Иванушка, своё обещание!

— Говори, говори, всё исполню.

— Бери, Ваня, в руки свой острый меч и отруби мне голову,— просит конь.

— Ну что ты, что ты говоришь! Статочное ли дело, чтобы я своему верному коню сам голову отрубил! Чего хочешь проси, а об этом и говорить нечего. Веки веков моя рука на этакое дело не подымет.

Конь голову опустил:

— Коли так, навеки ты меня, Ваня, несчастным оставишь.

И заплакал конь горькими слезами.

Стоит Иван, глядит на друга-товарища, не знает, чего делать.

А конь неотступно просит:

— Не бойся ничего! Отруби мне голову и тогда увидишь, что будет.

Думал, думал Иван, схватил меч, размахнулся и отсек коню голову.

И вдруг, откуда ни возьмись, вместо коня стал перед ним добрый молодец:

— Ох, Иванушка, друг дорогой, спасибо тебе, что послушал меня, избавил от колдовства! А как не исполнил бы моей просьбы, век бы мне конём быть.

Сам я из этого царства— Василий, крестьянский сын. Сила во мне была великая. А в ту пору обидел царский слуга моего отца с матерью. Вызвал я обидчика на поединок и победил его в кулачном бою. Царь на меня прогневался. Подкараулили царские слуги меня и сонному руки, ноги сковали, увезли в глухой, тёмный лес, оставили там диким зверям на растерзание.

Мимо ехал шут, взял меня в своё царство. Не захотел я у него холопом служить. За это шут конём обернул, голодом морил да мучил, покуда ты не выручил меня.

Мы с тобой вместе от шута избавились, вместе за свою землю стояли, с лютыми врагами бились, кровь пролили.

И никто, кроме тебя, не мог избавить меня от шутова колдовства!

Глядит Иван и глазам не верит: был конь, а теперь стоит добрый молодец.

Тут Василий, крестьянский сын, Ивану поклонился:

— Будь мне названным братом!

Иван обрадовался, названного брата за руки брал, крепко к сердцу прижимал.

И пошли они к своим войскам.

А как стали полки к столице подходить, царь приказал из пушек палить, в барабаны бить и сам с боярами вышел навстречу ратникам:

— Спасибо, ребятушки, за верную службу! Век вашей услуги не забуду, всех велю наградить! А теперь отдыхайте! Пейте, гуляйте да веселитесь — угощения на всех хватит!

Тут Иван с Василием, крестьянским сыном, вышли вперёд:

— Теперь-то ты ласковый, на посулы не скупись, а помнишь ли, как всю нашу землю и весь народ ты да бояре Гвидону с Салтаном согласились навек в кабалу отдать? Теперь пришло время за эту измену ответ держать.

Царь и бояре ни живы ни мертвы стоят, руки, ноги дрожат и с лица изменились.

Названый
— Уходи
и духу ваше
И все ра
— Худ
Царь да
кто куда, то
А Иван,
стали тем ц
диковинки
Все посад
стали лихо
ше да бога
в сказках с

Названные братья им говорят:

— Уходите из нашего царства куда знаете, чтобы и духу вашего тут не было!

И все ратные люди закричали:

— Худую траву из поля вон!

Царь да бояре не стали мешкать, кинулись бежать кто куда, только их и видели.

А Иван, вдовий сын, со своим названным братом стали тем царством править. Все шутовы богатства и диковинки привезли. По всей земле сады насадили. Все посадские люди и деревенские мужики с тех пор стали лихо да беду изживать. Год от году живут лучше да богаче, а про царя да про бояр только иной раз в сказках сказывают.

ЧУДЕСНЫЕ ЯГОДЫ

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицей. У них росла дочь-красавица. Отец с матерью в ней души не чаяли и берегли царевну пуще глаза.

Вот как-то раз пришло в тот город чужеземное судно. Сбежался народ на пристань. Хозяин судна, торговый гость, стал показывать разные редкости и диковинки, каких никто не видывал. Покатилась молва про заморского купца по городу. Достигла та молва и царевниного терема. Захотелось царевне взгля-

нуть хоть один
Стала она проси
— Отпусти

рабь!

Царь с цар

строга-настро

— Берегит

вы в ответе.

Отправила

сенными деву

навстречу ца

рит:

— Прекр

Там у меня

вает, есть гу

кому этих

берёт!

И хочет

ступно зовё

— Что

отнести —

Не уде

да сенным

говым гос

в богатую

— П

диковин

Выше

дал кома

— О

А на

Быстро

в море.

нуть хоть одним глазком на заморские диковинки. Стала она просить родителей:

— Отпустите меня поглядеть на заморский корабль!

Царь с царицей её отпустили, мамкам да нянькам строго-настрого приказали:

— Берегите царевну! Если кто обиду нанесёт — вы в ответе.

Отправилась царевна с мамками, с няньками да с сенными девушками. Только пришли на пристань, как навстречу царевне сам чужеземный купец — и говорит:

— Прекрасная царевна, зайди на мой корабль! Там у меня кот-баюн, он песни поёт и сказки рассказывает; есть гусли-самогуды и скатёрка-хлебосолка. Никому этих редкостей я не показывал — для тебя берёг!

И хочется пойти и боязно царевне, а купец неотступно зовёт:

— Что тебе по нраву придёт, всё велю во дворец отнести — в подарок тебе!

Не удержалась царевна и велела мамкам, нянькам да сенным девушкам на пристани ждать, а сама с торговым гостем поднялась на палубу. Привёл её хозяин в богатую каюту:

— Посиди тут, прекрасная царевна, а я пойду все диковины принесу.

Вышел на палубу, запер дверь крепко-накрепко и дал команду:

— Отдать концы!

А на корабле только этого приказа и ждали. Быстро подняли все паруса — и побежало судно в море.

Мамки, няньки да сенные девушки подняли крик, мечутся на пристани, плачут, а судно всё дальше и дальше уходит. Дали знать во дворец. Прибежали на пристань царь с царицей, а судно уж скрылось из виду. Что тут делать?

Царица убивается, а царь приказал всех мамок, нянек и сенных девушек под стражу взять. Потом велел клич кликнуть:

— Кто отыщет царевну, того на ней женю и при жизни полцарства отпишу, а после моей смерти всё царство ему достанется!

Много нашлось охотников. Искали царевну по всему свету и нигде не нашли.

А в том городе служил в солдатах Иван, крестьянский сын. Пришёл черёд ему в караул идти, царский заповедный сад стеречь. Стоит солдат под деревом, не спит. В самую полночь прилетели два ворона. Сели на то дерево, где Иван-солдат стоял, и заговорили по-человечески. Один ворон молвил:

— У здешнего царя потерялась единственная дочь. Три года искали — не нашли.

Другой ему отвечает:

— Ну, это дело нехитрое! Коли ехать по морю на полдень, попадёшь в царство Немал-Человека. Он похитил царевну и держит в своём дворце. Хочет выдать замуж за своего племянника, Змея Горыныча. Найти царевну легко, да живому оттуда не выбраться. Никому не одолеть Немал-Человека!

— Нет,— сказал первый ворон,— найдётся сила и на Немал-Человека. Есть на море-океане остров, живут на том острове два леших. Тридцать лет они дерутся между собой, никак не могут поделить меч-самосек. Кто бы нашёлся смел да удал и достал у ле-

ших тот меч-самосек, тогда легко было бы с Немал-Человеком справиться.

И улетели вóроны.

Иван-солдат мешкать не стал. Как только пришла ему пора смениться, пошёл во дворец.

Царь спрашивает:

— Зачем, солдат, пришёл?

— Отпусти, ваше величество, меня! Пойду царевну искать.

Удивился царь:

— Много было и без тебя охотников. Князья, бояре, именитые купцы да генералы искали царевну по всему белому свету — не нашли. Где ты, простой солдат, искать станешь, когда и сам нигде не бывал, ничего не видал!

— Ваше величество, «кто едет — тот и правит» — мне и знать, как царевну разыскать да домой привезти.

— Ну, смотри, солдат, моё царское слово крепкое: найдёшь царевну — зятем моим будешь и полцарства отдам при жизни, а не найдёшь — мой меч, твоя голова с плеч!

— Двум смертям не бывать, одной всё равно не миновать, — отвечает солдат. — Вели корабль снарядить и прикажи капитану меня во всём слушаться.

Велел царь корабль снарядить, и в скором времени отправился Иван-солдат в путь-дорогу.

Плыли близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли — приплыли к пустынному острову. Иван-солдат говорит капитану:

— Стой тут и всю команду держи наготове. Я сойду на берег, а как только вернусь на судно, по-

дымай все паруса и уходи отсюда прочь как можно скорее.

Переправился Иван-солдат на берег, поднялся на крутую гору и пошёл вдоль острова. Шёл, шёл, услышал шум в лесу — и вдруг выскочили ему навстречу два леших. Вырывают что-то друг у друга. Один кричит:

— Мой! Всё равно не отдам!

А другой к себе тянет:

— Нет, мой!

Увидели Ивана-солдата, остановились, потом в один голос заговорили:

— Рассуди нас, добрый человек! Достался нам в наследство меч-самосек. Меч один, а нас двое, и вот уже тридцать годов мучимся, бьёмся — никак не можем поделить.

Иван-солдат только этого и ждал:

— То дело нехитрое. Я стрелу пущу, а вы бегите оба за ней. Кто скорее найдёт стрелу да воротится, тому и меч-самосек достанется.

На том и согласились.

Полетела стрела, кинулись вслед за ней оба леших, а Иван-солдат схватил меч-самосек да и был таков.

Только успел подняться на палубу, как взвились паруса и побежало судно в открытое море. Плыли ещё день и ночь и на другое утро приплыли в царство Немал-Человека.

Иван-солдат взял меч-самосек и отправился царевну искать. Недалеко от берега увидал большой дом. Поднялся на крыльцо, размахнул дверь на пяту и видит: сидит в горнице царевна, слезами обливается, плачет.

Взглянула на Ивана-солдата:

— Кто ты таков, добрый молодец? Как сюда попал?

— Я Иван-солдат, пришёл тебя из неволи выручить да домой увезти.

— Ох, молодец! Сюда-то дорога широкая, да отсюда только никому повороту нет. Погубит и тебя Немал-Человек, живого не выпустит.

— Кто кого из нас погубит, видно будет, сейчас загадывать нечего, — отвечал Иван-солдат.

Ободрилась царица, перестала плакать.

— Вот кабы ты меня от Немал-Человека вызволил да к батюшке с матушкой увёз, я бы с радостью за тебя замуж пошла!

— Ну, смотри, давши слово — держись! — Иван-солдат сказал.

Подала она свой перстень:

— Вот тебе мой перстень именной: я своему слову хозяйка.

Только успела это вымолвить, как поднялся страшный шум.

— Хоронись, молодец, — крикнула царица, — Немал-Человек идёт!

Стал Иван-солдат за печь. В ту же минуту дверь распахнулась, ступил через порог Немал-Человек и заслонил собой белый свет: сразу всё кругом потемнело.

— Фу-фу-фу, давно на Руси не бывал, русского духу не слыхал, а теперь русский дух сам ко мне пожаловал! Выходи, запечный богатырь, силой мериться! Положу тебя на ладонь, а другой прихлопну, и останется от тебя грязь да вода.

— Рано, проклятое чудовище, хвалишься: не по

мне, а по тебе станут поминки справлять! — крикнул Иван-солдат.

Взмахнул своим мечом и отсек голову у Немал-Человека. Тут набежали слуги Немал-Человека, накинулись на Ивана-солдата, а он и слуг мечом-самосеком всех порешил и повёл царевну на корабль.

Пала поветерь¹, и скоро они приплыли в своё государство.

Царь с царицею смеются и плачут от радости, царевну обнимают. Весь народ славит Ивана-солдата. Завели во дворце пир-столованье. И все гости на пиру пили, ели, веселились и прославляли геройство Ивана-солдата. А как отпировали, царь ему говорит:

— Вот, Иван, крестьянский сын, был ты простым солдатом, а теперь за твою удаль быть тебе генералом!

— Спасибо, ваше величество, — отвечает Иван.

Прошло много ли, мало ли времени, спрашивает Иван у царя:

— А что, ваше величество, уговор ведь дороже всего, не пора ли к свадьбе готовиться?

— Помню, помню, да, видишь ли, неотступно сватается ещё один жених, иноземный королевич. И неволить я царевну не стану. Как она скажет, так тому и быть.

Показал Иван царевнин перстень:

— Она сама мне обещалась и дала обручальный перстень.

Не хотелось царю с крестьянским сыном родниться и жалко отказать королевичу, да делать нечего — говорит царь:

— Моё слово нерушимо: коли царевна с тобой обручилась, станем свадьбу играть.

¹ Пáла пóветерь — подул попутный ветер.

Только успели Ивана с царевной повенчать да сели за свадебный стол, как гонец прискакал с нерадостной вестью. Иноземный королевич подступил к царству с несметным войском и велел сказать: «Если не выдадут добром царевну замуж, силой возьму и всё царство головнёй покачу».

Опечалился царь, не пьёт, не ест, и бояре сидят сами не свои, а царевна думает: «На минуту ума не хватило, а теперь век кайся! Кабы не обручилась тогда с Иваном, крестьянским сыном, вышла бы теперь замуж за королевича, и родителям бы заботы не было».

А Иван говорит:

— Не кручинься, царь-государь, и вы, бояре ближние! Я поеду, переведаюсь силой с королевичем.

Вышел из-за стола, сел на коня и поехал навстречу вражьей силе.

Съехался с чужеземными полками и стал войско бить, как траву косить. Как раз мечом махнёт — улица, назад отмахнёт — переулок, и скоро всё войско перебил. Только сам королевич с главными генералами успели убежать.

Воротился Иван с победой. Весь народ его прославляет, и царь приободрился, приветливо зятя встречает.

Только царевна не в радости: «Видно, мне век вековать с этим мужиком-деревенщиной».

А виду не показывает, привечает мужа.

Немного времени прошло — опять доносят царю:

— Наступает иноземный королевич с новым войском, грозитя всё царство покорить и силой царевну отбить.

— Ну, зятюшка любезный, — говорит царь, — на тебя вся надежда: ступай на войну.

Иван вскочил на коня — и только его и видели. Съехался с королевичем, выхватил меч-самосек и бьёт иноземное войско, как траву косит.

Видит королевич неминуемую беду, повернул коня и вместе с ближними генералами пустился наутёк.

Убежал в своё государство, оттуда царевне шлёт письмо: «Выспроси у Ивана, крестьянского сына, в чём его сила, помоги мне победу одержать, и я на тебе женюсь, а не то быть тебе век мужиковой женой».

Царевна к Ивану ластится:

— Скажи, муженёк дорогой, какая в тебе сила? Как мог ты с Немал-Человеком справиться и один два несметных войска побить?

Не чует Иван беды над собой:

— Есть у меня меч-самосек. С тем мечом я над всяким богатырём верх возьму и какое ни есть войско побью, а сам невредим останусь.

На другой день пошла царевна к оружейному мастеру:

— Подбери мне такой меч, как у моего мужа.

Подобрал оружейник такой меч, как у Ивана, — отличить нельзя. Подменила царевна ночной порой меч-самосек простым мечом и тайно иноземному королевичу весть подала: «Войско собирай, поди войной, ничего не бойся».

После того немного времени прошло — прискакал вершник¹:

— Опять королевич войной идёт на наше царство.

Выехал Иван навстречу, бьётся с неприятелем, а урону во вражьем войске совсем мало. Успел только трёх человек посечь-побить, как самого ранили и сбили с коня.

¹ В е р ш н и к — верховой гонец, всадник.

Скоро королевич всё царство полонил. Встретила его царевна с радостью:

— Навек меня от мужика избавил!

И царь рад-радёхонек. Пошёл во дворце пир горой да угощение.

Иван, крестьянский сын, поотлежался и тут только вспомнил, как царевна выведала, в чём его сила:

«Никто как она подменила меч и королевичу знать дала!»

Уполз он в глухой тёмный лес, раны перевязал, и стало ему легче. Идёт куда глаза глядят. Голодно ему и пить хочется. Увидел на кусте спелые ягоды жёлтые.

«Что за ягоды? Дай-ка попробую».

Съел две ягодки, и вдруг заболела у него голова. Терпения нет — так ломит. Дотронулся рукой и чувствует — выросли у него рога.

Опустил Иван голову, опечалился: «Нельзя теперь людям на глаза показаться, придётся мне в лесу жить».

Прошёл ещё недалеко — встретилось деревце: растут на дереве красные ягоды крупные.

А жажда Ивана томит. «Дай сорву ягодку-другую, съем».

Сорвал Иван одну ягодку, съел — рог отпал; съел другую — и другой рог отпал. И чувствует — сила в нём против прежнего утроилась.

«Ну, теперь я совсем справился! Надо мне меч-самосек добывать».

Сплёл две корзины небольшие, набрал ягод красных и жёлтых.

Выбрался из лесу на дорогу и пошёл в город. У за-

ставы променял своё цветное платье и в худом каф-
танишке да в лаптях пришёл на царский двор:

— Ягоды спелые! Ягоды душистые!

Услыхала царевна и посылает сенную девушку:

— Поди узнай, что за ягоды. Коли сладкие, купи мне.

Выбежала служанка на крыльцо:

— Эй, торговый человек, сладки ли твои ягоды?

— Лучше моих ягод, красавица, нигде не найдёшь! Отведай-ка вот сама.— И подал ей красную целебную ягоду.

Девушке ягодка по вкусу пришлась. И отдал ей Иван жёлтые ягоды. Воротилась девушка в горницу:

— Ох, и до чего сладки ягоды у этого торговца, век таких не едала!

Съела царевна ягодку-другую — стало ей не по себе:

— Что это как у меня голова заболела?

Глядит на неё сенная девушка, увидела — рога растут у царевны, и от страху слова не может сказать.

В ту минуту взглянула и царевна в зеркало да так и обмерла. Потом опомнилась, ногой топнула:

— Где тот торговец? Держите его!

Сбежались на крик все мамки, няньки и сенные девушки. Прибежали царь с царицей и с королевичем.

Кинулись все на двор:

— Держи торговца, ловите его!

А торговца и след простыл. Нигде найти не могли.

Стали царевну лечить. Сколько всякие знахари ни пользовали — ничего не помогает, никак она не может от рогов избавиться.

В ту пору Иван, крестьянский сын, отрастил себе бороду, прикинулся старым стариком и пришёл к царю:

— Есть у меня, ваше величество, лекарство — от всех болезней помогает. Я берусь вылечить царевну.

Обрадовался царь:

— Коли правду говоришь и дочь поправится, проси у меня, чего хочешь, а королевич тебя особо наградит!

— Спасибо, царское величество, не надо мне никакой награды. Веди меня к царевне да прикажи, чтоб не смел никто в покои входить, покуда не позову сам. Если станет царевна кричать — больно ей будет, всё равно входить никому нельзя. А не послушаетесь — век ей от рогов не избавиться.

Оставили одного Ивана с царевной; запер он крепко-накрепко дверь, выхватил берёзовый прут и давай тем прутом царевну потчевать. Берёзовый прут — не ольховый: гнётся, не ломается, вокруг тела обвивается.

— Вот тебе наука! Не обманывай вперёд никого! Узнала царевна Ивана, крестьянского сына, стала на помощь звать.

А он знай бьёт да приговаривает:

— Не отдашь моего меча — смерти предам!

Покричала царевна, покричала, никого не дозволясь и взмолилась:

— Отдам тебе меч, только не губи меня, Иванушка дорогой!

Сбегала в другую горницу, вынесла меч-самосек.

Взял Иван меч, выбежал из горницы, увидал на крыльце королевича, махнул мечом — и повалился королевич замертво.

«Обману нету, подлинно мой меч!»

Воротился в горницу, подал царевне две целебные ягоды:

— Ешь, не бойся.

Съела царевна красную ягоду — один рог отпал; съела другую — другой рог отпал, и стала она совсем здорова. Плачет и смеётся от радости:

— Спасибо тебе, Иванушка! Другой раз ты меня из беды вызволил, век твоего добра не забуду! Прогони королевича, а меня прости, и буду я тебе верной женой.

Отвечает Иван, крестьянский сын:

— Королевича твоего уже и в живых нету. А ты с отцом, с матерью уходи куда знаешь, чтобы духу вашего тут не было! Не было у меня жены, да и ты мне не жена!

Прогнал Иван, крестьянский сын, царя с царицею да с царевною и с тех пор живёт-поживает, беды никакой не знает.

МУЖИК И ЦАРЬ

Жил-был царь. Пуще всего на свете любил тот царь сказки слушать. И всё ему хотелось новых да новых сказок. Придворные сказочники все сказки, какие знали, пересказали, и никто больше царю угодить не может. Велел царь кликнуть клич:

— Женю на своей дочери и полцарства дам тому, кто расскажет сказку, какой я ещё не слышал!

Охотников сыскалось много: и князья, и бояре, и генералы, и купцы — да всё без толку. Только кто заведёт сказывать какую сказку, а царь уж кричит:

— Знаю, знаю, слышал эту сказку!

На том дело и кончится. Того жениха и прогонят.

А в том царстве жил, горе мыкал бедный мужик. Ни дома, ни хозяйства у него не было. Жил где при-

ведётся, пил, ел что придётся. Иной день впроголодь, иной день и вовсе не евши сидел. Как-то раз зашёл тот молодец в кабак погреться, выпить стаканчик винца. Целовальник¹ над ним подсмеивается:

— Что нейдёшь царю сказки сказывать? Небось царевна все глаза проглядела: ждёт тебя, жениха, не дожждётся.

Слушает бедняк насмешливую речь, а сам думает: «Дай пойду попытаю счастья. Царским зятем мне не быть, а хоть день-другой готовыми харчами попользуюсь».

Пришёл во дворец. Царь спрашивает:

— Зачем, мужик, пришёл?

— Хочу тебе, царское величество, сказку рассказать. Только вели сперва накормить, напоить меня.

Царь его оглядел и усмехнулся:

«Ну и жених! Рубаха латана-перелатана, лапти верёвкой подвязаны».

Но ничего, не отказал ему.

Мужика накормили, напоили. Царь собрал ближних бояр да советников и приказывает молодцу:

— Сказывай твою сказку!

— Мой покойный родитель, — говорит мужик, — был самый богатый человек в нашем царстве. Выстроил он высокие хоромы. По крыше тех хором голуби ходили да с неба звёзды поклёвывали. Вот сколь высоки были те хоромы! А двор у нас был такой, что за весь летний день голубь не мог перелететь из конца в конец.

Царь молчит, и бояре молчат, не перебивают, а мужик говорит:

¹ Целовальник — продавец вина, водки в винной лавке.

— Дальше сказывать стану завтра, после обеда, поевши пирогов да мягкого хлеба.

И пошёл на поварню ужинать.

На другой день вечером стал он сказку продолжать:

— И стоял у нас на дворе бык-семилеток. На одном рогу сидел у того быка пастух, а на другом — другой. Пастухи в трубы трубили, на рожках играли, песни пели, а друг друга в лицо не видали и голоса не слышали. Вот какой был у нас бык матёрый!

Молчит царь, не перебивает, и бояре молчат. Сказочник поднялся и говорит:

— Завтра сказку доскажу, а сегодня на покой пора.

И пошёл на поварню ужинать. Тут царь заговорил:

— Что станем делать, бояре? Эдакой сказки я не слышал, а отдавать свою дочь за мужика-лапотника не хочу. Придумайте, как сказочника обмануть.

Князья да бояре стали думу думать. Думали-думали и придумали:

— Скажи, царь-государь, что ты эту сказку слышал, и мы все подтвердим: «Знаем, мол, слышали про это». А чтобы крепче было, вели в том грамоту написать, и под этой грамотой мы все свои подписи поставим.

На том и согласились.

Мужик про тот сговор проведал, а виду не показывает. На другой день как ни в чём не бывало пришёл после обеда, сел и стал сказку досказывать:

— Была у моего покойного родителя кобылица, в три дня вокруг земли обегала...

Князья да бояре с царём переглядываются, в бороды усмежаются, а сказочник рассказывает:

— Золота да серебра у нас были амбары доверху насыпаны. И ты, царь-государь, в ту пору занял у нас сундук золота и по сей день ещё не отдал...

Тут царь закричал:

— Знаю, знаю!

И князья да бояре поддакивают:

— Знаем, слышали эту сказку и грамоту в том подписать согласны!

С мест вскочили, подписи под грамотой поставили. Взял мужик грамоту и говорит:

— А коли слышали да грамоту в том подписали, так плати долг, царское величество!

В ту пору царь догадался:

— Обманул меня мужик-лапотник!

Да делать было нечего: что написано пером — того не вырубишь топором. Пришлось насыпать сундук золота. Мужик денежки взял и стал жить-поживать. И до сих пор живёт да посмеивается.

ПРО БЕДНОГО И БОГАТОГО БРАТА

Жили-были два брата. Старший был богатый, а младший — бедный. У богатого — пиры да веселье, а у бедного — иной раз и хлеба куска нет: ребят полная изба, и все мал мала меньше.

Последнюю коровёнку проели, и дошло дело до того, что совсем нечем детей кормить. Говорит бедняк:

— Пойдём, жена, к брату, попросим хлеба. Авось он муки мешок даст.

— Ну что ж, пойдём.

И пошли.

В тот день там праздник справляли. Съехалось гостей со всех волостей: и купцы, и попы, и богатые мужики в горнице сидят пируют.

Бедняк с женой поздоровались и просят:

— Дай, братец, хлеба, нечем ребят кормить! Осень придёт — рассчитаемся.

Вынес богач чёрствую ковригу, подал и говорит:

— В страдную пору поработаете денёк-другой за это — и будем в расчёте.

А к столу не позвал. Обидно им показалось, да что станешь делать! Поднесла работница квасу, выпили, да с тем и пошли домой.

Слышно — гости в горнице песни поют.

Говорит бедняк:

— А что, жена, давай и мы запоём! Пусть люди думают, будто и нас угостили винцом.

— Чего не дело говоришь! Гости там поют оттого, что сладко поели да много выпили, а нам с тобой не до песен.

А бедняк стоит на своём — затянул песню, и слышалось ему два голоса: кто-то тоненьким голоском подпевает.

— Это ты, жена, подсобляешь мне петь?

— Что ты, я и не думала!

— Так кто же ещё поёт?

— Не знаю, — отвечает жена. — Ну-ка, запой, послушаем.

Опять запел. Поёт один, а слышно два голоса: кто-то тоненько подпевает. Остановились. Спрашивает бедняк:

— Кто тут подпевает?

— Да я, Нужда твоя.

Обернулся бедняк и увидал возле себя маленькую старушонку — стоит старушонка ростом с локоток, вся в лохмотьях.

Крикнул ей:

— Ну, чего тут мёрзнешь на ветру? Садись ко мне в мешок, донесу тебя.

Забралась Нужда в мешок, а бедняк завязал мешок покрепче, и пошли.

Дома хозяйка отрезала ребятам по ломтю хлеба, покормила и стала их спать укладывать.

Муж спать не ложится, пилит да строгаёт доски.

— Чего там, на ночь глядя, вздумал ещё мастерить? — спрашивает жена.

— Молчи, жена! Надо Нужду похоронить. Надоела, проклятая, хуже горькой редьки!

Вот он гроб сколотил, Нужду в гроб уложил и крепко гвоздями крышку прибил.

Прихватил лопату и понёс Нужду на кладбище. Выкопал там глубокую могилу, опустил Нужду и только стал зарывать, как услышал: зазвенела лопата обо что-то. Нагнулся, поглядел — золота кусок нашёл. Поскорее могилу зарыл, землю утоптал.

— Лежи тут, станем теперь без Нужды жить.

Домой воротился, повалился спать. На другой день отправился в город, продал там золото. На эти деньги купил лошадь, корову да хлеба три воза. Потом купил всем ребятам да жене по обновке, и денег ещё вволю осталось. Избу починил, совсем справился и стал работать да жить-поживать, лихое время забывать. Во всём пошла удача: и урожай выдался хороший, и рыбы наловил вдоволь, и дети стали подрастать да по хозяйству помогать.

А богатый брат завидует:

«Был нищий, по чужим людям работал, а теперь хозяйство своё завёл. Не у меня ли чего украл?»

Не утерпел, пришёл к младшему брату и спрашивает:

— Был ты последний житель в деревне, а теперь стал справным хозяином. Как тебе удалось выбиться из бедности?

Рассказал ему младший брат всё без утайки: как они с женой от него шли домой, и как Нужда ему подпевала, и как он от неё избавился.

Выспросил богач, где Нужда похоронена, и заторопился — от зависти не терпится ему:

— Засиделся у тебя, а меня дела ждут.

— Пообедай с нами, братец, да чайку попей, — уговаривает младший брат.

— Нет, недосуг мне обедать да чай распивать. Надо домой поспешать.

И ушёл.

Дома взял заступ да топор и скорым-скоро побежал на кладбище. Разыскал место, где Нужда похоронена, разрыл могилу, наклонился и спрашивает:

— Жива ли ты, Нужда?

— Ох, жива, — чуть слышно Нужда отвечает, — да худо мне, ой как худо!

— Ладно, сейчас тебя выпущу.

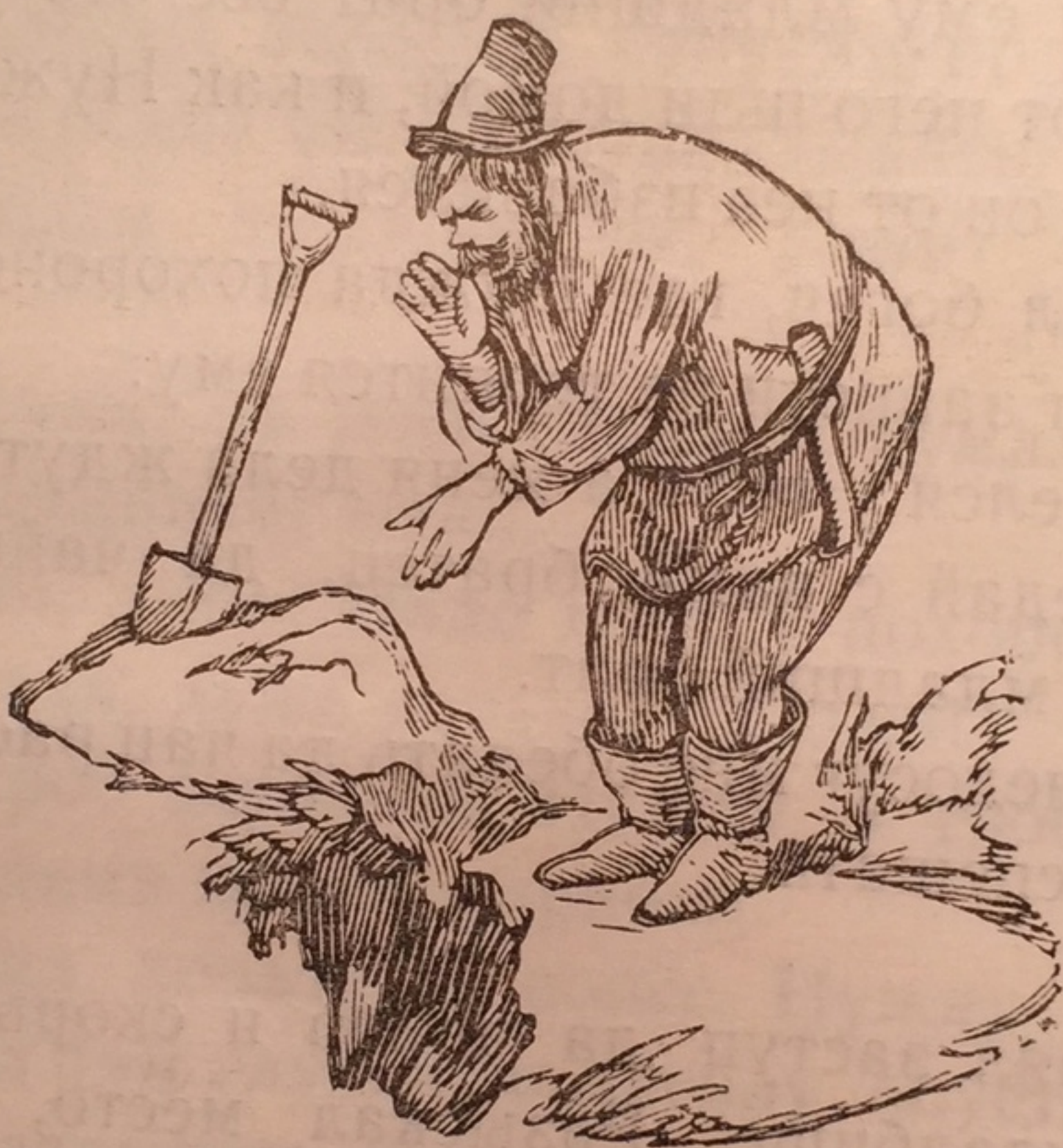
Спустился в яму, отбил топором крышку и говорит:

— Поди, Нужда, к меньшому брату, станешь у него привольно жить.

А Нужда изловчилась да и вскочила ему на шею:

— Нет, тот брат меня живую схоронил, а ты добрый — выпустил на волю! Я от тебя никуда теперь не пойду.

И осталась Нужда у старшего брата. Стал он жить хуже и хуже, а под конец и совсем разорился.

Жил
шего зв
шего —
Возл
Была та
ных гря
стольно
чёрные
Заду
рогу пря
пей воду
мосты к

ты доб.
перь не
н жить

СОЛДАТ СЕМЁН — СКОРЫЙ ГОНЕЦ

Жил-был старик, и было у него три сына. Старшего звали Фёдором, среднего — Степаном, а младшего — Семёном.

Возле самой деревни пролегала большая дорога. Была та дорога окольная: вокруг топей, болот да чёрных грязей огибала. Коли прямо ехать из деревни до стольного города — надо три дня, а болото, топи да чёрные грязи объезжать — три года.

Задумал старик народу подсобить: проложить дорогу прямоезжую. Велел сыновьям из болот, из топей воду выпускать, через чёрные грязи настилать мосты кленовые, чтобы ни пешему, ни конному ног

не замочить и вместо трёх годов в трое сутки прямо-
езжим путём из деревни в стольный город попадать.

Принялись за дело: один сын канавы копает да
воду спускает, другой — лес валит, а третий — мост
мостит, настил стелет.

Отец помогает всем да советует, как лучше сде-
лать. Трудились долго ли, коротко ли, сработали мост
на сто вёрст.

Хорошо стало прохожим, проезжим людям. Идут,
едут, и все рады-радехоньки.

— Спасибо, — говорят, — тем, кто этот мост наду-
мал строить да выстроил! Великое народу облегчение
сделал.

А старик со своими сыновьями опять за крестьян-
ские дела принялись. Лес ронят, пенья корчуют да
хлеб сеют, как и прежде.

В ту пору сошлись над мостом солнце, ветер да
месяц, слушают людскую молвь и говорят:

— Весь народ старика с сыновьями за доброе де-
ло славит, а живёт старик по-прежнему худо: кое-как
с хлеба на квас перебивается. Надо помочь ему из
нужды выбиться.

Позвали старика и говорят:

— За твою мирскую заботу мы тебя наградим.
Проси чего хочешь!

Поклонился старик солнцу, ветру да месяцу:

— Спасибо! Мне, старому, ничего не надобно. По-
мянут люди добрым словом — и то хорошо. Сыновей
спрашивайте: у них вся жизнь впереди.

Спросили старшего брата — Фёдора:

— Ты дорогу расчищал, мост мостил. Проси себе
какой хочешь награды — всё исполнится.

Подумал Фёдор и говорит:

— Я работал не один, а с отцом да с братьями, и не знаю, чего им надобно.

— А ты себе чего просишь?

Отвечает старший брат:

— Вот как бы хлеб хорошо родился, градом бы его не выбивало, морозами не портило — больше мне ничего не надо.

— Всё станет по-твоему, — солнце, ветер да месяц говорят. — Ступай, паши да сей, всегда будешь с хлебом.

Спросили среднего брата — Степана:

— Ты с отцом да с братьями дорогу через топи, болота прокладывал да мост мостил. Проси какую хочешь награду — всё исполнится.

Подумал Степан, подумал: «Денег выпросить — пройдут деньги, и останусь ни с чем. Лучше всего ремесло узнать» — и говорит:

— Больше всего по душе мне плотницкое ремесло. Вот как бы обучиться тому мастерству скоро да хорошо работать! Стал бы избы рубить, дома строить — всегда сыт буду.

— Ступай, — солнце, ветер да месяц говорят, — будешь ты самым искусным плотником, и все тебя станут почитать, уважать.

Позвали меньшого брата — Семёна.

— А тебе какую награду дать за то, что с отцом да с братьями болота, топи осушал, мост замостил? Фёдор захотел пахарем остаться. Степан — мастеровым стать, а у тебя к какому делу прилежание?

Семён отвечает:

— Пуще всего мне охота солдатом стать.

— Ты ещё совсем молодой, — солнце, ветер да месяц говорят, — нигде не бывал, ничего не видал. Труд-

но тебе покажется в солдатах служить. Как бы после каяться не стал...

И обернули Семёна серым зайцем.

— Сбегай погляди сперва на солдатское житьё-бытьё.

Побежал Семён серым зайцем, поглядел на солдат. Учат их строем ходить: «Раз, два! Раз, два!» Заставляют всех сразу поворачиваться: «Налево! Направо! Кругом!»

Учат через рвы, канавы перескакивать. Учат быстрые реки переплывать, из ружей палить и штыками колоть: «Раз, два! Раз, два!» Утром будят ни свет ни заря и до вечерней зари обучают.

Воротился Семён домой.

Солнце, ветер да месяц обернули его добрым молодцем и спрашивают:

— Видал, сколь трудно в солдатах служить?

— Видал,— отвечает Семён. А сам на своём стоит: — Охота мне солдатом стать.

Обернули его солнце, месяц да ветер быстроногим оленем:

— Беги прямо на полдень три дня, никуда не сворачивай. Погляди ещё раз на солдат.

Бежал Семён быстроногим оленем прямо на полдень три дня и увидел большое войско в походе.

Каждый солдат тяжёлую поклажу несёт. Солнце солдат палит и жажда донимает, дождик мочит и холод томит. Идут: то грязь по колено, то пыль столбом поднимается. Идут полки с утра день до вечера: «Раз, два! Раз, два!» Все, как один человек, шагают.

Воротился Семён домой.

Солнце, ветер да месяц обернули его добрым молодцем и говорят:

— Те полк
сколь трудны
редумал и дру
А Семён о
— Хочу со
Тогда сол
раз — ясным
— Слетай
сражаются.
Полетел
увидел сраже
Те солдат
неприятелем.
дым кругом
рубят. Одна
прочь — дру
ща, побежал
Воротил
Солнце,
лодцем и сп
— Пог
дешь ли те
А у Сем
— Хоч
оборонять.
— Ну,
говорят. —
высмотрет
зайца да у
перекинсь
ся. Вспом
нем, а сок
лом полет

— Те полки, что ты видал, идут на войну. Видал, сколь трудны солдатские походы? Может, теперь передумал и другого чего попросишь?

А Семён одно твердит:

— Хочу солдатом стать.

Тогда солнце, ветер да месяц обернули его третий раз — ясным соколом:

— Слетай, погляди, как бьются солдаты, сражаются.

Полетел Семён ясным соколом. Три дня летел и увидал сражение, кровавый бой.

Те солдаты, что в походе были, грудью сошлись с неприятелем. Из ружей палят, будто гром гремит, дым кругом расстилается. Колют штыками, саблями рубят. Одна нога прочь — на другой стоит; одна рука прочь — другой палит. И дрогнули вражеские полчища, побежали.

Воротился Семён домой.

Солнце, ветер да месяц обернули его добрым молодцем и спрашивают:

— Поглядел, как трудно солдатам на войне? Пойдёшь ли теперь в солдаты?

А у Семёна сердце разгорелось пуще прежнего.

— Хочу в солдатах служить, свою землю от врага оборонять.

— Ну, будь по-твоему, — солнце, ветер да месяц говорят. — А коли понадобится тебе когда неприятеля высмотреть либо куда поспешить придётся, вспомни зайца да ударься оземь — и станешь зайцем, а потом перекинься через себя — опять в человека обернёшься. Вспомнишь оленя, ударься оземь — станешь оленем, а сокола вспомнишь да оземь ударишься — соколом полетишь.

И стал Семён солдатом. Служил он год ли, два ли — и тут случилась война: иноземный король с большим войском напал на царство. Все солдаты в поход снарядились, и сам царь повёл полки на войну.

Шли три месяца и сошлись с неприятелем. Вражеские полчища совсем близко. Надо бой начинать.

В ту пору хватился царь своего меч-кладенца — нет меча, дома позабыл. А без того чудесного меч-кладенца как царю в бой идти?

И кликнул царь клич по всем полкам:

— Кто скорее всех принесёт из дворца мой меч-кладенец, того за верную службу на своей дочери Марье-царевне женю и при жизни зятю треть царства отпишу, а после моей смерти и всё царство достанется!

Охотников выискалось много. Одни хвалятся:

— Мы в месяц обернёмся, меч принесём.

Иные берутся и через две недели воротиться. А один боярин посулился в десять дней за мечом-кладенцом съездить.

Солдат Семён говорит:

— Как бы меня послали, я в сутки бы управился.

Дошла та весть до царя. Царь обрадовался, позвал солдата Семёна и подаёт письмо:

— Ступай, передай Марье-царевне письмо. Она тебе меч-кладенец даст. Коли принесёшь в срок — быть тебе моим зятем.

Рано поутру отправился Семён в путь-дорогу. Отошёл с версту, скрылся из виду и вспомнил про зайца. Ударился оземь и поскакал серым зайцем. С горки на горку поскакивает, бежит во всю заячью прыть. Потом обернулся оленем быстроногим и ещё того скорее побежал.

Бежал, бежал,
ясным соколом и
Сделал над горо
дворца и залете
Увидала она сок
нулся через гол
пригожим молод
— Царь-госу
цом.

Марья-царев
несла меч-кладе
мила, стала вы
— Как тебе

Покажи мне.

Семён удар
ным соколом. С
Она успела вы
кол перекинул
молодцем. Д
заяшком по
заячьей шер
и стал пере
царевна погл
шерсти. Пере
добрым моло

Солдат
ему тоже по
седу вести.

прощаться. С
ным назвала
Тут добр
ясным сокол
из царских п

Бежал, бежал оленем, притомился, обернулся ясным соколом и к полудню попал в стольный город. Сделал над городом круг, спустился возле царского дворца и залетел в окно в горницу к Марье-царевне. Увидала она сокола, кинулась ловить, а сокол перекинулся через голову и стал перед Марьей-царевной пригожим молодцем. Подал ей грамотку:

— Царь-государь послал меня за мечом-кладенцом.

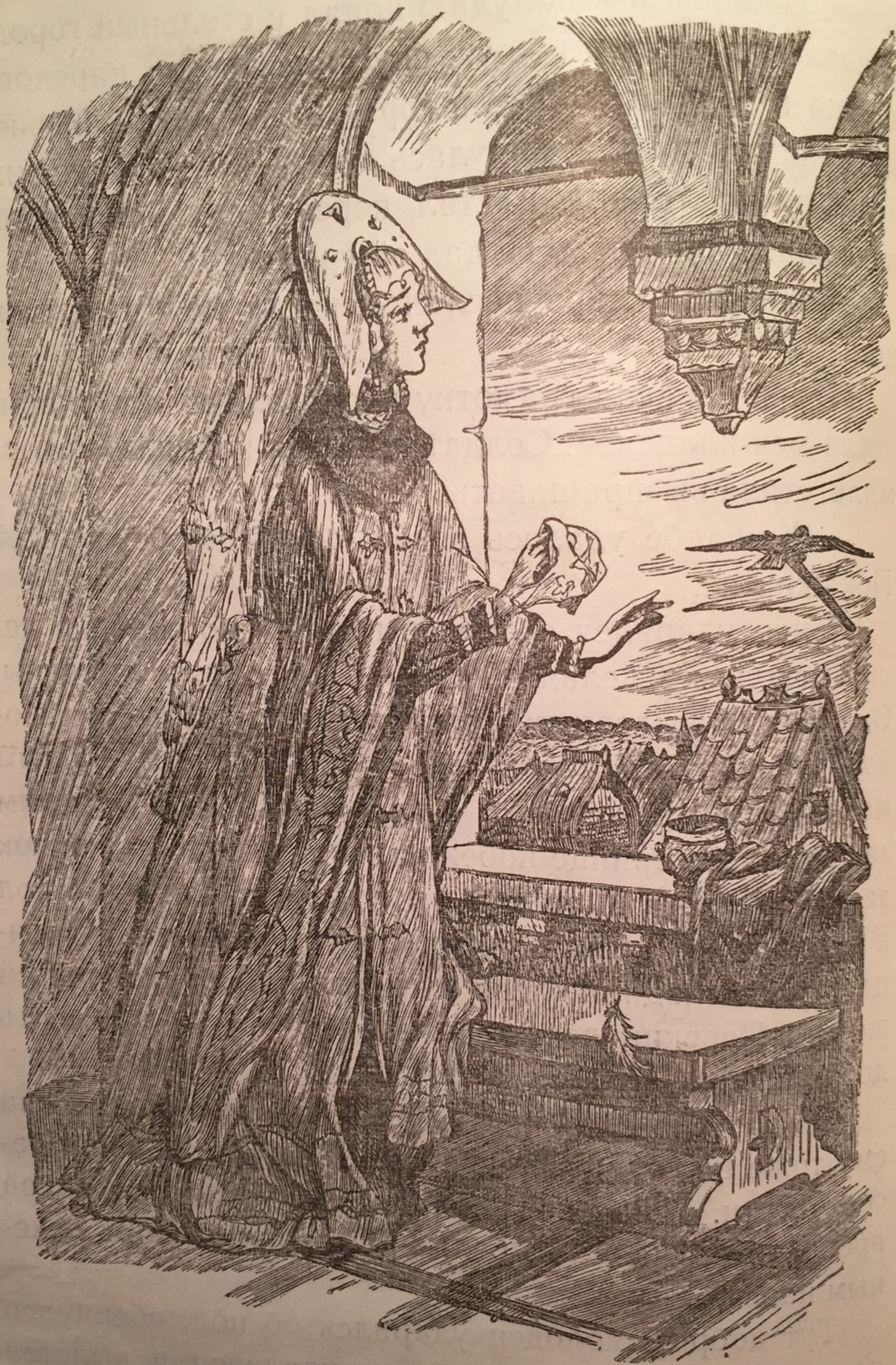
Марья-царевна грамотку прочитала и тотчас принесла меч-кладенец. Солдата Семёна напоила, накормила, стала выпрашивать:

— Как тебе удалось ясным соколом обернуться? Покажи мне.

Семён ударился об пол и полетел по горнице ясным соколом. Сделал круг, опустился возле царевны. Она успела выдернуть одно соколиное пёрышко. Сокол перекинулся через голову и обратился добрым молодцем. Другой раз ударился об пол — серым заюшком по горнице побежал. Она выстригла клочок заячьей шерсти. В третий раз ударился Семён об пол и стал перед девицей быстроногим оленем. Марья-царевна погладила оленя и выстригла клочок оленьей шерсти. Перекинулся олень через голову — стал опять добрым молодцем.

Солдат Семён Марье-царевне приглянулся, и она ему тоже по сердцу пришлась. Да не время было беседе вести. Помнил Семён о деле, стал с царевной прощаться. Она его за белые руки взяла, своим суженым назвала.

Тут добрый молодец ударился об пол, обернулся ясным соколом, прихватил меч-кладенец и вылетел из царских покоев. Марья-царевна к окошку села и

глядела ему
сокола.
Долго Л
натрудил,
строногим
скам. Ос
олень чер
Семён при
возле глуб
дремал. С
гой, успех
крепким с
взгоды не
В ту с
в десять
проходит
дом меч-
а потом
ву. Кину
царю:
— В
управит
солдати
успел пр
рез полг
Царь
— То
Бояри
— Чт
гополучн
я грамотк
— В с
бя, царь-
4 Иван Меньц

глядела ему вслед, покуда видеть могла в небе ясного сокола.

Долго ли, коротко ли — соколом летел, крылья натрудил, серым зайцем поскакал, потом оленем быстроногим побежал и к вечеру попал к своим войскам. Оставалось всего с версту пройти. Перекинулся олень через голову — стал добрым молодцем. И так Семён притомился, шагу вперёд ступить не может. Сел возле глубокого оврага под ракитовый куст и сразу задремал. Сквозь сон думает: «Дай посплю часок-другой, успею к сроку попасть». Привалился и уснул крепким сном. Спит солдат Семён, никакой беды-незгоды не чует над собой.

В ту самую пору случилось боярину, что сулился в десять дней съездить за мечом-кладенцом, мимо проходить. Смотрит он — царский гонец спит, и рядом меч-кладенец лежит. Сперва боярин подивился, а потом выхватил саблю, отсек солдату Семёну голову. Кинул тело в овраг, взял меч-кладенец и понёс царю:

— Вот, царь-государь, посулился я в десять дней управиться, а сумел в один день обернуться, не то что солдатишка-самохвал! Он и двадцати вёрст ещё не успел пройти: сейчас сюда ехал — встретил его. Через полгода в стольный город попадёт.

Царь подивился, взял меч в руки:

— Тот самый!

Боярина похвалил и спрашивает:

— Что нового в стольном городе? Всё ли там благополучно? И как тебя Марья-царевна приняла? Ведь я грамотку-то свою с солдатом послал.

— В стольном городе всё спокойно. Ожидают тебя, царь-государь, с победой. А Марья-царевна мне,

твоему боярину, и без грамотки поверила — я ей всё на словах рассказал — и подала меч-кладенец да кланяться велела.

На другое утро повёл царь свои войска на неприятеля и наголову разбил вражеские полчища в том бою. Половину иноземных солдат порубили, другую половину в полон взяли. Только королю с ближними генералами удалось убежать.

Велел царь после победы своим войскам отдыхать. Выкатили бочки с вином, угощение поставили и стали пировать. Трубы трубят, барабаны бьют — музыка играет, песни поют. А как отпировали пир, отправилось войско в обратный путь. Везде их в дороге с радостью встречают, прославляют.

Много ли, мало ли времени прошло, увидал месяц в овраге убитого солдата Семёна и ветру да солнцу говорит:

— Служил Семён верой и правдой, да погиб не в бою, а от чьей-то злодейской руки. Надо его оживить, из беды вызволить.

Солнце посылает:

— Лети, ветер, за тридевять земель, в тридесятое царство, достань у царицы Долгоноски живой и мёртвой воды.

Добыл ветер живой и мёртвой воды, воротился.

Спрыснули тело мёртвой водой — затянулась рана, приросла голова, как надобно быть. Спрыснули живой водой — вздохнул солдат Семён, открыл глаза, на ноги поднялся:

— Батюшки светы, уж не проспал ли я?

Сам кругом оглядывается, ищет меч-кладенец.

— Век бы тебе тут спать, коли бы мы тебя не оживили, — солнце, ветер да месяц говорят. — Война

давно окончилась, войско с победой в столицу воротилось. Надобно и тебе туда поспешать, а то поздно будет.

Солдат Семён солнцу, ветру да месяцу всё про свою службу рассказал, за помощь поблагодарил и побежал серым зайцем. Потом обернулся быстроногим оленем. Бежит, торопится — не близок путь!

Сколь велика земля у нас — конца-краю ей нету! Бежал, бежал оленем, притомился — обернулся ясным соколом.

Летит над лесами дремучими, над полями широкими, над быстрыми реками, над высокими горами. Под ним сёла, города раскинулись — просторно стоят.

И вот показался стольный город. Опустился ясный сокол близ заставы, перекинулся через себя — обернулся добрым молодцем.

А в городе все дома изукрашены. Пушки палят, колокола звонят, и народ разряжен по-праздничному. Все смеются, шумят, «ура» кричат.

Спрашивает солдат Семён у горожан:

— Что за праздник в городе?

Удивляются прохожие:

— Видать, ты издалека пришёл, коли ничего не знаешь. Недавно воротились с победой наши войска. И вот весь народ прославляет своих солдат да воевод, а пуще всех славит боярина: он в одни сутки меч-кладенец из дворца на поле боя царю принёс. Сегодня назначена свадьба: женится тот боярин на Марье-царевне, и весь народ зовут во дворец на свадебный пир.

Солдат Семён выпросился у старушки на постой. Поотдохнул немного, потом умылся, принарядился, взял гусельцы и пошёл на свадьбу.

На царском дворе столы раздёрнуты. Хмельных

питьёв да разных заедок наставлено полным-полно. Столы на дворе для всех гостей. А на красном крыльце за особым столом, у всех на виду — царь с царицей, жених с невестой да ближние бояре сидят.

Все на пиру пьют, едят, веселятся. Одна невеста невесела. Народ переговаривается:

— Не охотой Марья-царевна за боярина идёт: слышно, силком отдают.

Примостился солдат Семён у последнего стола, выпил чарку зелена вина и стал в гусельцы потихоньку наигрывать, пословечно жалобнёшенько выговаривать:

Охти мне, да переохти мне,
Позабыла меня красна девица душа!
А давно ли она, красна девица душа,
Речью ласковой улещала, своим суженым называла,
Из окошечка меня, ясна сокола, выпускала...

Марья-царевна вострепелась, как услышала песню. Стала по сторонам поглядывать и увидела солдата Семёна. С места поднялась, отлучилась на малое время из-за стола, воротилась и говорит:

— Царь-государь, не вели казнить, вели слово вымолвить!

Царь позволил:

— Говори, любезная дочь!

Марья-царевна поклонилась на все четыре стороны, а отцу с матерью в особицу:

— Знаешь ли ты, царь-государь, что не тот мой суженый, что возле меня сидит, а тот, что за крайним столом на дворе в гусельцы наигрывает?

Тут царь с царицей, и жених, и бояре, и все гости переполошились:

— Что такое? Что с невестой приключилось?

А Марья-царевна говорит:

— Покажи, солдат Семён, как ты мог скоро сбежать за царским мечом-кладенцом!

Вышел Семён из-за стола, ударился оземь — серым заюшком побежал. Сделал круг по двору и выскочил на красное крыльцо.

Марья-царевна узелок развязала, достала заячьей шерсти клочок:

— Поглядите-ка, батюшка с матушкой, и вы все, гости, откуда у меня заячья шерсть?

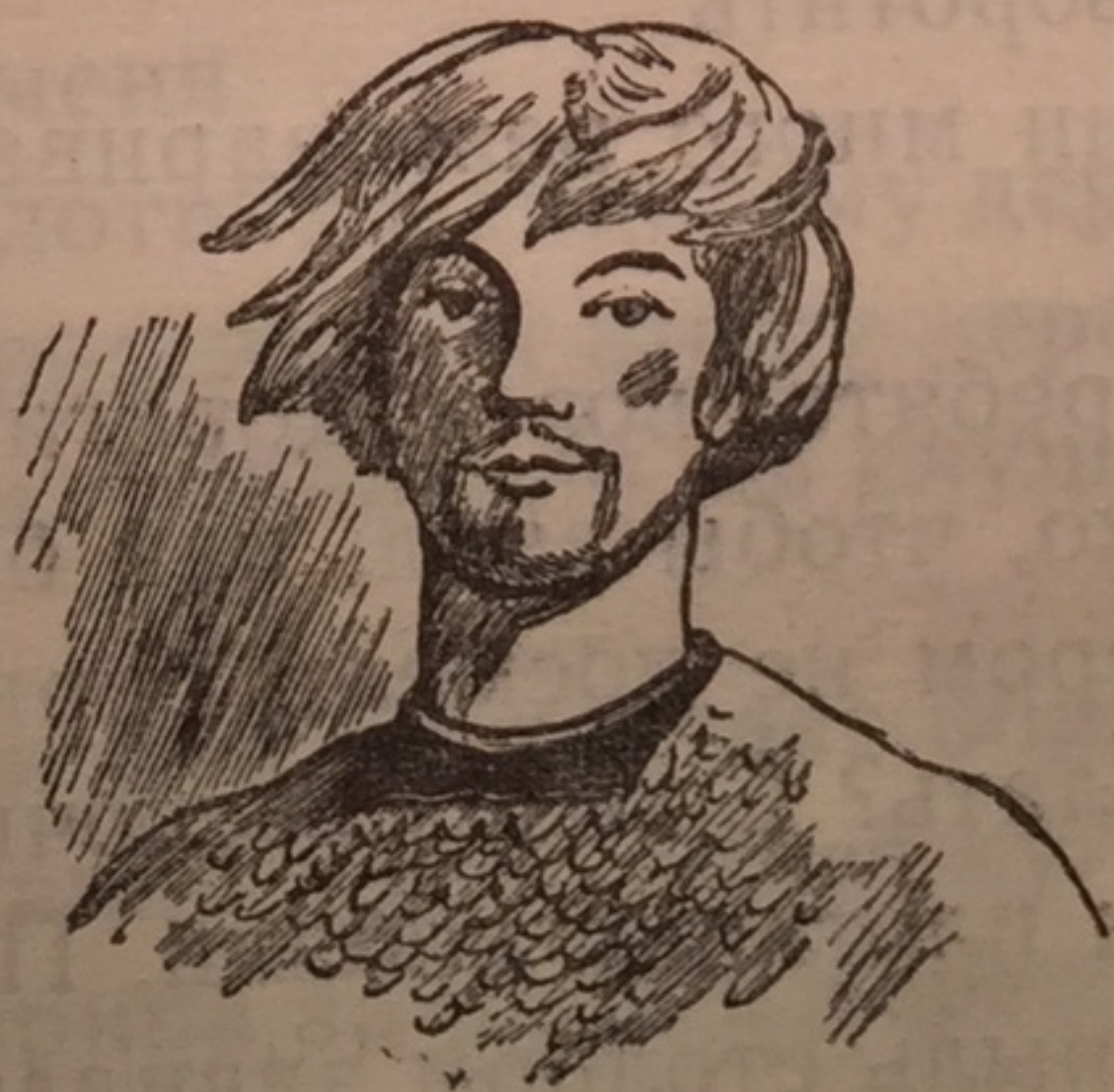
Приложила клочок шерсти к тому месту, где выстригла, и все видят: как тут и было.

Перекинулся Семён через голову — обернулся добрым молодцем и опять ударился оземь — стал оленем.

Вынула царевна клочок оленьей шерсти, и все видят: та самая и есть.

Потом Семён обернулся ясным соколом. Приложила царевна соколиное перо: оно как тут и было.

Солдата Семёна с Марьей-царевной повенчали, и стал он главным воеводой в том царстве, а злодея-боярина в темницу кинули.

БАРИН И ПЛОТНИК

Ехал плотник из лесу с тяжёлым возом. Навстречу ему барин на тройке катит:

— Эй, мужик, вороти с дороги!

— Нет, барин, ты вороти. Я с возом, а ты порожняком — тебе и воротить.

Не стал барин много разговаривать, крикнул кучеру да слуге:

— Свалите, ребята, воз с дороги да всыпьте мужику хорошенько, чтобы знал, как барину перечить!

Слуга с кучером не посмели барина послушаться. Чего станешь делать? С козел соскочили, воз опрокинули в канаву, а плотника побили. Потом сели и поехали — только пыль столбом завилась.

Бился, бился плотник, вызволил кое-как воз из канавы, а сам думает: «Ладно, барин, даром тебе это не пройдёт! Будешь помнить, как мастерового человека обижать!»

Добрался до дому, свалил поклажу, захватил пилу да топор и отправился в помещичью усадьбу. Идёт мимо барского дома и кричит:

— Кому тёплые сени сработать, кому баню срубить?

А барин строиться любил. Услыхал и зовёт плотника:

— Да сумеешь ли ты хорошо сени построить?

— Отчего не сумею! Вот неподалёку отсюда такой лес растёт, что коли из того леса сени построить, так и зимой их топить не надо — всегда будет тепло.— И зовёт барина: — Пойдём со мной лес выбирать.

Пришли в лес.

Ходит плотник от дерева к дереву да обухом постукивает. Ударит, потом ухом приложится, послушает:

— Это нам не годится. А вот это в самый раз подойдёт.

Спрашивает барин:

— Как это ты можешь узнать, какое дерево годится? Научи и меня.

Подвёл его плотник к толстому дереву:

— Крепче прижмись к этому дереву, ухом приложись. Я буду постукивать, а ты слушай, только крепче прижмись.

— Да у меня рук не хватает обнять дерево.

— Ничего, давай я тебя привяжу.

Привязал барина за руки к дереву, выломал берё-

зовый прут и давай бари́на тем прутом потчевать. Бьёт да приговаривает:

— Я тебе и ещё взбучку дам! Будешь знать, как мужика напрасно обижать!

Бил, бил, бил и оставил помещика к дереву привязанным. Сам ушёл.

Только на другой день нашли бари́на, отвязали его и привезли домой.

Слёг барин с тех побоев в постель, хворает.

А плотник прикинулся знахарем и пришёл в усадьбу:

— Не надо ли кого полечить, поправить?

Барин зовёт:

— Полечи, братец, меня! Кони понесли, да вот упал и с тех пор ни сесть, ни встать не могу.

— Отчего не полечить! Прикажи истопить баню да скажи, чтобы никто к нам входить не смел, а то сглазят — и всё лечение пропадёт, ещё хуже тебе будет.

Баню вытопили; привёл плотник бари́на, двери запер и говорит:

— Раздевайся и ложись на скамью — буду тебя едучей мазью мазать да парить. Придётся тебе потерпеть.

— Лучше ты меня привяжи к скамье, а то как бы не упасть.

Плотнику того и надо.

Привязал бари́на к скамье крепко-накрепко и давай ремнём стегать.

Бьёт да приговаривает:

— Не обижай напрасно мастерового человека, не обижай мужика!

Напотчевал бари́на сколько надо и ушёл домой.

На другой
базаре плотник
— Скажи,
А плотник
— Никак
вчерашний!
Пошёл ба
ся с той поры

На другой день приехал барин в город, увидал на базаре плотника и спрашивает:

— Скажи, мужичок, ты ведь вчерашний?

А плотник смекнул, в чём дело, и отвечает:

— Никак нет, мне сорок шесть лет, какой же я вчерашний!

Пошёл барин прочь не солоно хлебавши и заклился с той поры мастеровых обижать.

ИВАН ЦАРЕВИЧ И МАРЬЯ МОРЕВНА

Жил-был царь. У царя был сын, по имени Иван-царевич, и три дочери: Марфа-царевна, Ольга-царевна да Анна-царевна.

Жил царь, пожил, а когда состарился и занедужил, призвал к себе Ивана-царевича и говорит:

— Чую, сын любезный, не жилец я больше на свете. И вот тебе мой наказ: становись на царство. Царевны, сёстры твои, все на выданье. Кто первый станет свататься, за того и отдавай.

Пожил старый царь ещё день ли, два ли и умер.

Погоревал Иван-царевич, потужил, да что будешь делать! Заступил на царство.

Стал править.

А сёстры всё по отцу плачут, всё в слезах да в печали.

Вот как-то раз и говорит Иван-царевич:

— А что, сестрицы, не сходить ли нам в заповедный сад погулять, кота-баюна послушать, поразмыкать грусть-тоску?

— Пойдём, братец, пойдём!

Едва успели в заповедный сад прийти, как набежала чёрная туча с ветром, грянул гром, и вдруг, откуда ни возмись, налетел Ворон. Ударился Ворон оземь и стал пригожим мóлодцем.

— Иван-царевич, отдай Марфу-царевну замуж за меня!

Вспомнил Иван-царевич родительский наказ и говорит:

— Коли люб ты сестрице, пусть идёт.

Марфе-царевне молодец по сердцу пришёлся. А в царском житье ни пива варить, ни вина курить — всего вдоволь.

Стали свадьбу играть, пир пировать.

И только вышли гости из-за стола, как потемнело всё кругом: набежала чёрная туча, грянул гром, и унесло Марфу-царевну с Вороном Вороновичем из горницы неведомо куда.

День за днём, неделя за неделей — и год на исходе, а о Марфе-царевне нет вестей.

Ольга-царевна да Анна-царевна стосковались по своей старшей сестре и просят:

— Пойдём, братец, в заповедный сад, погуляем!

Только пришли в сад, как набежала опять чёрная туча, поднялась буря и ударил гром. Будто камень,

под ноги упал ясный Сокол. Сокол ударился оземь и обратился добрым молодцем.

— Здравствуй, Иван-царевич! Я к тебе по доброму делу: свататься пришёл. Отдай за меня Ольгу-царевну.

— За честь спасибо, а воли с сестры не снимаю. Пойдёт за тебя — перечить не стану.

Поклонилась Ольга-царевна брату и молвила:

— Суженого не обойдёшь, не объедешь!

И в тот же день сыграли свадьбу.

Не успели допировать, как зашумела непогода, ударил гром, и унесло Ольгу-царевну с Соколом Соколовичем из горницы, словно их и не бывало.

День за днём — будто дождь дождит, а неделя за неделей — как река бежит. Год прошёл, а о Марфе-царевне да об Ольге-царевне никакого слуху нет.

Стосковалась Анна-царевна в одиночестве, сидит в тереме, никуда не выходит.

Ивану-царевичу жаль сестру:

— Пойдём-ка, Анна-царевна, в заповедный сад, погуляем. Поразмыкай грусть-тоску.

Только пришли в сад, набежала чёрная туча с громом, с молнией, поднялась великая буря, и прямо из-под тучи налетел Орёл. Пал Орёл наземь и обратился таким молодцем прекрасным — ни в сказке рассказать, ни пером описать.

— Ну, Иван-царевич, принимай гостя! Породниться с тобой хочу; отдай за меня Анну-царевну.

— Неволить Анну-царевну не стану, а за честь спасибо. Вздумает пойти — совет да любовь.

— Видно, братец, и мне пришла пора своё гнездо вить, свой дом заводить, — сказала Анна-царевна.

Стали свадьбу играть.

Столованье было ещё вполпира, а гости ещё впол-
пьяна, как ударил сильный гром и такой поднялся
вихрь, что двери с петель сорвало. Подхватил тот
вихрь Анну-царевну с Орлом Орловичем, и унесло их
неведомо куда.

Скучно Ивану-царевичу одному жить. Год про-
шёл, а сёстры будто в воду канули — ни слуху ни ду-
ху. Стал он думу думать: «Чего я всё живу один-оди-
нёшенек! Пришла пора и мне на белый свет погля-
деть. Может быть, и о сёстрах что поразведаю».

Министрам наказал царством править, а сам сел
на коня — и только пыль столбом завилась за добрым
молодцем.

Долго ли, коротко ли был в пути, в дороге, заехал
в иное царство и видит: лежит рать побитая.

— Если есть кто живой, скажи мне: кто побил это
войско?

Отозвался один человек:

— Я только жив остался, а побила всех Марья
Моревна, прекрасная королевна.

Подумал Иван-царевич: «Вот какие на свете чу-
деса бывают: одна девица войско побивает! Хоть бы
поглядеть на неё!» — и спросил:

— В кою сторону она уехала?

— На полдень повернула.

Не стал добрый молодец мешкать, повернул коня
на полдень.

Едет и день и два. На исходе третьего дня наехал
опять на побоище: много лежит побитого войска.

— Эй, есть ли хоть одна живая душа? Отклик-
нись, скажи: кто побил эту рать?

— Марья Моревна, прекрасная королевна, побила
наше войско, — услышал он ответ.

Диву дался Иван-царевич.

Не терпится ему: коня понуждает, путь продолжает, торопится догнать поленицу¹.

Близко ли, далёко ли ехать — наехал на третье побоище: видимо-невидимо побито войска.

— Коли есть тут жив человек, скажи: чьё это войско? Кто побил такую рать-силу?

Приподнялся один воин из-под ракитова куста:

— Все три побитые рати — из Кощеева царства. Шли мы войной на Марью Моревну, прекрасную королевну, Кощея Бессмертного из плена выручать. А она в своё царство не допустила, в пути-дороге встретила, всех повоевала, в живых никого не оставила.

Объехал Иван-царевич кругом побоища и увидел: в чистом поле шатёр стоит. У шатра конь пшеницу ест.

Подъехал к шатру, расседлал, разнуздал коня, пустил на волю, а сам глядит, что будет.

Конь прямо к пшенице пошёл, другой конь посторонился, и стали вместе пшеницу есть.

«Моему коню место у корма нашлось, найдётся и мне место в шатре у богатыря». Вошёл в шатёр, огляделся и глазам не верит: думал, богатыря увидит, а там спит девица такой пригожести, что он так и обмер. Этаким красоты отродясь не видал!

Ивану-царевичу и самому с дороги отдохнуть хотелось. Не стал он будить красавицу, а лёг рядом и уснул крепким сном.

Прошло так сколько-то времени, пробудилась девица, огляделась и вскочила на ноги:

— Какой такой невежа спит тут незванный-непро-

¹ Поленица — богатырка.

шенный в моём шатре, прохлаждается? Да ещё и своего коня к моей пшенице пустил!

Схватила меч, замахнулась, да призадумалась; опустилась рука с мечом.

«Ведь и он мог бы убить меня сонную, да не убил. Сонного да лежачего бить — в том не удаль, не честь, а бесчестье».

И принялась будить незваного гостя:

— Встань, проснись, пробудись, добрый молодец!

Разбудила Ивана-царевича, стала ему пенять, выговаривать:

— Кто ты, чьего роду-племени? Из какой земли приехал сюда? Чего ради своего коня кормишь моей пшеницей? И сам без спросу в чужой шатёр зашёл да спать повалился!

— Родом я из царской семьи, а имя у меня простое и лёгкое: Иван-царевич. Не знаю, как тебя по имени зовут, как по батюшке величают. Уж не Марья ли ты Моревна, прекрасная королева?

— Я и есть Марья Моревна.

— Так вот, Марья Моревна, прекрасная королева, отдохнуть мне с дороги хотелось, а ты спишь! Жаль было будить, тревожить тебя. Не гневайся на меня, на дорожного человека.

На том Марья Моревна, прекрасная королева, с Иваном-царевичем помирилась.

— Скажи мне, Иван-царевич, по своей ли воле едешь или неволя гонит тебя?

— Добрые молодцы всегда ездят по своей воле.

— Ну, а коли так, дело не к спеху — останься, погости в моём царстве.

Иван-царевич с радостью согласился, и поехали они к Марье Моревне в царство.

Погостил там Иван-царевич с неделю и крепко полюбился прекрасной королевне Марье Моревне. А она ему с первого дня по сердцу пришлась. И скоро сыграли они свадьбу.

Много ли, мало ли жили-пожили, понадобилось Марье Моревне отлучиться в иное государство: сестру навестить. Стала она в путь собираться, Ивану-царевичу наказывала:

— Царством правь, за всем доглядывай. Во дворце по всем pokojам ходи, только в тот чулан не заглядывай, что под поварней, где дверь лыком завязана, смолой запечатана. Туда не ходи ни за что, а пойдёшь — худо нам будет.

Подала ему связку ключей, попрощалась и уехала Марья Моревна, прекрасная королева.

Остался Иван-царевич время коротать, молодую жену дожидать. День-другой прожил, и такая на него скука навалилась, что не вмоготу стало.

Не знает, за что приняться, куда от тоски деваться. Запала ему дума: «Сколько времени тут живу, а ни палат, ни обзаведенья не знаю. Какой я после этого хозяин!»

Взял он ключи и стал по pokojам, по горницам ходить. Все палаты обошёл, все службы осмотрел. Ни богатство, ни заморские диковины не радуют, не развлекают: гнетёт его по-прежнему скука смертная. Считает дни, когда Марья Моревна воротится, и тут вспомнил: «Что́ она мне про какой-то чулан говорила, ходить не велела?»

Как только вспомнил об этом, так всю скуку как рукой сняло. Ни о чём больше думать не может, как только об этом чулане.

«Что там хранится? И как так: жена знает,

а мужу знать не велит! Где это видано, где это слы-
хано!»

Так ему не терпится узнать, что бегом побежал на
поварню. Увидал в сенях замшелую лестницу в под-
полье. Спустился по лестнице, а там дверь: мохом по-
росла, лыком завязана, смолой запечатана.

«Тот самый чулан и есть, куда мне ходить не ве-
лено!»

И так ему невтерпёж, что не стал лыки развязы-
вать, не стал ключ искать, а понатужился, навалился
плечом и вышиб дверь вместе с ободвериной. Шагнул
через порог, огляделся — ничего в том закутке не
увидел, кроме паутины.

«Видно, не в тот чулан я попал».

И вдруг слышит где-то внизу, сбоку, глухой стон:
— Пить мне, пить подай! Пить мне, пить подай!

Пошёл в ту сторону, откуда стон слышится, раз-
глядел в стене чугунную дверь, приник ухом и слы-
шит снова:

— Пить мне, пить подай!

Не стал Иван-царевич долго раздумывать, выло-
мал и эту дверь. За дверью — ещё одна лестница.
Спустился по той лестнице в подzemелье, а там огонь
горит. Над огнём на двенадцати цепях железный ко-
тёл висит. В котле, прикован за руки, за ноги, старик
сидит, страшный, зелёный.

— Добрый молодец, пить мне, пить подай! Три
года без воды маюсь.

Иван-царевич пожалел его, подал ведро воды.
Выпил старик и ещё попросил. Подал ему другое вед-
ро воды, а тот выпил и ещё пить просит. Принёс
Иван-царевич третье ведро. И как только старик вы-
пил третье ведро воды — потрянул цепями, и сразу це-

пи у него на руках, на ногах перервались, как гнилые нитки. Выскочил зелёный старик из котла:

— Ну, Иван-царевич, не видать тебе Марьи Моревны, как своих ушей! А за то, что ты меня, Кощея, водой напоил, силу мою воротил, я тебя два раза помилую, а уж третий раз на глаза не попадайся!

Зашумело, загрохотало, и вылетел Кощей Бессмертный из подземелья.

Марья Моревна в ту пору домой воротилась. Подхватил её Кощей Бессмертный у крыльца и унёс в своё Кощеево царство.

Только успела крикнуть:

— Не послушался меня, Иван-царевич, наделал беды! Не видаться нам теперь с тобой вовеки!

Погоревал, потужил Иван-царевич, снарядился в путь-дорогу.

«Хоть весь белый свет обойду, а найду свою Марью Моревну!»

Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, — увидел дворец. У дворца дуб стоит, на дубу Ворон сидит.

Слетел Ворон с дуба, ударился оземь — стал добрым молодцем:

— Здравствуй, Иван-царевич, здравствуй, братец любезный!

Тут выбежала Марфа-царевна, гостя встретила, повела во дворец. Стали его угощать, про своё житьё-бытьё сказывать да у гостя выпрашивать.

Погостил Иван-царевич три дня, стал прощаться:

— Не могу дольше гостить. Надо мне ехать, Марью Моревну, прекрасную королевну, разыскивать!

— Э, брат, с разумом доставал, да без разума потерял ты Марью Моревну! — сказал Ворон Воронович. — Трудно тебе будет с Кощеем Бессмертным тягаться!

Марфа-царевна заплакала:

— Куда ты, братец, поедешь на верную смерть! Убьёт тебя Кощей Бессмертный!

— Ну, сестрица, семи смертям не бывать, одной не миновать, а доброму молодцу надо о жизни помышлять.

И стал прощаться. Зять с сестрой вышли провожать. Ворон Воронович говорит:

— Что ж, ступай. Коли беда тебя постигнет, чем могу, помогу.

И дал ему вороново перо:

— Теперь буду знать, коль приключится какая невзгода.

Вскочил на коня Иван-царевич — и только пыль столбом вслед завилась.

Ехал день, два и неделю и видит — стоит дворец краше прежнего. У дворца три дуба, и на дубах Сокол сидит. Как только Иван-царевич стал ко дворцу подъезжать, слетел Сокол наземь, оборотился добрым молодцем и закричал:

— Ольга-царевна, выходи дорогого гостя встречать.

Выбежала средняя сестра на крыльцо, поздоровалась, от радости не знает, куда Ивана-царевича усадить, чем накормить. Накормили, напоили, спать уложили.

На другой день Иван-царевич встал раненько, умылся беленько:

— Ну, спасибо за хлеб, за соль! Надо мне ехать.

— Что ты, что ты, братец! Погости у нас хоть с недельку, куда тебе торопиться!

— Нет, не могу я остаться: надо мне ехать, Кощея Бессмертного разыскать, Марью Моревну выручать.

Ольга-царевна заплакала, а Сокол Соколович говорит:

— Трудно тебе придётся, да делать нечего — сам во всём виноват. Ступай.

И подал ему на прощание соколиное перо:

— Теперь буду знать, коль приключится какая невзгода с тобой.

Обнялись они в последний раз, и отправился Иван-царевич в путь.

Ехал, ехал — заехал в глухой, тёмный лес, никакого жилья нету. Конь притомился, и самому пить-есть захотелось. И тут выехал на поляну, смотрит — стоит краше прежних двух дворец. Около дворца девять высоких дубов, а на тех девяти дубах сидит Орёл. Увидел Орёл Ивана-царевича, слетел на землю и обернулся добрым молодцем:

— Давно тебя ждал, братец любезный!

Повёл во дворец.

— Анна-царевна, что есть в печи, всё на стол мечи!

Анна-царевна стол накрыла, наставила всяких кушаньев, вин и медов.

Дорогого гостя зять с сестрой потчуют. Накормили, напоили, стали выпрашивать. Иван-царевич про своё житьё-бытьё стал рассказывать: как он поехал сестриц проведать, как повстречался с Марьей Моревной, прекрасной королевной, и как Кощея Бессмертного водой напоил, а тот Марью Моревну похитил.

— И вот надо теперь мне поспешать — жену выручать.

— Это мы всё, братец любезный, знаем, — говорит Орёл Орлович. — С разумом ты женился, да без разума жены лишился. Трудно тебе Марью Моревну выручать, с Кощеем Бессмертным воевать!

— Трудов не боюсь. Всё равно семи смертям не бывать, а одной не миновать. Лучше живому не быть, чем без Марьи Моревны век прожить!

Отдохнул Иван-царевич и стал в путь собираться. Орёл Орлович подаёт ему орлиное перо:

— Храни его всегда при себе. Если беда с тобой приключится, я знать буду и, чем могу, тебе помогу.

Иван-царевич поблагодарил зятя с сестрой, вскочил на коня и отправился в Кощеево царство.

Долго ли, коротко ли ехал добрый молодец, подъехал к высокому дворцу и увидел: у окна сидит Марья Моревна, такая кручинная, что глядеть на неё жалость берёт.

Увидала она Ивана-царевича, горько заплакала:

— Ах, Иван-царевич, сокол мой ясный, зачем ты сюда пришёл? Меня ты не выручишь, а себя погубишь. Воротится Кощей, убьёт тебя. С разумом меня замуж взял, да без разума потерял!

— Не сердись, Марья Моревна! Прости мне мою вину, впредь таков не буду. А теперь пришёл тебя выручать. Лучше уж с тобой умирать, чем одному век коротать. Поспешай, поедem прочь отсюда!

Только они уехали, как Кощеев челядинец обратился птицей ястребом и полетел в царство Змея Горыныча. Там Кощей Бессмертный на свадьбе гулял.

— Что ты тут пьёшь, гуляешь, о своих землях со-

всем забыл! Ведь Иван-царевич Марью Моревну увёз!

Кинулся Кощей к своему коню:

— Ну, конь, выручай! Пока мы тут гостили, Иван-царевич Марью Моревну увёз! Можем ли беглецов догнать?

Отвечает конь:

— Торопиться некуда. Пей, гуляй ещё трое суток, а потом ложись спать. Когда выспишься, пирогов напечём, пироги съедим, тогда и поедем.

Вот Кощей ещё трое суток попиrowал, трое суток проспал, пирогов напекли, наелись и поехали в погоню. Не успел Кощей Бессмертный сесть на своего коня, как уже догнал Ивана-царевича с Марьей Моревной:

— Ну, Иван-царевич, в первый раз я тебя живым оставил и сейчас тоже помилую за то, что ты меня водой напоил, силу мою воротил! А уж больше не надейся на пощаду — не быть тебе живому, коли ещё раз попадёшься на глаза!

Иван-царевич кинулся на него с мечом. Меч не сечёт, а Кощей смеётся:

— Глупый же ты, Иван-царевич, коли на свою силу да на острый меч понадеялся! Меня меч не сечёт и никакая сила не берёт.

Подхватил Марью Моревну, поворотил коня — только их и видел добрый молодец.

Кручинится, думает: «Как мне быть, как Марью Моревну выручить? Лучше смерть в бою принять, чем её в неволе оставить».

И поехал опять в Кощеево царство. Кощееву коню три поскака скочить, а Ивану-царевичу три недели ехать. Пока он был в пути, в дороге, Кощей собрался

за тридевять земель, в тридесятое царство, своему челядинцу-оборотню наказывал:

— Поеду к Змею Горынычу на крестины. Ты за домом поглядывай, а что случится — весть подай!

Иван-царевич добрался до Кощеева царства, подъехал ко дворцу, смотрит — сидит Марья Моревна у окошка уплаканная, на свою сторону поглядывает. Увидала его, ещё горше заплакала:

— Зачем ты воротился сюда? Всё равно нам не уехать. Кощей догонит на своём коне, убьёт тебя.

— Всё равно когда-нибудь умирать надо будет. Лучше умереть, чем с тобой в разлуке жить!

Марью Моревну эти слова утешили. Не стала она перечить. Ивана-царевича накормила, напоила, дали время коню отдохнуть — и уехали.

А челядинец птицей ястребом обратился и полетел в Змеегорынычево царство, прямо в ту пещеру, где шёл пир-столованье.

— Ты тут пьёшь, гуляешь, забавляешься, а у нас в царстве беда стряслась: опять Иван-царевич приехал и Марью Моревну увёз!

— Когда уехали из нашего царства?

— Да уж с неделю времени будет.

Кощей пошёл на конюшню и говорит своему коню:

— Пока тут пир пировали, Иван-царевич в наше царство приезжал и Марью Моревну увёз. Прошло тому с неделю времени. Можем ли мы догнать?

Конь отвечает:

— Пируй, гуляй спокойно ещё три дня, потом отдохай три дня, а потом пусть тесто ставят да пироги пекут. Когда пирогов наедемся, тогда их и догоним.

После того ещё три дня Кощей пировал, потом на три дня спать завалился, а потом приказал тесто ста-

вить да пироги печь. Наелись горячих пирогов, сел Кощей на своего коня и через три поскака настиг Ивана-царевича с Марьей Моревной:

— Ну, теперь тебе пощады не будет!

Рассек своим заколдованным мечом Ивана-царевича на мелкие куски: «Пусть сороки да вороны клюют!» — а Марью Моревну повёз в своё царство.

— Видала, что с твоим Иваном-царевичем сделал? То же и тебе будет, коли за меня замуж не пойдёшь!

А в это время, когда рассек Кощей Бессмертный Ивана-царевича, у Ворона Вороновича, у Сокола Соколовича и у Орла Орловича на перьях кровь выступила.

— Видно, с нашим братцем беда приключилась!

И все трое слетелись к тому месту, где Иван-царевич лежал. Говорит Орёл Орлович:

— Ты, Ворон Воронович, лети за мёртвой водой, Сокол Соколович, доставай живую воду, а я здесь останусь тело караулить.

Ворон Воронович с Соколом Соколовичем улетели, а Орёл Орлович каждый кусок ключевой водой обмыл и сложил все куски в одно тело, как надобно быть. Тем временем Ворон да Сокол воротились, брызнули мёртвой водой — срослось тело; брызнули живой водой — Иван-царевич потянулся, открыл глаза и говорит:

— Ах, как долго я спал!

— Веки веков тебе бы тут спать, если бы не мы, — отвечали зятья. — Вставай да пойдём к нам в гости!

— Нет, братцы любезные, не могу я в гости идти: надо мне Марью Моревну выручать. Когда вызволю её от Кощея, тогда погостим у вас.

Попрощался Иван-царевич, поблагодарил зятьёв и отправился в Кощеево царство.

Увидела его Марья Моревна, от радости и плачет и смеётся:

— Ты ли это, ненаглядный мой Иван-царевич?

— Я самый и есть.

И рассказал, как Ворон Воронович, Сокол Соколович да Орёл Орлович выручили его из беды.

— Видно, одной силой да мечом не одолеть Кощея. Он хитёр-мудёр — надо его перехитрить. Ты выпроси, где он достал себе такого коня, и узнай как-нибудь, где находится смерть Кощеева, а там уж моё дело с ним посчитаться.

Марья Моревна в ту пору одна во дворце была. Привела Ивана-царевича в горницу, накормила, напоила и отворила погребницу:

— Ухоронись в подполье до поры до времени.

Только успела погребницу затворить, как зашумело, загремело — налетел Кощей Бессмертный.

— Фу-фу-фу, что за чудо, что за диво? У меня в горнице русским духом пахнет!

Марья Моревна говорит:

— Что ты, миленький, откуда тут русскому духу быть? Ты по белу свету летал, там русского духа набрался. Садись-ка пообедай да ложись отдохни.

Полюбились Кощею ласковые речи. Сел за стол, хлеба печь оплёл, полбыка жареного съел, половину сорокаведёрной бочки вина выпил и повалился на лавку отдыхать.

Марья Моревна подсела к нему и заговорила:

— Таково мне было скучно без тебя, а как воротился домой — всю скуку как рукой сняло, будто летним солнышком обогрело!

Любо Кощею слушать такие слова — лежит ухмыляется.

— Сладки твои речи, Марья Моревна, а коли правду молвила, так давай же весёлым пирком да за свадебку! Иван-царевич теперь не придёт, не придет: его давно сороки да вороны расклевали.

— Знаю, что нету в живых Ивана-царевича, знаю, что нет мне вровню жениха, кроме тебя. За тебя и выйду, как по смерти Иванушки год минет.

Кощей рад-радёхонек: год — не век, недолго ждать.

Марья Моревна спрашивает:

— Где ты достал себе такого коня?

— Своего коня достал я за тридевять земель, в тридесятом царстве. Там за огненной рекой живёт моя тётка, Яга Ягишна. Есть у неё кобылица, за три дня кругом всего белого света облетает, в тридцать лет один раз жеребится. Кто у тётки три дня двенадцать кобылиц пропасёт, ни одной не упустит — тому она жеребёнка от той кобылицы даёт, а кто не управится — тому голову прочь. Много туда добрых молодцев хаживало, а назад только я один воротился. Ягишных кобылиц упасти — горе да беда, а через огненную реку переправы и вовсе нет!

— А как ты себя сохранил — через огненную реку переправился?

Показал Кощей ширинку¹:

— Махнёшь этой ширинкой три раза вправо — мост высокий через реку станет, огонь не достанет; махнёшь трижды влево — моста как не бывало! — И кинул ширинку в укладку.

Марья Моревна к Кощею ластится:

¹ Ш и р и н к а — полотенце.

— Не утай, откройся мне: где твоя смертынька находится?

— Много будешь знать — скоро состаришься!

— Коли бы знала да ведала, где твоя смерть, оберегала бы тебя от всякой напасти.

— Слышал я от матери, что смерть моя — в голике¹, а голик под печью валяется.

Марья Моревна вскочила, голик из-под печки достала, завернула в шёлковый платок и поставила в красный угол.

Засмеялся Кощей:

— У бабы волос долог, да ум короткий! Мыслимое ли дело, чтобы смерть моя была в голике? Смерть моя — в яйце, яйцо — в утке, утка — в зайце, заяц в железном сундуке сидит, сундук на крепкий замок закрыт и закопан под самым большим дубом на острове Буяне, посередь моря-океана. Вот где смерть моя находится! Если бы кто и добрался до того острова, всё равно моя смерть в руки не дастся.

Ночь переночевали. Утром Кощей съел половину жареного быка, выпил три ведра вина, стал в путь снаряжаться:

— Поеду моего друга, Змея Горыныча, навестить, погощу у него, а когда вернусь, чтобы всё было к свадьбе готово!

Только Кощей за ворота, как Марья Моревна Ивану-царевичу всё рассказала, дала чудесную ширинку, напекла подорожников, и отправился Иван-царевич за тридевять земель, в тридесятое царство, к Яге Ягишне коня добыть либо буйную голову сложить. Шёл он, шёл, долго ли, коротко ли, близко ли, да-

¹ Голик — веник без листьев.

лёко ли... Съел все подорожники, что напекла Марья Моревна, и от усталости да от голода совсем из сил выбился.

Сел на придорожный камень отдохнуть.

Бежит мимо медведица с медвежатами. Натягивает он тугой лук, кладёт стрелочку калёную, ладится стрелить медведицу.

— Не стреляй меня, добрый молодец,— говорит медведица,— не сироти моих медвежатушек! Я тебе пригожусь.

Послушался Иван-царевич, перетерпел голод, отдохнул и дальше пошёл.

Шёл, шёл, опять притомился; и голодно ему, и жажда донимает. Увидал большой улей: «Дай-ка мёдом полакомлюсь!»

А пчелиная матка ему:

— Не тронь, Иван-царевич, моего мёду, не зори нашего улья! Я тебе службу сослужу.

— Ну, что с тобой делать! Видно, придётся ещё потерпеть.

И тронулся в путь. А голод — не тётка: так отощал, что насилу ноги передвигает.

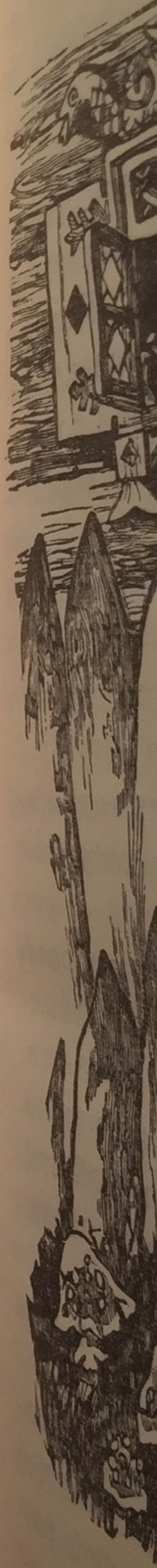
Прошло сколько там времени, вышел к морю; видит, у самой воды, на песке, щука большая лежит, рот разевает.

«Ну, теперь нашёл, чем голод утолить!»

Только руку протянул — щуку взять, взмолилась она:

— Добрый молодец, пусти меня в море! Я тебе верой-правдой послужу.

Подумал Иван-царевич: «Медведицу отпустил, пчёлку не обидел, а щука чем виновата? Потерплю ещё часок — может быть, жильё недалёко».

Марья
из сил

атяги-
ладит-

ворит
тебе

, от-

жа-
дом

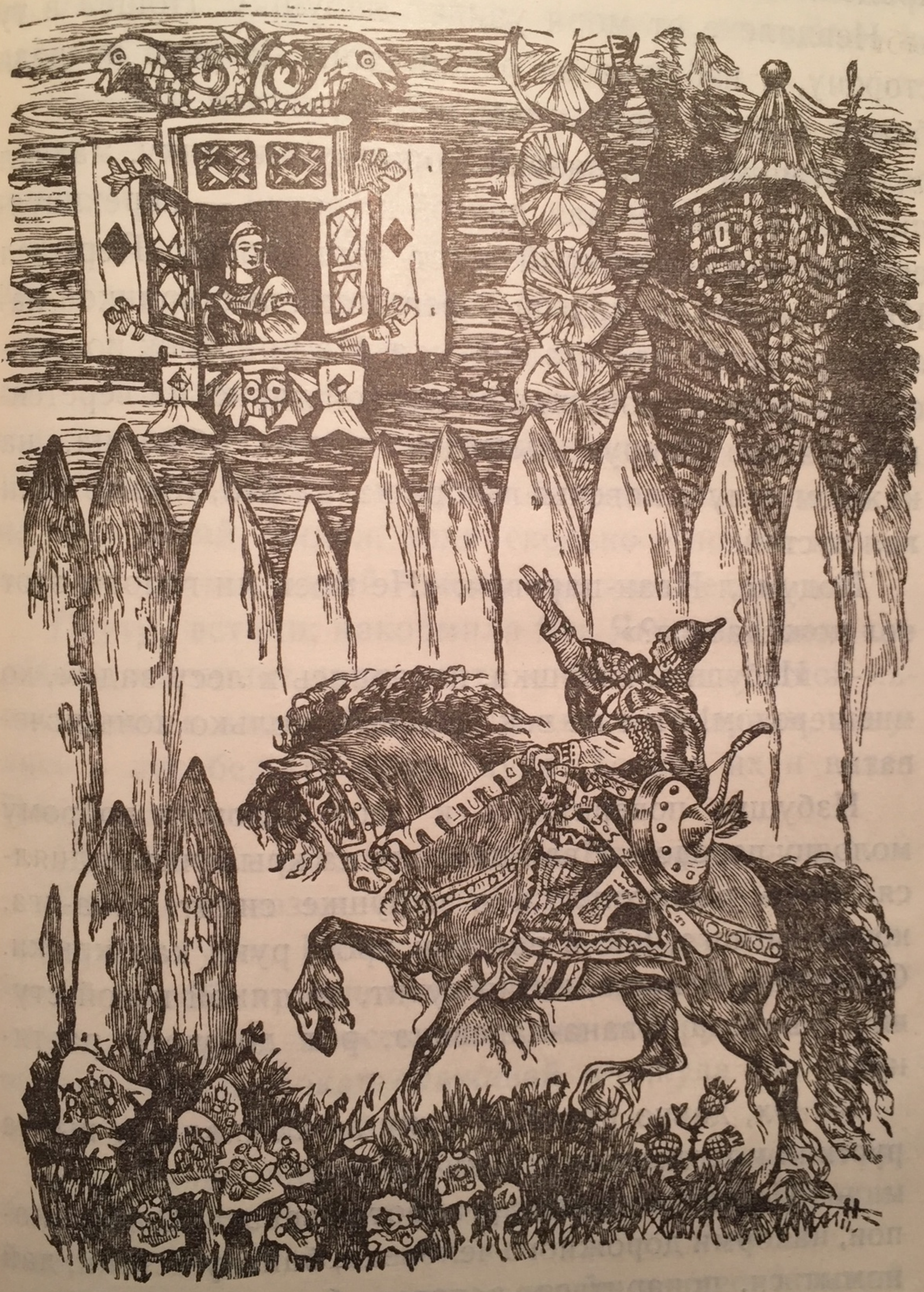
ри

ще

го-

и-

т,

Кинул щуку в море, подтянул кушак потуже, путь продолжает.

Невдалеке от моря увидел избушку. Пошёл в ту сторону, а избушка за рекой стоит. В реке не вода бежит, а огонь горит, пламенем полыхает.

Вытащил из-за пазухи Кощееву ширинку, махнул ширинкой направо раз, другой и третий — перекинулся через реку горбатый мост выше огня. Перешёл Иван-царевич на другой берег, махнул ширинкой налево три раза — не стало моста. На пригорок поднялся — перед ним избушка на курьей лапке, на веретённой пятке. Вокруг высоким тыном обнесена, на каждом колу человечья голова насажена, только один кол пустой.

Подумал Иван-царевич: «Не моей ли головы этот кол дожидается?»

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, только ночь ночевать.

Избушка повернулась к лесу задом, к доброму молодцу передом. Иван-царевич на крылечко поднялся, дверь распахнул, а в избушке сидит баба-яга, костяная нога, нос в потолок врос, руки как крюки. Сидит Яга Ягишна, нитки сучит, костяной ногой стучит. Увидела Ивана-царевича, рот до ушей растянула:

— Ох, давно русского духу не слыхала, а нынче русский молодец сам в руки даётся!

— погоди, старая карга, рот разевать! Сперва напой, накорми дорожного человека, баньку истопи, дай помыться, попариться, а потом будем с тобой разговоры разговаривать.

Старуха подполье открыла, на коленки стала, ка-

равай достала, к печи кинулась, заслонкой забренчала, щей плеснула, накормила, напоила, баню истопила. Иван-царевич напарился, намылся, пришёл — на лавку повалился.

Стала Яга Ягишна выпрашивать:

— От дела, добрый молодец, лытаешь или дело пытаешь?

— Слышал, бабушка, есть у тебя конь-бегунец. Мне как раз конь надобен.

— Есть, есть у меня конь-бегунец, только так не дам, надо его заслужить. Ну, да ведь у меня не три года, не год служить, только три дня кобылиц пасти. Упасёшь кобылиц — получай бегунца, не упасёшь — на себя пеняй. Видал, поди, сколько голов на кольях в тыну? Только одной головы там ещё не хватает.

Поутру встали; накормила Яга Ягишна Ивана-царевича, выгоняет двенадцать кобылиц, все одной масти, волос в волос. Кобылицы хвосты задрали, кинулись в лес бежать какая куда. Только их и видел Иван-царевич.

Побрёл он в лес, сел на пенёк, пригорюнился.

Откуда ни возмись, подбегает медведица:

— Не тужи, Иван-царевич, всё дело справится. Выломай себе прут покрепче да ложись отдыхай спокойно. Вечером я всех кобылиц соберу. Ты их тем прутом знай по бокам охаживай, и никуда они не денутся, все, как одна, домой побегут.

Медведица убежала, а Иван-царевич выломал рябиновый прут, к пеньку привалился и заснул крепким сном.

Солнце стало на закате, пошёл по лесу конский топ, выскочили с разных сторон все двенадцать кобылиц, дрожат, гривы колом стоят. Иван-царевич при-

нялся их рябиновым прутом по бокам стегать. Рябина не ольха — гнётся, не ломается, вокруг хребта обвивается. Так проучил, что все кобылицы в мыле домой прибежали.

Яга Ягишна ворота отворила, заперла кобылиц в конюшню:

— Ох, злодей, не столько кормил, поил, сколько гонял да мучил!

На стол собрала, накормила Ивана-царевича:

— Ложись спать, завтра со светом вдруг разбужу!

Иван-царевич спит не спит, слышит — схватила Ягишна железный прут, побежала в конюшню:

— Ах, такие-сякие, что я вам говорила? Не могли убежать да скрыться!

И до тех пор их била, стегала, покуда железный прут не обломала.

— Да куда мы, матушка, могли скрыться? Как со всего белого света сбежались в наш лес медведи! Не видать бы тебе нас, коли бы домой не убежали! Съели бы нас медведи.

На другой день, ни свет ни заря, разбудила Яга Ягишна Ивана-царевича, сунула ему краюху хлеба:

— Поди, службу справляй.

Только Иван-царевич выгнал кобылиц за ворота, как они хвост трубой — и разбежались в разные стороны. Остался Иван-царевич один, побрёл в лес, присел на пенёк, запечалился: «Как табун собрать да домой пригнать всех до единой?»

А в это время прилетела пчёлка:

— Ж-ж-ж, не тужи, Иван-царевич, ложись почивай, а вечером дело справится! Знай их кнутом стегай, и все до одной дома будут.

Пчёлка у
повалился.
Только с
лесу шум, и
рон двенадц
ушами пряд
том взмахну
Яга Ягиш
— Вот з
день-деньско
Со двора
на стол чёрст
— Ужина
Иван-царе
ном укрылся
Яга Ягиш
конюшню, п
да приговар
— Худо
укрыться!
— Век б
Налетело п
гоняли, что
— На с
ухоронитес
Утром в
регу и кину
воде пошли
на камне у
морском ис
А в это
— Не г
пригоню! Я
5 Иван Меньшой.

Пчёлка улетела, а Иван-царевич свил кнут и спать повалился.

Только солнышко стало садиться, как пошёл по лесу шум, и одна за другой выскочили с разных сторон двенадцать кобылиц, все в пене, боками поводят, ушами прядут. Иван-царевич свистнул, крикнул, кнутом взмахнул — побежали домой.

Яга Ягишна стоит у ворот, ругается:

— Вот злодей, вот душегуб! Только и знал, что день-деньской гонял, а не поил, не кормил!

Со двора пришла, в чашку щей плеснула, кинула на стол чёрствую горбушку:

— Ужинай!

Иван-царевич щей похлебал, лёг на лавку, кафтаном укрылся, а сам не спит — слушает, что будет.

Яга Ягишна схватила медный прут, побежала в конюшню, принялась кобылиц медным прутом стегать да приговаривать:

— Худо я вчера вас учила: опять не могли укрыться!

— Век бы не найти, не собрать, коли бы не пчёлы. Налетело пчёл видимо-невидимо — и так нас жалили, гоняли, что не стало мочи терпеть!

— На суше не могли скрыться — завтра в воде ухоронитесь!

Утром все кобылицы рассыпались по морскому берегу и кинулись в море. Только круги да пузыри по воде пошли. Потом всё стихло. Сидит Иван-царевич на камне у самой воды, задумался: «Как их на дне морском искать станешь?»

А в это время высунулась из воды щука:

— Не горюй, Иван-царевич, всех до одной к тебе пригоню! Я сегодня тебе послужу и впредь твоего до-

бра не забуду, только вспомни меня, когда понадобится.

Щука скрылась, а Иван-царевич стал день до вечера коротать. И как стало солнышко на закате, всколыхнулось море, выскочили на берег одна за другой все кобылицы, дрожат, фурчат, гривы колом стоят.

Увидала баба-яга, что Иван-царевич кобылиц пригнал, стала считать. Считала, считала, костяной ногой топнула, руками всплеснула:

— Ох, такие-сякие, не могли-таки ухорониться! Ну да всё равно живого не выпущу!

Выбежала на крыльцо:

— Хорошо, молодец, службу справил! Поди теперь в крайнюю конюшню, там твой бегунец стоит.

Пошёл Иван-царевич в конюшню, а там стоит заморённый конишка.

— На таком одре только воду возить, а не богатырю ездить!

Тут заговорил конь:

— Не торопись, Иван-царевич, хулить меня, а выслушай. По три ночи Яга Ягишна мою силу в кобылиц переводила, чтобы могли они от тебя скрыться, а в эту ночь, коли будешь спать, она и из тебя всю силу выведет, и тогда не быть тебе живому. Надо нам с тобой сегодня ночью перебраться через огненную реку. За рекой растёт разрыв-трава. Покатаюсь по утренней росе на том лугу — и вся моя сила воротится. Как поужинаешь, спать не ложись, а поди ко мне.

Баба-яга ласково встретила Ивана-царевича, поставила разных кушаньев, напитков:

— Кушай, добрый молодец! Был ты у меня в

услуженье, а стал гость дорогой. Ешь — наедайся, пей — напивайся, спи, отдыхай сколько хочешь: будить на заре не стану.

А про себя шепчет: «Будешь так крепко спать, что и век не встать».

После ужина Яга Ягишна уснула, а Иван-царевич потихоньку пробрался на конюшню, выпустил коня и повёл его к огненной реке. Махнул ширинкой направо раз, другой и третий — стал над рекой высокий мост. Переправился на другой берег и махнул ширинкой налево — не три, а два раза, — остался мост, только чуть держится.

Конь нашёл лужок, где росла разрыв-трава, и, как только заря занялась, покатался по росе, встал, встряхнулся:

— Ну, Иван-царевич, теперь я совсем справился! Поедем, куда тебе надобно.

— Надо мне попасть на остров Буян, что лежит посередь моря-океана.

— Садись, поедем.

Тем временем баба-яга пробудилась, слезла с печи, смотрит — нет Ивана-царевича. Бросилась в конюшню — и там никого.

— Сам ушёл и коня увёл! Ну погоди, Иван-царевич, посмеюсь и я, когда твоя голова будет у меня на шесте!

Вскочила в каменную ступу и кинулась в погоню. Пестом ступу толкает, помелом следы замечает. Видит — через огненную реку мост перекинут. Стала по мосту переправляться, а мост чуть держался, посреди реки обломился. Провалилась Яга Ягишна в огненную реку и сгорела.

Иван-царевич приехал к морю-океану, махнул

ширинкой три раза — протянулся мост до острова Буяна.

Через море переехал и стал на острове Буяне под самым высоким дубом яму копать. Копал, копал — выкопал железный сундук. Только замок отбил, крышку приоткрыл, как заяц выскочил из сундука и убежал в лес. Бросился Иван-царевич в лес, а навстречу ему медведица с зайцем выходит.

Иван-царевич зайца разорвал, вылетела из зайца утка, взвилась в небо. Добрый молодец схватил лук, подстрелил утку; упала утка в море. Что теперь делать? И вспомнил про щуку. В ту же минуту, откуда ни возмись, показалась щука; схватила щука утку и приплыла к берегу:

— Возьми, добрый молодец! Я век твоё добро не забуду.

Иван-царевич утку разорвал, яйцо в платок завернул и сунул в седельную суму. Вскочил на коня:

— Поспешай в Кощеево царство!

Приехал к Кощееву дому. Марья Моревна выбежала на крыльцо вся в слезах:

— Ох, Иван-царевич, сейчас Кощей воротится, опять тебя смерти предаст!

— Ну, теперь мы с Кощеем потягаемся! Кто кого смерти предаст — дело покажет. Садись на коня!

Подхватил Марью Моревну, посадил позади себя, и уехали.

В ту пору Кощей воротился, на крыльцо подымается, кричит:

— Готова ли Марья Моревна под венец идти?

Выбегают слуги:

— Приезжал сюда Иван-царевич и увёз Марью Моревну.

Кощей рассердился:

— Зачем отпустили?

Кинулся на слуг: кому руку оторвал, кому ногу, а других и вовсе жизни лишил. Побежал на конюшню и говорит своему коню:

— Не знаешь ты моего горя: Ивана-царевича зятя оживили, и увёз он опять Марью Моревну!

Отвечает конь:

— Теперь мешкать некогда: у Ивана-царевича конь — мой младший брат. Садись скорее.

Кинулся Кощей в погоню, вот-вот настигнет Ивана-царевича с Марьей Моревной... Под ним вещий конь спотыкаться стал.

Заругался Кощей, зашумел:

— Что ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаешься?

— Чую беду-невзгоду над тобой.

— Не надо мной, а над Иваном-царевичем невзгода!

И ударил коня плетью так сильно, что рассек мясо до кости. Взвился конь выше леса, чуть пониже облака.

В ту пору проговорил Иванов конь:

— Не догнать бы меня моему старшему брату, да Кощей один, а вас двое. Достань-ка, Иван-царевич, яйцо из сумы. Скоро догонит нас Кощей.

В то время Кощей закричал:

— Стой, Иван-царевич, всё равно не убежишь от меня!

Добрый молодец размахнулся, кинул яйцо обзёмь. В ту же минуту грянул гром и пошёл смрад по земле, а Кощей с коня повалился.

Иван-царевич дров набрал, в костёр сложил,

сжѣг Кощея на том костре и пепел по ветру развеял,
а сам сел на Кощеева коня, и поехали они без нужды,
без помехи.

Попировали у Ворона Вороновича, у Сокола Со-
коловича да у Орла Орловича, а потом Иван-царевич
с молодой женой воротился в своё царство.

Тут на радости задали они пир на весь мир. Три
дня попиrowали, а потом и за дела приниматься
стали.

НАХОДЧИВЫЙ СОЛДАТ

Царю Петру хотелось самому до всего дознаться. Переоденется он иной раз в простое платье и пойдёт по городу: слушает людскую молву и сам в разговоры вступает.

Вот раз зашёл таким манером в питейное заведение. А день был праздничный, народу много набралось. Сидят по трое, по четверо, и кто о чём разговоры ведут.

Огляделся Пётр и подсел к крайнему столу, а за столом солдат сидит.

Пётр и спрашивает его:

— Откуда родом, служивый?

— Костромской я,— солдат отвечает.

Улыбнулся Пётр:

— Земляки, значит. Дед мой тоже из костромских.

— А по какой части, земляк? Что в городе делаешь?

— Мастеровой я, по плотницкой части. Пётр Алексеев зовусь.

— Вот-вот,— солдат говорит,— так я думал, что плотник. У нас, у костромских, это ведь первое ремесло. И дед, и родитель, и сам я — тоже плотники. А что, земляк, закажем графинчик?

Пётр отказывается:

— Денег нет. Да и тебе ведь рано утром вставать: служба!

— Это ничего, а денег нет — палаш заложим.

Пётр уговаривает:

— Что ты, земляк, выдумал! Палаш заложишь — а вдруг ночью тревога, что станешь делать?

Смеётся солдат:

— Наши офицеры да генерал спят до полудни. Семь раз можно выкупить заклад.

— Ну, ты как хочешь, а мне домой пора.

Поднялся Пётр и ушёл. А солдат палаш заложил, выпил графинчик и с песенками отправился в казарму.

Утром, ни свет ни заря, в полку тревога.

— Царский смотр, царский смотр! Царь приехал в полк!

Солдат вскочил, амуницию надел, а палаша нет. Что делать?

Раздумывать некогда. Обстругал лучинку, рукоятку сажей зачернил и сунул лучинку в ножны.

А офицеры от малого до большого и сам генерал
суетятся, бегают. Построили полк.

Царь прошёл по рядам раз, другой, увидал сол-
дата.

Приказывает:

— Четыре шага вперёд!

Солдат команду исполнил, вышел перед строем.

— Покажи, как учат вас строевой службе. Руби
меня палашом!

— Никак нет, не могу поднять оружие против ва-
шего величества.

— Руби — я приказываю!

Схватился солдат за рукоятку и закричал во всю
мочь:

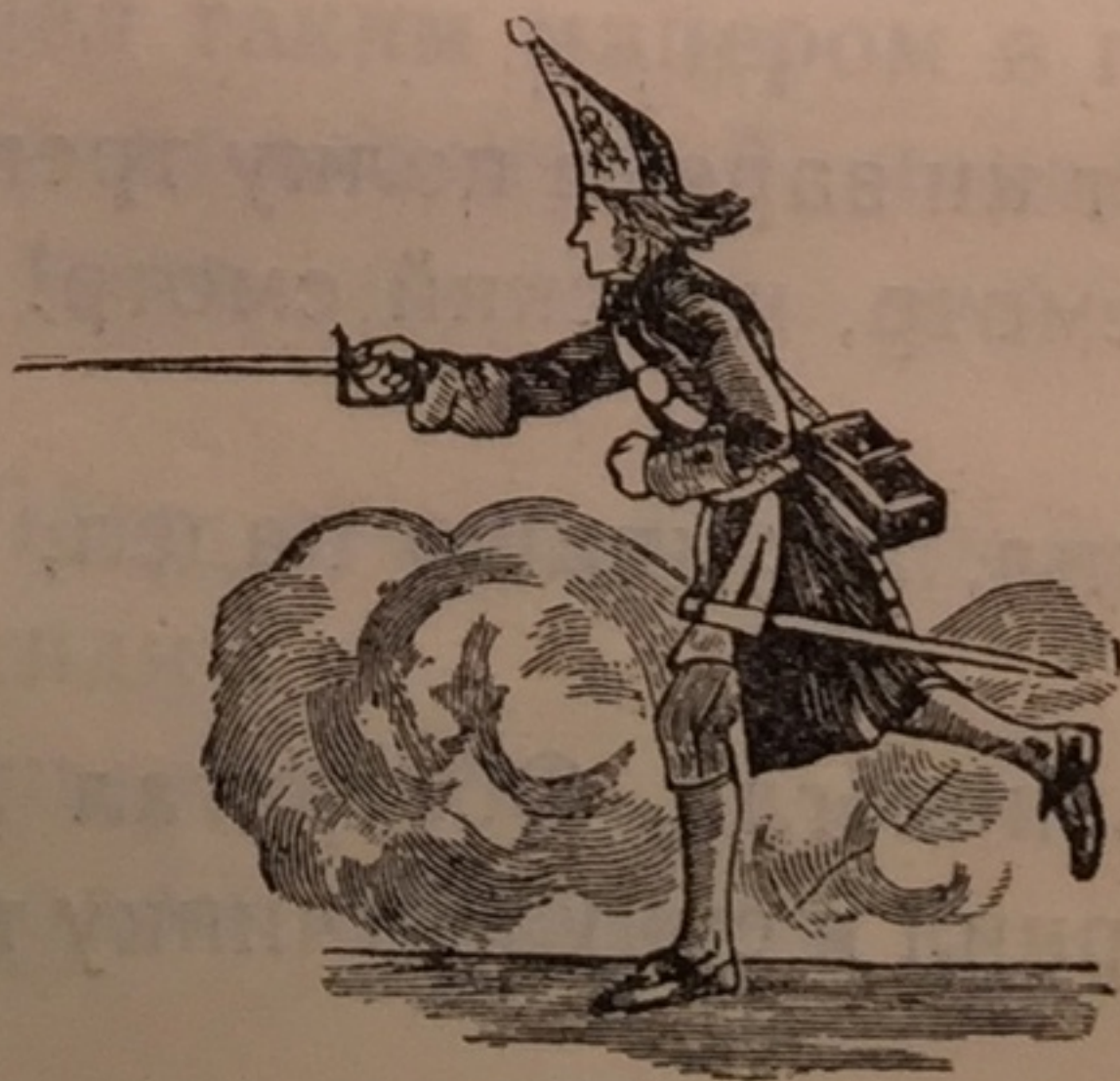
— Господи, обрати своё грозное оружие в древо!
Размахнулся и ударил Петра — только щепки по-
летели.

— Все солдаты и офицеры ни живы ни мертвы стоят,
а полковой поп молиться стал:

— Чудо, чудо бог даровал!

Подмигнул Пётр солдату:

— Ну, молодец! Люблю этаких. Три дня на гаупт-
вахте посиди, а потом в штурманскую школу отправ-
ляйся.

Ж
кая бо
услы
По
шёл к
только
всей о
ка —
Ду
приме
сеть, а
ше по
заяц
Му
ца отн

БОЛТЛИВАЯ БАБА

Жили-были муж с женой. Жена была страсть как болтливая: утаить ничего не могла. Что только ни услышит, в ту же минуту вся деревня знает.

Пошёл мужик в лес. Стал волчью яму рыть и нашёл клад. Сам думает: «Ну, как теперь быть? Как только жена про богатство дознается, сразу пойдёт по всей округе трезвон. Дойдёт слух до нашего помещика — и прощайся с деньгами: всё отберёт».

Думал, думал и придумал. Клад закопал, место приметил и пошёл домой. Дошёл до реки, осмотрел сеть, а в сети бьётся щука. Мужик щуку вынул и дальше пошёл. Осмотрел по дороге капкан, а в капкан заяц попал.

Мужик зайца вынул, в капкан щуку сунул. А заяц отнёс да в сеть запутал.

Пришёл вечером домой:

— Ну, Татьяна, топи печь да напеки блинов побольше.

— А чего так? Зачем, на ночь глядя, печь топить? И кто вечером блины печёт? Вот ещё выдумал!

— Не спорь, а делай, что сказано... Знаешь, Таня, я клад нашёл, надо ночью деньги домой перенести.

Жена рада-радехонька. Живо печку затопила, стала блины печь.

— Ешь, муженёк, пока горячие!

Мужик блин съест, а два да три в котомку; блин съест, а два да три в котомку — незаметно от жены.

— Что сегодня как разъелся? Блинов на тебя не напасёшься.

— Так ведь путь не близкий, да и денег много, надо поплотнее поужинать.

Набил мужик котомку блинами и говорит:

— Ну, я сыт, ешь сама, да пойдём, надо торопиться.

Жена наскоро поужинала, и пошли.

Идут они ночной порой; мужик опередил жену и стал из котомки блины доставать да на сучья вешать.

А жена заметила на деревьях блины:

— Ой, гляди-ка, гляди, на сучьях-то ведь блины!

— А что удивительного? Разве ты не видала, как блинная туча впереди нас прошла?

— Нет, не видала, я всё под ноги глядела, как бы за коренья не запнуться.

— Зайдём-ка, — мужик зовёт, — тут у меня ловушка на зайца поставлена, осмотрим.

Подошли к капкану, вынул мужик щуку.

— Ой, муженёк, как это рыбина-то в заячью ловушку попала?

— А ты что, не знаешь — есть такие щуки: и по суше ходят.

— А я и не знала! Коли бы своими глазами не видала, никому бы не поверила.

Пришли к реке. Жена говорит:

— Где-то тут твоя сеть поставлена, давай поглядим.

Вытащили сеть, а в ней заяц.

Жена руками всплеснула:

— Ой, батюшки! Что это сегодня творится? В ячеях-то ведь заяц!

— Ну что квохчешь, будто век не видала водяных зайцев! — мужик говорит.

— То-то и есть, что не видала.

В ту пору дошли до места. Мужик выкопал котёл, нагрёб денег по ноше, и отправились домой.

Дорога пролежала возле барской усадьбы. Только они сравнялись с усадьбой, как слышат: «Ме-ге-гее... ме-ге-гее...» — овцы блеют.

— Ой, как страшно! Кто это? — баба шепчет.

А мужик ей:

— Беги скорее! Это нашего барина черти давят. Как бы они нас не заметили!

Прибежали домой, насилу отдышались.

Спрятал мужик клад, стали спать ложиться:

— Смотри, Татьяна, никому не рассказывай про клад, а то худо будет!

— Ой, что ты, да разве я скажу!

На другой день встали поздно.

Затопила баба печь, подхватила вёдра, пошла по воду. У колодца соседки спрашивают:

— Что сегодня, Татьяна, так поздно у тебя печка затопилась?

— Ой, не говорите! Ночь-то я проходила, вот и проспала.

— Да куда ты ночью ходила?

— Муженёк-то ведь клад нашёл, и ночью мы за деньгами ходили.

В тот же день по всей деревне только и разговору: «Татьяна с мужем клад нашли, две котомки деньжищ принесли».

К вечеру дошла весть до барина. Приказал мужику прийти.

— Как ты смел от меня утаить, что клад нашёл?

— Знать не знаю и ведать не ведаю ни о каком кладе,— отвечает мужик.

— Не запирайся! — барин кричит.— Мне всё известно: ведь твоя же баба и рассказала про клад.

— Так ведь она такого наскажет, чего и ввек не бывало!

— А вот увидим!

И велел барин позвать Татьяну.

— Нашёл твой муж клад?

— Нашёл, барин, нашёл.

— Ходили с ним ночью за деньгами?

— Ходили, ходили.

— Рассказывай всё, как дело было.

— Сперва шли всё лесом, а на сучьях-то кругом блины.

— Какие такие блины в лесу?

— Да из блинной-то тучи!.. Потом оглядели заячью ловушку, а там щука. Щуку вынули и дальше пошли. Дошли до реки, вытащили сеть, а в ячеях-то заяц. Ну, и зайца вынули. И недалеко от реки муж клад выкопал. Нагребли денег по котомке и обратно

пошли. И как раз в ту пору мимо усадьбы проходили, как твою милость черти-то давили.

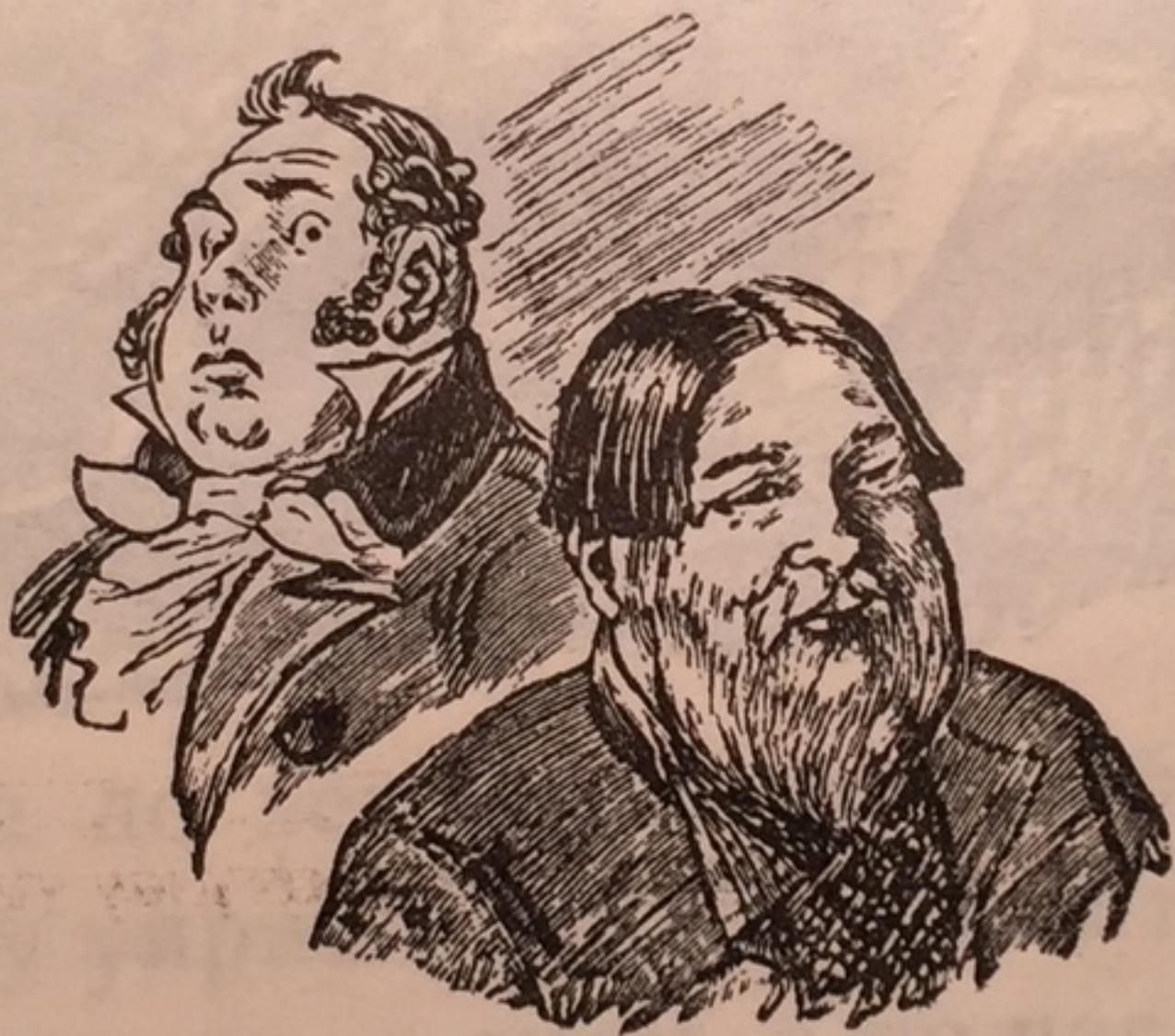
Тут барин не стерпел, ногами затопал:

— Вон отсюда, глупая баба!

— Ну вот,— мужик говорит,— видите, что моей бабе верить ни в чём нельзя!

— Верю, верю тебе, ступай домой! — махнул рукой барин.

Пошёл мужик домой, стал жить-поживать и до сих пор живёт да над барином подсмеивается.

СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-БОГАТЫРЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик да старуха. Детей у них не было. Сколько старик со старухой ни тужили, ни горевали, детей всё нет и нет.

И вот приснился старухе сон: будто есть в глухом лесу тихое озеро, и водится в том озере рыба — золотое перо. Коли золотую рыбку съесть — сын народится.

Старуха пробудилась и посылает старика, то-ропит:

— Поди вот в такое-то место. Есть там озеро. Излови золотопёрую рыбку. Страсть как охота свежей ухи похлебать!

Старик снарядился, взял сети и отправился в путь-дорогу. Ходил, ходил по дремучим лесам, разыскал озеро.

Первый раз сеть закинул — пришла сеть пустая. Другой раз закинул — и опять ничего. На третий раз вытащил сеть, а в ней бьётся рыба — золотое перо.

Старик сети собрал, прихватил добычу и воротился домой:

— На, старуха, вари!

Сварили. Едят да похваляют:

— Ох, и до чего уха хороша! Отродясь такой сладкой ухи не хлебали!

Долго ли, коротко ли, родился у них сын по имени Иван.

Старик с утра до вечера в поле работает, а старуха по хозяйству управляется да сына качает.

И растёт парень не по дням, а по часам: будто тесто на опаре подымается.

По третьему году стал на улицу выбегать, стал в ребячьи игры поигрывать. И тут соседи с жалобой пришли:

— Уймите сына! Шутит он с нашими ребятами шутки нехорошие: кого за руку схватит — у того рука прочь, кого за ногу схватит — нога прочь. Побьёт, покалечит всех детей!

Пригорюнились старик со старухой, призадумались: «Что с парнем делать?»

И говорит старик:

— Стану его с собой в поле водить — пусть там играет.

На том и согласились.

На другой день поехал старик на пашню и сына с собой повёз. Только старик за соху взялся, просит парень:

— Дай, я пахать стану!

— Ну, где тебе, сынок, ты ещё мал! Вырастешь — тогда напашешься! А сейчас, ребячьим делом, побегай, поиграй, только далеко не отходи.

А сын неотступно просит:

— Нет, хочу пахать!

— Ну ладно, попробуй, — говорит отец.

Парень так глубоко соху в землю вогнал — конь стал: тянуть не может.

— Ты, сынок, глубоко берёшь! Конь не тянет, и соху поломаешь.

Тут Иван соху приподнял, стал коню пособлять, и дело споро пошло. Столько до обеда напахал — старику в день не управиться!

— Стой, сынок, надо коня накормить! Видишь, весь в пене, словно в мыле, стал.

Коня отпрягли, пустили на луг, а сами сели обедать.

Попили, поели. Посылает отец:

— Сходи, сынок, за конём, пора за дело приниматься.

Пошёл парень на луг — нет коня. Оглянулся и видит: сидит за кустом волк — медный лоб, облизывается, а от коня только кожа да кости остались. Увидел волк Ивана, кинулся на него:

— Коня съел и тебя съем!

— погоди хвалиться раньше времени!

Схватил волка за ноги, размахнулся и так сильно бросил оземь, что только мокрое пятно осталось. Земля задрожала, и гул пошёл, будто гром грянул.

Воротился к отцу и говорит:

— Волк — медный лоб нашего коня съел.

— Экое горе! Хорошо, что хоть ты ему, сынок, на глаза не попал. Пойдём скорее домой, а то как бы и нас с тобой не съел!

Прошло с того много ли, мало ли времени, вырос Иван до полного возраста и стал таким молодцем пригожим: ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору потерялись у царя три дочери: похитил их Кощеев племянник по прозванию Сам с ноготок, борода с локоток. Сколько ни искали, никак найти не могли. Ездили и князья и бояре, да никто назад не воротился. Кликнул царь клич по всем волостям, по всем деревням:

— Коль найдётся удалец и дочерей сыщет, тому при жизни полцарства отпишу, на любой из трёх царевен женю!

Стал Иван проситься у отца с матерью:

— Благословите меня идти царских дочерей искать!

Родители отговаривают:

— Что тебе, сынок, за нужда неведомо куда идти да, может, там и свою буйную голову сложить? Лучше бы невесту приглядел да женился, чем шататься по чужой стороне.

А сын на своём стоит:

— Пришла пора мне на белый свет поглядеть. Чужая-дальняя сторона не убавит ума.

И стал в путь-дорогу собираться. Перво-наперво пошёл в кузницу и говорит кузнецам:

— Скуйте мне палицу в триста пудов, да такую, чтобы не ломалась, не гнулась, не плющилась.

— Сковать-то мы не прочь, — отвечают кузнецы. — Сковать можно, да только нам не совладать с таким поковом.

— Берите железо да сваривайте, а я пособлю! Принялись за работу.

День куют и другой куют. Иван железо поворачивает да в горно носит. На третий день палицу изготовили:

— Испытай, годится ли тебе?

Взял Иван палицу за концы да попробовал через колено — в дугу согнул.

— Нет, это не палица! Куйте другую!

Через три дня сковали другую палицу, крепко закалили. Попробовал гнуть — не гнётся; бросил о камень — сломалась.

— И эта — не годится!

Сковали и третью палицу. Попробовал согнуть — не гнётся; бросил о камень — не плющится. Кинул палицу кверху, скрылась она из глаз, а через три часа с шумом, с гулом обратно летит. Упала на камень, и камень на сажень в землю ушёл, а палица не погнулась, не треснула.

— Ну спасибо, теперь по мне палицу сковали!

На другое утро встал добрый молодец ранёнько, умылся белёнько и стал с родителями прощаться:

— Не горюйте, не печалуйтесь! Царевен найду — тогда свидимся.

Сунул за пазуху три пирожка, взял в руки палицу. Отец с матерью вышли провожать сына за околицу. Тут и распрощались.

Шёл Иван день до вечера, красного солнышка до

заката — никто ему не повстречался: ни зверь не про-
рыснул, ни птица не пролетела.

На другой день увидал человека. В каждой руке у
молодца по матёрому дубу. Стоит да дуб о дуб поко-
лачивает.

— Здравствуй, богатырь Дубыня!

— Ну, какой я богатырь! Вот есть на свете бога-
тырь Иван. Когда ему было три года, он волка — мед-
ного лба убил. Вся земля задрожала. Вот тот бога-
тырь!.. Да уж не ты ли есть Иван-богатырь?

— Зовут меня Иваном. Волка — медного лба я
убил, а силой ещё по-настоящему ни с кем не мерился.

Стал Дубыня проситься:

— Возьми меня с собой!

— Пойдём.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли шли
Иван-богатырь с Дубыней, пришли к двум большим
горам.

Стоит между теми горами человек и гору о гору
поколачивает, только гул идёт.

— Здравствуй, богатырь Горыня!

— Разве я богатырь? Вот, слышно, есть на Руси
богатырь Иван. Он в ребячьи годы волка — медного
лба голыми руками убил — вся земля дрожала и гор
много осыпалось. Вот тот богатырь!

Дубыня на Ивана показывает и говорит:

— Вот кто волка — медного лба убил!

Тут Горыня поклонился и просится:

— Возьми, Иван-богатырь, меня с собой!

— Пойдём.

Стало их трое. Шли с утра день до вечера, красно-
го солнышка до заката — никто им навстречу не по-
пал: ни зверь, ни птица.

На другой день подошли к широкой реке. Лежит на берегу человек, на усах через реку людей переправляет.

— Здравствуй, богатырь Усыня!

— Здравствуйте, молодцы удалые! Вот назвали вы меня богатырём, а того не знаете, что есть на Руси Иван-богатырь. Он, ребячьим делом, волка— медного лба убил. Вся земля тогда дрожала, река из берегов выходила, сколько места затопила! Вот тот богатырь!

Дубыня и Горыня на Ивана показывают:

— Вот он и есть Иван-богатырь!

Тут им Усыня поклонился и просится:

— Возьмите, братцы, меня с собой!

— Пойдём!

И стали вчетвером путь-дорогу продолжать.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, а добрые молодцы вперёд подвигаются.

Шли, шли и увидели избу. Во дворе большое стадо быков, а в избе никого нет. Иван-богатырь говорит:

— Ну, коли хозяина нет, поживём в этой избе, пока всё кругом не обыщем. Сперва обойдём восточную сторону, потом летнюю да западную, а под конец и в северную сторону отправимся. Где-нибудь нападём на след похитника царских дочерей.

На том и согласились.

— Ты, Дубыня, останься—обед вари, а мы восточную сторону обойдём,—говорит Иван-богатырь.

Остался Дубыня, зарезал пять быков, сварил. Сидит, в окно поглядывает:

— Что это как долго названных братьев нет? Обед простынет.

И вдруг, откуда ни возьмись, бежит Сам с ноготок, борода с локоток, сорок возов сена тянет. Сено при- тащил, воды из колодца достал. Накормил быков, на- поил, стал считать. Считал, считал — пяти голов не хватает.

— Кто тут не кормит, не поит быков, а добром пользуется?

Оглянулся, увидал Дубыню. Схватил его и давай бить!

Бил, бил, приподнял избу с одного угла и сунул туда Дубыню.

— Пусть этот угол не гниёт!

И убежал.

Вертелся, вертелся Дубыня и кое-как выбрался. Пришёл в избу, влез на печь и лежит.

Названные братья воротились:

— Обед готов?

— Готов.

— А ты чего там лежишь? Вставай обедать!

— Не хочу: я сильно угорел, братцы.

Пообедали. Маловато показалось.

На другой день оставили Горыню обед варить.

И ушли.

Зарезал Горыня семь быков, сварил и стал назва- ных братьев дожидаться. Сидит, в окно поглядывает:

— Чего долго нейдут?

Вдруг бежит Сам с ноготок, борода с локоток, со- рок возов сена тянет. Прибежал, быков накормил, на- поил, стал считать. Считал, считал — семи голов не хватает.

— Какой тут вор поселился? Не поит, не кормит, а добром пользуется!

Увидал Горыню, схватил и давай бить! Бил, бил,

мал, мал, избу с одного угла приподнял и сунул туда Горыню:

— Лежи там!

И убежал.

Горыня вертелся, вертелся, кое-как выбрался из-под избы.

Дубыня, Усыня да Иван-богатырь пришли, а Горыня всё на печи лежит, стонет.

— Чего, Горыня, лежишь? Вставай обедать!

— Обедайте, а я не хочу: голова болит — угорел.

— Что тут за угар такой? — говорит Иван-богатырь.

Горыня молчит, и Дубыня молчит.

На третий день оставили Усыню обед варить. Остался Усыня один, зарезал девять быков. Обед сварил, попробовал: щи жирны и мясо уварилось. Сел под окошко, на улицу поглядывает.

Откуда ни возьмись, прибежал Сам с ноготок, борода с локоток, сорок возов сена приволок. Быков накормил, напоил, стал считать. Считал, считал, заругался:

— Да что тут творится? Сегодня девяти голов не хватает!

Схватил Усыню за усы, выволок из избы и давай бить! Бил, бил, таскал, таскал, приподнял избу с одного угла и сунул Усыню под угол:

— Будешь меня помнить!

И сам убежал.

Выбрался кое-как Усыня из-под избы, забрался на печь и лежит пойкивает.

Воротилась дружина:

— Обед готов?

— Готов давно.

— Слезай обедать. Чего там лежишь?

— Нет, братцы, не могу: голова болит — угорел. Наутро Иван-богатырь говорит:

— Обойдите сегодня северную сторону. Коли и там на след не попадём, пойдём прочь: не стоит больше в этом месте царевен искать. А обед сегодня я сварю. Мой черёд угореть.

Названные братья ушли, а Иван-богатырь зарезал двенадцать быков, сварил. Сидит на лавке, в окошко поглядывает да песни поёт.

Вдруг прибежал Сам с ноготок, борода с локоток, сорок возов сена приволок. Быков накормил, напоил, стал считать. Не хватает двенадцати голов. Услышал песню, оглянулся и кинулся на Ивана-богатыря:

— Вот тебя-то мне и надо! Сейчас с тобой рассчитаюсь!

Бились они, бились — Иван-богатырь его смял, сломал и всю бороду оборвал, да под лавку и кинул старика:

— Лежи там!

В эту пору названные братья пришли.

— Заждался вас с обедом! Нашли ли чего, след какой?

— Нет, не напали и сегодня на след.

Сидят все четверо, обедают. Взглянул Дубыня под лавку и говорит:

— Глядите-ко, угар-то наш под лавкой лежит!

— Какой такой угар под лавкой? — спрашивает Иван-богатырь.

— Да вот Сам с ноготок, борода с локоток. То и есть наш угар.

Иван-богатырь усмехнулся:

— Чего вы мне раньше не сказали?

— Хотелось узнать, кто из нас всех сильнее. И вот теперь видим: ты, Иван-богатырь, самый сильный из нас.

А Сам с ноготок, борода с локоток в ту пору поотлежался, вскочил, стряхнулся и убежал.

Все четверо добрых молодцев кинулись вслед за ним. Сам с ноготок, борода с локоток добежал до глубокой пропасти и скрылся под землёй.

Иван-богатырь говорит:

— Ходили мы, ходили, сколько кругом места обошли, а этой пропасти не видали. Надо туда спуститься, узнать: не у этого ли колдуна царевны томятся?

Взяли воловьи кожи, нарезали ремней. Ремни связали.

— Ну, кто пойдёт?

Все молчат. Иван-богатырь говорит:

— Спускайте меня и ждите тут безотлучно. Как дёрну за ремень, так и тяните.

Взял Иван-богатырь палицу и стал спускаться. Спустился, ремень отвязал и пошёл по дорожке. Шёл, шёл, и вдруг стал свет брезжить. Скоро вышел Иван на свет и увидел Медное царство. Большой медный дворец стоит, а у ворот змеи прикованы на медных цепях. Змеи шипят, вход во дворец стерегут. Подле дворца колодец, а у колодца медный ковшик на медной цепочке висит. Иван-богатырь воды из колодца почерпнул, сам напился и змеев напоил. Присмирели змеи, притихли. Зашёл в медный дворец, а там на медной лавке девушка-красавица сидит, шьёт. Как стежок стегнёт, так солдат выскочит, как другой стежок стегнёт — другой солдат выскочит.

— Здравствуй, девица-красавица! Что ты шьёшь-пошиваешь, на кого рать-силу сгоняешь?

— Здравствуй, добрый молодец! Я силу сгоняю на Ивана-богатыря.

— Кто эту силу поведёт?

— Поведёт рать-силу Сам с ноготок, борода с локоток.

— А кем тебе он, красавица, приходится?

— Мы три сестры: я, Анна-царевна, средняя сестра — Марфа-царевна, а меньшая — Татьяна-царевна. Все мы дочери царя из такого-то царства. Похитил нас Сам с ноготок, борода с локоток и держит в неволе три года. А сам он родной племянник Кощея Бессмертного.

Тут Иван-богатырь говорит:

— Вас-то, трёх царевен, трёх сестёр, я и ищу. Брось-ка ты, красавица, шить-пошивать, рать-силу сгонять! Как я обратно пойду, тебя с собой возьму да на белый свет подыму, к отцу с матерью увезу.

Обрадовалась царевна, кинула шитьё в печку. А тут и все солдаты исчезли, словно их и не было.

Царевна Ивана-богатыря накормила, напоила. Поотдохнул он в Медном царстве и пошёл дальше.

Шёл близко ли, далёко ли, увидал Серебряное царство. Стоит дворец весь серебряный, и всё кругом из чистого серебра. У ворот большие змеи-сторожа на серебряных цепях прикованы, шипят, пасти разевают... Подле дворца колодец. У колодца серебряный ковшик на серебряной цепочке висит.

Иван-богатырь воды из колодца почерпнул, сам напился и змеев напоил. Улеглись змеи, присмирели.

Зашёл в серебряный дворец, а там на серебряной лавке сидит девушка краше первой. Сидит средняя сестра, Марфа-царевна, шьёт: как стежок стегнёт, так два солдата и выскочат.

— Что, красная девица, шьёшь-пошиваешь? На кого рать-силу сгоняешь?

— Велено мне силу-рать сгонять на Ивана-богатыря.

— Кто поведёт ту силу?

— Поведёт силу Сам с ноготок, борода с локоток.

— А где он сейчас?

— Сам он в третьем царстве.

— Брось, прекрасная царевна, шить-пошивать, рать-силу сгонять на меня! Я обратно пойду, тебя с собой возьму, на белый свет подыму и к отцу с матерью увезу.

Царевна рада-радехонька. Кинула шитьё в печку — и солдаты все исчезли.

Отдохнул в Серебряном царстве Иван-богатырь, попил, поел и отправился в путь-дорогу.

Идёт, идёт, а свет всё ярче и ярче становится. И потом всё кругом так засияло — глазам больно. Скоро раскинулось перед ним Золотое царство. Дворец стоит из чистого золота, как жар горит. Окна в том дворце хрустальные, наличники алмазами изукрашены. У крыльца змеи с золотой чешуёй, на золотых цепях прикованы, шипят, пасти разевают, дворец стерегут. На дворе колодец, у колодца золотой ковшик на золотой цепочке висит.

Иван-богатырь почерпнул воды из золотого колодца, сам попил и змеев напоил. Притихли змеи, спать улеглись.

Добрый молодец на золотое крылечко ступил, золотую дверь отворил. Во дворце на золотой лавке сидит третья сестра — Татьяна-царевна, столь прекрасная, что ни в сказке рассказать, ни пером описать. Сидит шьёт: как стежок стегнёт, так три солдата вы-

скочат; как другой стежок стегнёт, так опять три солдата выскочат.

— Здравствуй, Татьяна-царевна! — поздоровался Иван-богатырь. — Что ты шьёшь-пошиваешь, на кого рать-силу сгоняешь?

— Здравствуй, добрый молодец! Велено сгонять рать-силу на Ивана-богатыря. Шить — силу сгонять — охоты нет и не шить нельзя — убьёт Кощеев племянник, Сам с ноготок, борода с локоток.

— Послушайся меня, прекрасная царевна: брось шитьё в печку, я тебя на белый свет подыму да к отцу с матерью увезу.

— Ох ты, молодец удалый, много сюда охотников хаживало от нашего батюшки, да никто назад не воротился: всех погубил Сам с ноготок, борода с локоток. Он-то силён, да есть ещё у него помощник — трёхглавый змей. Никто с ними справиться не может. Вот, слышно, родился на Руси Иван-богатырь. Сам с ноготок, борода с локоток да трёхглавый змей одного только этого богатыря и побаиваются. Велели нам сгонять силу несметную. Собираются на Ивана-богатыря войной идти.

— Опоздали они на меня войной идти. Сам я сюда пришёл с Кощеевым племянником силами помериться да вас, трёх сестёр, из неволи выручить.

Обрадовалась Татьяна-царевна:

— Вот ты какой есть, Иван-богатырь!

Кинула шитьё в печку — и солдат как не бывало. Царевна принялась хлопотать. Скатертью стол накрыла, разных кушаньев да вин нанесла, стала гостя потчевать:

— Кушай, добрый молодец!

Напоила, накормила Ивана-богатыря и говорит:

— Трудно тебе с Кощеевым племянником да со змеем управиться. Ведь у них в саду под золотой яблоней два кувшина стоят: направо кувшин с живой водой, налево — с мёртвой водой. Перед боем пьют они живую воду, и после того никакая сила их не берёт, никакой меч не сечёт.

— Спасибо, прекрасная царевна, за ласку да за угощение. Скажи, где мне найти Кощеева племянника, Сам с ноготок, борода с локоток?

— Лежит он в бане, весь избитый, израненный. Парится да поправляется, ждёт, покуда войско мы сгоним.

Крепко полюбила Ивану-богатырю Татьяна-царевна. Она и ростом вышла и дородством взяла. Золотая коса ниже пояса, брови чёрного соболя, глаза с поволокой, а идёт — будто лебедь белая плывёт.

И царевна взглянула на Ивана-богатыря, зарумянилась-зарделась, будто маковый цвет.

— Пойдёшь ты биться, ратиться, — говорит царевна, — береги себя. Не бей Кощеева племянника дружки, а то он опять оживёт.

Поднялся добрый молодец с места, взял в руки палицу и простился с красной девицей.

Вышел на крыльцо, спустился в заповедный сад. Отыскал золотую яблоню и переставил кувшины с живой и мёртвой водой. Направо, где стояла живая вода, поставил кувшин с мёртвой водой, а налево перенёс живую воду. Потом пошёл в баню. Размахнул двери на пята, а там на полке лежит Сам с ноготок, борода с локоток, парится, кричит:

— Дай жару! Дай жару!

Только Иван-богатырь через порог ступил, как он веник кинул и закричал:

— Что это русским духом пахнет? — Оглянулся и увидел Ивана-богатыря: — А, Иван-богатырь сюда пришёл смерти искать! От меня живым не уйдёшь!

И в ту же минуту так свистнул, что семь потолочин вылетело, а прислужники повалились замертво. Соскочил с полка, выбежал на улицу. В ту пору всё кругом зашумело, свет померк: прилетел трёхглавый змей, в лапах кувшин держит.

— Где он, Иван — русский богатырь?

Взглянул и засмеялся:

— Ой, да какой же он маленький! Я его на лапу положу, а другой прихлопну, и останется грязь да вода.

— Не хвались раньше времени, поганое чудище! — отвечал Иван-богатырь. — Не по тебе ли станут панихиду петь?

А Сам с ноготок, борода с локоток торопит змея:

— Пей из кувшина да бей Ивана-богатыря! Нечего тут разговоры разговаривать!

Выпил змей из кувшина воды глоток и сразу ослабел, худо на ногах держится.

Размахнулся Иван-богатырь вползамаха и убил змея.

Сам с ноготок, борода с локоток ногой топнул:

— Ох, вместо живой воды выпил змей мёртвую воду!

И свистнул другой раз так сильно, что листья с деревьев осыпались, трава к земле приклонилась. Помешкал и закричал:

— Ах, девки-подлянки, обманули: нету войска! Ну ладно, и один с тобой справлюсь!

Кинулся на Ивана-богатыря и так крепко его ударил, что по колен в землю вогнал. А Иван-богатырь

так ударил, что Сам с ноготок, борода с локоток повалился, будто овсяный сноп.

Прислужники Кощеева племянника закричали:

— Бей его ещё раз!

Ивану-богатырю ведомо: коли другой раз ударит — оживёт Сам с ноготок, борода с локоток. Отвечает он:

— Много чести вашему хозяину, чтобы русский богатырь его дважды бил! Довольно и одного раза.

Тут прислужники сами кинулись на доброго молодца. Иван-богатырь раскидал, разбросал их в разные стороны. Те, кто успел убежать, попрятались, а остальных всех порешил. И пошёл в золотой дворец.

Татьяна-царевна в окошечко глядела. Увидала добра молодца издали. На крылечко выбежала, встретила Ивана-богатыря радостная:

— Храброму да удалому слава!

Сняла с пальца именной перстень, надела Ивану-богатырю, поклонилась:

— Как воротимся домой да буду любя тебе, добрый молодец, сватайся у батюшки! А мне ты сразу по сердцу пришёл. Буду тебе верной женой.

Иван-богатырь радёхонек. Татьяну-царевну за белые руки брал, своей невестой называл.

Стали они в обратный путь собираться. Вышли из золотого дворца. Подала ему царевна золотое яичко:

— Перебрось с руки на руку — увидишь, что будет.

Добрый молодец перекинул золотое яичко с руки на руку — не стало золотого дворца.

— Когда тебе понадобится, — говорит Татьяна-царевна, — где захочешь, там и поставишь золотой

дворец, только перебрось яичко с руки на руку. А теперь пойдём к средней сестре.

Пришли в серебряный дворец:

— Собирайся, Марфа-царевна!

Средняя сестра обрадовалась, накормила, напоила меньшую сестру да Ивана-богатыря.

И, только спустились с крыльца, перекинула серебряное яичко с руки на руку — не стало серебряного дворца. Подала яичко Ивану-богатырю:

— Где хочешь, там и ставь серебряный дворец.

И пошли к старшей сестре. Анна-царевна перекинула с руки на руку медное яичко — и не стало медного дворца. Подала яичко Ивану-богатырю.

Повёл царевен Иван-богатырь туда, где ремень висел.

Привязал к ремню дощечку:

— Садись, Анна-царевна.

Дёрнул за ремень: тащите, мол.

Вытащили названные братья царевну и не налюбуются:

— Ах, и до чего хороша девица!

Другой раз ремень опустили, вытащили среднюю сестру, краше первой. Опустили ремень в третий раз.

— Садись, Татьяна-царевна! — говорит Иван-богатырь.

— Нет, лучше ты садись. Пусть сперва тебя подымут, а то как бы там чего худого не замыслили против тебя...

Иван-богатырь не послушался:

— Не оставляю тебя здесь одну! А худого про мою дружину ты не думай. Вслед за тобой и меня подымут.

Подёргал за ремень.

Дубыня, Горыня и Усыня вытащили Татьяну-царевну да так и обмерли:

— Этакой красоты век не видано!

Сразу всё позабыли. Усыня кричит:

— Третью девицу я за себя возьму!

Горыня Марфу-царевну за руки ухватил:

— Эта девица моей женой будет!

— А я, братцы, на первой сестре женюсь! — Дубыня кричит.

— Погодите, добрые молодцы, — говорит Татьяна-царевна. — Забыли вы про Ивана-богатых. Он трёхглавого змея да Самого с ноготок, борода с локоток убил. Он нас из неволи выручил. Надо его сперва достать, а потом и поговорим.

Горыня с Усыней приумолкли. Опустили ремень в пропасть.

А Дубыня закричал:

— Не слушайте! Бабьего ли ума это дело? Вытянем Ивана-богатых — кто-нибудь из нас невесты лишится!

Подскочил и перерезал ремень.

— Эх, — говорит Иван-богатых, — не послушался я Татьяны-царевны! Правду она говорила. Ну, да того не воротишь. Надо думать-гадать, как на белый свет попадать.

Пришёл он в заповедный сад, перекинул с руки на руку золотое яичко, и стал золотой дворец, как прежде стоял. Добрый молодец напился, наелся и лёг спать:

— Утро вечера мудренее. Завтра делами займусь.

На другой день вышел в сад к золотой яблоне, взял кувшин с живой водой:

— Это мне пригодится.

А в ту пору зашумело всё кругом, загремело. И, как чёрная туча накатилась, прилетела на ковре-самолёте Кощеева сестра, мать Самого с ноготок, борода с локоток, страшная: зубы железные, глаза оловянные, нос крючком, рот до ушей растянут, волосы распущены.

Пала она наземь, катается, плачет:

— Ох, да закатился млад-ясен месяц, не стало моего чадушки, сынка любимого!

Плакала, плакала, из сил выбилась и уснула.

Иван-богатырь перекинул с руки на руку золотое яичко — пропал золотой дворец.

— Как обратно полетит Кощеева сестра, заставлю поднять меня на белый свет.

Ухватил Иван-богатырь Кощееву сестру за волосы и втащил на ковёр-самолёт, а сам рядом сел.

— Поднимай на белый свет, а то смерти предам!

Кощеева сестра пробудилась, зубами заскрипела, по-змеиному зашипела и взвилась вверх. Носилась, носилась по подземному царству — не могла сбросить с ковра-самолёта доброго молодца. Вылетела из подземелья на белый свет и поднялась выше облаков.

— Сейчас в море упаду и тебя утоплю!

Иван-богатырь волосы на руку намотал, а в другой руке палицу держит:

— Меня утопишь — и сама утонешь: не выпущу тебя!

Билась, билась Кощеева сестра — никак не может спихнуть Ивана-богатыря с ковра-самолёта. Поднялась ещё выше: земля под ними с копейку. Камнем вниз полетела.

— Падём в лесную чащу — столько ты и жив бывал!

— Я разобьюсь, и тебе смерти не миновать! — отвечал Иван-богатырь.

На аршин до лесных верхушек не долетели — взмыл ковёр-самолёт кверху.

Накинулась Кощеева сестра на Ивана богатыря. Когтями рвёт и зубами рвёт, изо всех сил старается скинуть прочь с ковра-самолёта. Бились, бились — не поддался добрый молодец. Сама выбилась из сил, спустилась на зелёный лужок. Только Иван-богатырь на траву вскочил, как обернулась она малой букашкой, и не стало ни Кощеевой сестры, ни ковра-самолёта, будто сквозь землю провалились.

— Ну ладно, выбрался теперь на белый свет!

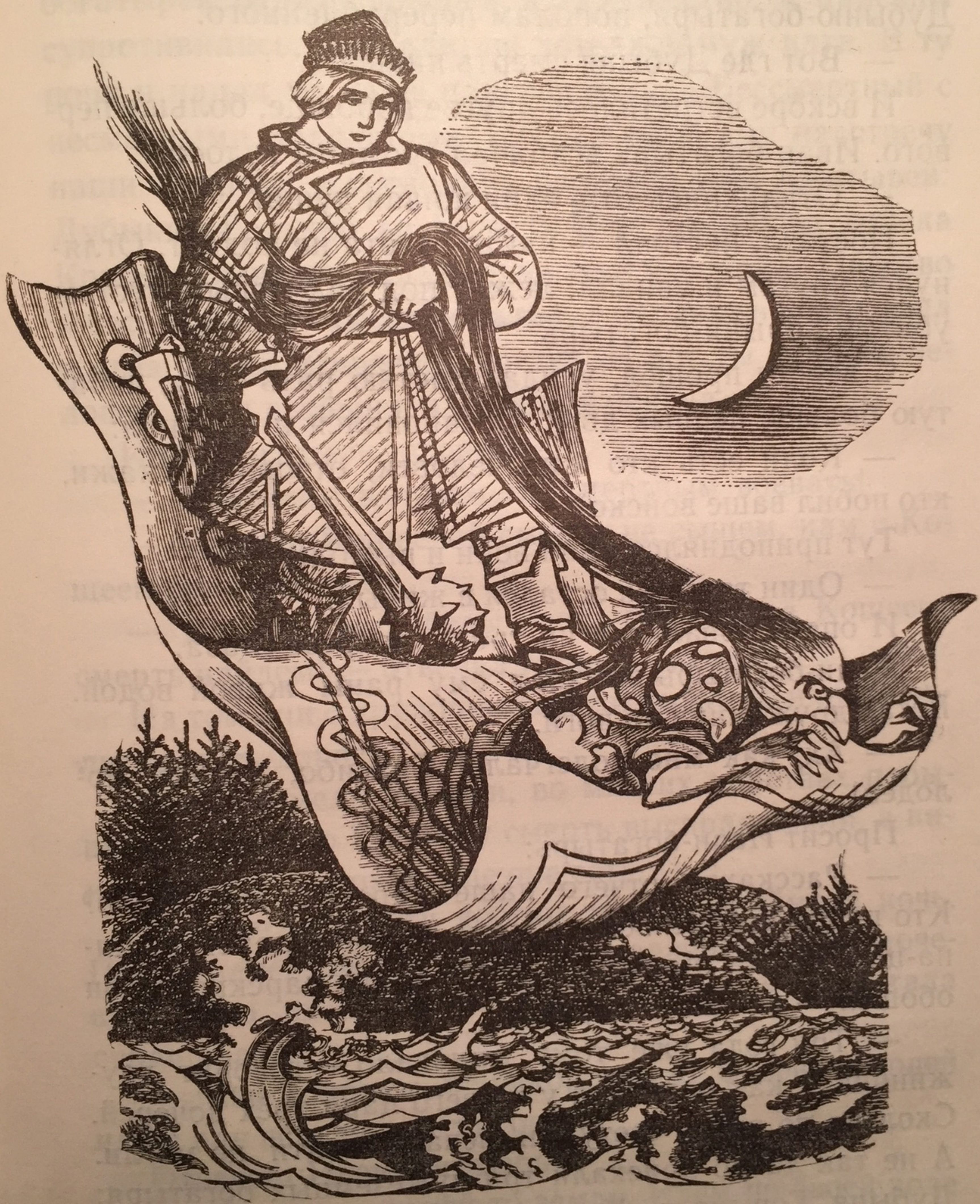
Помазал царапины да ссадины живой водой — и сразу полегчало.

Поотдохнул, собрался с силами Иван-богатырь и стал из лесу выбираться.

Шёл лесами дремучими, полями широкими, через реки, озёра переправлялся и пришёл в своё царство. Смотрит: что такое? Всё царство окаменело. И пахари на полях с конями, и косцы на лугах с косами, и пастухи со стадами, и лесорубы с топорами, и рыбаки на реках с неводами — все кто как был, так в камень и обратились.

Добрался до стольного города. Зашёл во дворец — и там никого живого не нашёл. И царь на троне, и царица в тереме, и сенные девушки, и стража — все недвижимы, все каменные. По дворцу походил: ни царевен, ни Дубыни с Горыней да с Усыней не нашёл и нигде ни одной живой души не встретил.

Вышел из дворца и отправился добрый молодец куда глаза глядят. Шёл, шёл, смотрит: лежит побитое войско. Крикнул он:

— Есть ли кто живой? Отзовись!

Никто не откликается. Оглянулся кругом и увидел Дубыню-богатыря, пополам перерубленного.

— Вот где Дубыня смерть нашёл!

И вскоре встретилось другое побоище, больше первого. Иван-богатырь вскричал громким голосом:

— Откликнись хоть одна живая душа!

Постоял, постоял — никто ответа не подаёт. Оглянулся кругом и увидал: лежит под ракитовым кустом убитый Горыня-богатырь.

С версту прошёл, увидал третью рать-силу, побитую больше первых двух. Остановился и крикнул:

— Коли есть кто жив человек, отзовись, скажи, кто побил ваше войско?

Тут приподнялся один воин и вымолвил:

— Один только я остался в живых.

И опять повалился на траву, закрыл глаза.

Иван-богатырь помазал ему раны живой водой. Встал дружинник на ноги.

— Ах, как мне полегчало! Спасибо, добрый молодец!

Просит Иван-богатырь:

— Расскажи, отчего наше царство окаменело? Кто побил все три войска и где Татьяна-царевна, Анна-царевна да Марфа-царевна? Я все царские покои обошёл — не нашёл царевен.

— Три года уже тому миновало, — говорит дружинник, — как похитили у нашего царя трёх дочерей. Сколько по всему свету ни искали, найти не могли. А не так давно приехали три чужеземных богатыря: Дубыня, Горыня да Усыня, привезли царевен домой. Отбили богатыри царевен у подземного царя, родного племянника Кощея Бессмертного. Царь с царицей на

радостях столы поставили, и пошло во дворце веселье, пиры да угощение. Слышно было, хотел царь за тех богатырей отдать дочерей в замужество, а царевны супротивились, плакали, не хотели замуж идти. В ту пору и напал на наше царство Кощей Бессмертный с несметными полчищами. Послал царь ему навстречу наши три рати, а воеводами поставил трёх богатырей: Дубыню, Горыню да Усыню. Все три наших войска Кощей повоевал: погубил да огнём спалил. Царство и весь народ в камень обратил, а царевен в полон взял и увёз в своё Кощеево царство. И вот ты, добрый человек, меня вылечил, а идти мне некуда.

Иван-богатырь говорит:

— Пойдём с Кощеем Бессмертным воевать!

— Покуда Кощеевой смерти не сыщем, нам с Кощеем не справиться.

— Да хоть весь белый свет обойдём, а Кощееву смерть найдём! — отвечал Иван-богатырь.

На том они с дружинником согласились и отправились в путь-дорогу.

Много земель прошли, во многих царствах побывали, везде про Кощееву смерть выпрашивали, а никто сказать не может, где она есть.

Пристигла в пути добрых молодцев тёмная ночь. Попросились они у бабушки-задворенки переночевать. Она их пустила. Напоила-накормила, стала спрашивать:

— Чьи молодцы, из какой земли? Своей ли волей идёте или неволя-нужда гонит?

Отвечает Иван-богатырь:

— Мы вот из такой-то земли. Идём по своей воле Кощееву смерть добывать. Напал Кощей Бессмертный на наше царство с несметной силой. Войско наше

порубил, пожёг, а народ и всё царство в камень обратил. Надо нам Кощея Бессмертного победить, царство своё от злых чар освободить да трёх царских дочерей из неволи выручить.

— Ох вы, детушки, знаю я, где Кощеева смерть, да достать её трудно!

— Мы трудов не боимся и жизни своей не пожалеем, а своё царство оживим,— отвечают добрые молодцы.— Скажи только, где искать Кощееву смерть?

— Есть за тридевять земель, в тридесятом царстве каменная гора выше облаков. В середине горы железный ларец замурован, а в том ларце яйцо, в яйце Кощеева смерть. Сколь путь ни тяжёлый, при нужде пройти можно, а вот каменную гору раздробить, своротить никому не удавалось.

На другой день Иван-богатырь с дружинником встали со светом, с бабушкой-задворенкой распростились и отправились в дальнюю дорогу.

Шли, шли, смотрят: сидит на придорожном камне человек, спрашивает Ивана-богатыря да дружинника:

— Куда, молодцы, путь держите?

— Идём Кощееву смерть добывать.

— А где она?

— В тридесятом царстве, за тридевять земель, в каменной горе замурована.

— Возьмите меня с собой! Я вам помогу ту гору раздробить: с малых лет по горному делу работаю.

— Пойдём!

Долго ли, коротко ли шли, пришли в тридесятое царство. Увидали высокую каменную гору. Вершина той горы выше туч подымается. Принялись гору дробить. Горный мастер камень бурит да рвёт, Иван-бо-

гатырь палицей бьёт да крупные глыбы отваливает, дружинник мелкие камни отгребает.

Много времени камень дробили, ломали, на аршин в неделю вперёд подавались. И до того изнурились — еле на ногах держатся.

Говорит дружинник:

— И в год нам до железного ларца не добратся. Пойдём прочь!

— Хоть век будем гору долбить, а не отступимся! Покуда Кошья Бессмертного не победим, назад не воротимся, — отвечает Иван-богатырь.

А горный мастер поддакивает:

— Большая работа лишь поначалу страшит, а умение и труд дело вершит.

И вот на седьмой месяц проломали гору до середины и увидели железный ларец, золотом окованный.

Горный мастер говорит:

— Почуял Кошья Бессмертный, что гибель близко. Скоро он сюда налетит. Надо торопиться смерть из ларца доставать, а то будет беда!

Стал Иван-богатырь палицей по железному ларцу бить. Бил, бил, расплющил ларец, а разбить не может.

Вдруг всё кругом загремело, загрохотало, буря поднялась.

— Поспешай, Иван-богатырь! — торопит горный мастер. — Не разобьёшь ларца — все наши труды даром пропадут. Отберёт Кошья ларец — век его не сыскать тогда. И людям не будет облегчения, покуда он жив.

А Кошья уже огнём палит.

В ту пору изловчился Иван-богатырь, ударил изо всех сил и вдребезги разбил ларец. Выкатилось яйцо из ларца. Ударил ещё раз по яйцу — и такой пошёл

гром, что вся гора в прах рассыпалась. Упал Кощей Бессмертный на землю бездыханный. Сожгли его и пепел по ветру развеяли, а сами пошли в Кощеево царство.

Увидали царевны Ивана-богатыря. Кинулась к нему меньшая сестра, заплакала:

— Ты ли это, голубь сизокрылый, Иванушка?

И все три царевны в один голос заговорили:

— Зачем, добрые молодцы, сюда пришли? Скоро Кощей прилетит и погубит нас всех!

— Не печалуйтесь, красные девицы! Не станет больше Кощей людей обижать: нету его в живых.

Обрадовались сестры:

— Коли нет Кощея в живых, то и наше царство ожило! Теперь все Кощеевы чары рушились.

И стали домой собираться. Три мешка насыпали камней самцветных да золота. Нашли в кладовой ковёр-самолёт и скоро попали в своё царство. Прилетели в стольный город, опустились на главной площади возле царского дворца. Царевны побежали к отцу с матерью. А Иван-богатырь перекинул с руки на руку золотое яичко — стал золотой дворец; потом перекинул серебряное яичко — стал серебряный дворец; а под конец перекинул с руки на руку медное яичко — стал медный дворец.

Царь с царицей дочерей увидали — плачут и смеются от радости, на три дворца не налюбуются.

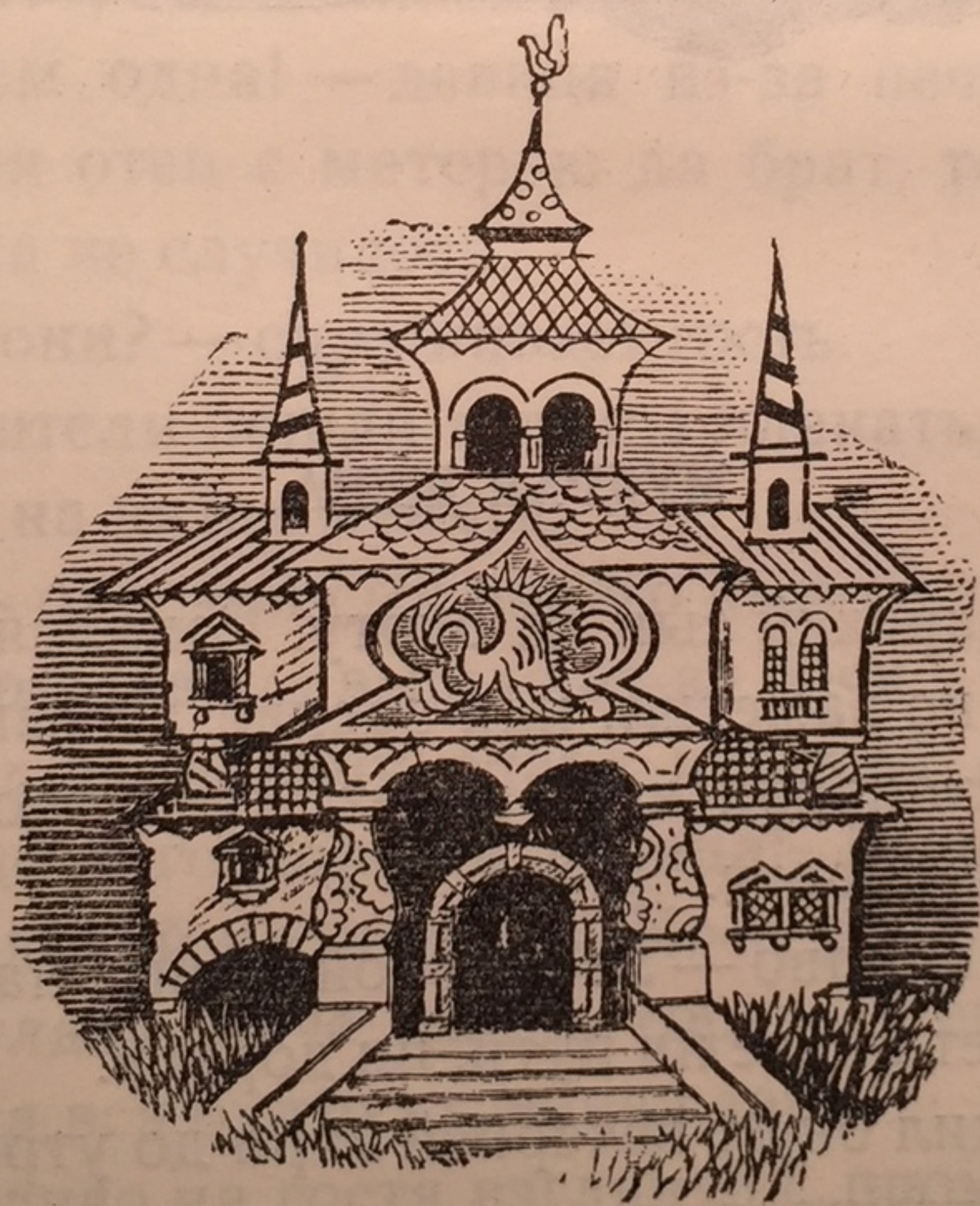
Ивана-богатыря, горного мастера да дружинника хвалят, угощают. И весь народ их славит. Иван-богатырь поехал к отцу с матерью, привёз их в стольный город.

И в скором времени начали во дворце свадьбы играть. Ивана-богатыря повенчали с Татьяной-царев-

ной, за горного мастера отдали среднюю сестру — Марфу-царевну, а дружинник женился на старшей сестре — Анне-царевне.

Три недели тянулись весёлые пиры, столованье, а потом Иван-богатырь с молодой женой да со своими родителями поселился в золотом дворце. Горный мастер с Марфой-царевной — в серебряном дворце, а дружинник да Анна-царевна — в медном дворце.

И стали все жить-поживать да добра наживать. А как умер старый царь, стал царством править Иван-богатырь, крестьянский сын.

МУДРАЯ ЖЕНА

Поехал царский сын на охоту. Гонялся за красным зверем да и не заметил, как заехал в незнакомое место. Коня остановил и не знает, куда тронуться, как выбраться на дорогу.

Поехал направо — лес стеной стоит; налево повернул — лес; нет нигде ни пути, ни дороги.

Так кружил он от вечерней зари до утренней. Конь под ним притомился, и сам из сил выбился, а лесу и конца-краю нет.

Поутру, как стало светать, приметил: стёжка въётся. Обрадовался, направил коня по следу, и вывела его стёжка-дорожка из лесу на широкое поле, на чистое раздолье.

Окинул взглядом местность — деревню увидал. Добрался царский сын до деревни и повернул к избе, где дым из трубы столбом валил.

«Коли печь топится, — думает, — хозяева не спят».

Спешился, коня привязал, сам на крыльцо поднялся, вошёл в сени и только дверь в избу размахнул, как видит — выскочила из-за кросен¹ девица, метнулась за печь и оттуда говорит:

— Худо, коли двор без ушей, а изба без очей! Не обессудь, добрый молодец, постой у порога.

Царевич думает:

«Что это она говорит? Уж в своём ли разуме?»

Потом спрашивает:

— Ты что, одна живёшь или родные есть?

— Зачем одна! — девица из-за печи отвечает. — Есть у меня отец с матерью да брат, только сегодня никого дома не случилось.

— Где они? — спрашивает гость.

— Родители пошли займы плакать, а брат угнал сто рублей на пятак менять.

И опять царский сын ничего не понял.

В ту пору девица вышла из-за печи.

Вскинул на девицу глаза царский сын да так и обомлел: до чего хороша девица! Весь белый свет обойти — эдакой не сыскать. Коса русая ниже пояса, голубые глаза ярче звёзд горят, щёки — маковый цвет, а сама вся будто утренняя заря.

Приветливо на гостя взглянула, промолвила:

— Проходи, садись да сказывай, как тебя звать-величать и за каким делом к нам пожаловал?

Опомнился царский сын, прошёл, сел на лавку и

¹ Кр ó с н ы — ткацкий станок.

рассказал, как по лесу блуждал, как в деревню попал, а сам от девицы глаз отвести не может.

— Что это ты говорила про двор без ушей да про избу без очей — мне невдомёк.

Улыбнулась девица:

— А чего тут мудрёного! Была бы у нас собака на дворе, она бы залаяла на тебя, а я и услышала бы, что кто-то не свой идёт. Вот тебе и двор без ушей. А про избу без очей вот к чему сказала: были бы в семье дети, они бы в окно увидели незнакомого человека и мне бы сказали, — вот и не застал бы ты меня врасплох, неприбранную!

— Ну, а про родителей да про брата что рассказывала? — гость спросил.

«Ой, какой бестолковый, недогадливый, будто неживой! А с виду ладный, пригожий», — подумала девица и ответила:

— Родители пошли на погост, на похороны — покойника оплакивать. А как придёт черёд, сами умрут — тогда добрые люди придут их хоронить да оплакивать. А брат на сторублёвом коне поехал зайцев гонять. Зайца заполюет — прибыли на пятак, а коня загонит — убытку на сто рублей.

Покуда так говорила, стол накрыла.

— Садись позавтракай: чем богаты, тем и рады.

Накормила, напоила и дорогу указала:

— Вот так поезжай — не собьёшься и к вечеру домой попадёшь.

Уехал царский сын и с того дня затосковал: не ест, не пьёт — красная девица из ума нейдёт.

Родители сокрушаются: жаль сына. Пирь и всякие потехи заводят — ничем не могут развеселить царевича.

— Надо его женить,— говорит старый царь.— Обзаведётся своей семьёй — и всю печаль как рукой снимет.

Велел царевича позвать.

— Вот что, сын любезный: пришла пора тебе своей семьёй обзаводиться: и годами ты вышел, и нам с царицей охота на внучат порадоваться. За невестой дело не станет. Любая царевна, любая королевна с радостью за тебя пойдёт.

— Есть и в нашем царстве девица неописанной красоты,— царевич отвечает.

— Добро! — молвил царь-отец.— Скажи, куда сватов засылать, в чьём боярском дворе зазноба завелась?

Рассказал царский сын, как он на охоте попал в незнакомую местность и как в дальней деревне увидел девицу-красавицу.

— Не царевна она, не боярышня: чернососного крестьянина дочь мне по сердцу пришлась, и никакой иной невесты не надобно.

Царь ладонями всплеснул, ногой топнул:

— Век тому не быть, чтобы я с холопами породнился!

— Воля твоя, а мне лучше век не жениться, чем немилую взять,— поклонился сын отцу и ушёл в свою горницу.

Задумался царь:

«Теперь-то он из моей воли не выйдет, а как станет на царство после моей смерти — всё равно женится на холопке».

Пошёл к царице, рассказал всё, как есть. Та — в слёзы:

— Ой, пришла беда! Что станем делать?

— Я придумал,— царь говорит.— Эй, слуги, позывите царевича!

— Думали мы, гадали, с матерью-царицей совет держали, и вот тебе наша родительская воля,— сказал царь сыну.— Коли исполнит девица три задачи, будь по-твоему — женись на ней; а не исполнит, пусть пеняет на себя: не топтать ей больше зелёной травы.

И подал один льняной стебелёк:

— Перво-наперво пусть из этого льна пряжи напрядёт, из пряжи той полотна наткёт да мне рубашку сошьёт. Погляжу, какова мастерица, в рукоделье искусница!

Повёз царский сын отцовский наказ.

Увидала его девица в окно, выбежала на улицу. У ворот гостя встретила, ласково взглянула:

— По доброй воле заехал или неволя привела?

Забилось сердце у царевича. Стоит он, с ноги на ногу переминается, молчит. Потом осмелился и проговорил:

— Полюбилась ты мне, девица-душа! Приехал я тебя замуж звать.

Зарделась девица и стала ещё краше. Потом чуть слышно промолвила:

— Коли так привелось, видно, так тому и быть. Люб и ты мне. Мои родители перечить не станут, и тебе своих отца с матерью надо спросить.

Царевич без утайки рассказал всё, что дома было, и подал льняной стебель.

Выслушала девица царский наказ, улыбнулась. Потом выломала из веника берёзовый прут:

— Пусть из этого прута сделают прялку и челнок, пусть веретён наточат да бёрдо¹ приготовят что ни

¹ Бёрдо — деталь ткацкого станка.

есть для самого тонкого полотна — тогда и я царский приказ исполню.

Воротился царский сын домой, подал царю берёзовый прут и сказал, о чём девица просила.

Удивился царь, досадует на себя:

«Ну, ты хитра, а я похитрее тебя!»

Приказал принести сотню варёных яиц:

— Отвези невесте — пусть из этих яиц цыплят выведет и к свадебному столу откормит.

Выслушал царевич новый приказ, опечалился, а перечить не посмел: поехал к невесте.

Девица яйца приняла, принесла горшок с пшённой кашей и говорит:

— Отдай это пшено царю — пусть его посеют да просо вырастят: другого те цыплята не станут клевать.

Воротился царевич, отдал отцу кашу.

Выслушал царь девицыны слова и велел царевичу прийти через три дня.

Думал старый царь и день и другой; на третье утро встал весёлый, посмеивается:

— Ну, теперь будет холопка знать, как с царём тягаться!

Сына позвал:

— Поезжай, зови суженую в гости — надо нам перед свадьбой посмотреть будущую невестку. Пусть она будет не в платье, не без платья, не с подарком, не без подарка; не пешая, не конная, а верхом.

Приехал царевич к невесте, пересказал царский приказ.

Отец с матерью и брат запечалились:

— Ох, неспроста царь задал эдакую задачу!

И царевич загрустил.

А девица-краса веселёхонько отвечат:

— Передай родителям — пусть завтра после полудня ожидают!

Распростился жених, уехал.

Говорит девица:

— Поймай мне, братец, к утру живого зайца да живую перепёлку.

Брат тотчас отправился в лес.

Девица родителей утешает:

— Ни о чём не тужите, не печальтесь — всё дело уладится.

На другой день после полудня царь сидит в верхнем тереме, глядит в окно. Заметил девицу и дал слуге приказание: как только ворота перед ней откроют, спустить с цепи самых лютых кобелей.

А сам засмеялся:

— Только ты и жила на свете — в клочья разорвут!

Глядит в окно. Ближе и ближе девица... И видит: вместо платья на ней многорядно частая сеть накинута — не в платье, не без платья. Поводьями девица правит, прутом зайца взнузданного погоняет — ни пешая, ни на коне, а верхом.

И только девица ворота отворила, как бросились на неё страшные цепные псы!

Царь кинулся вон из терема, скорым-скоро спустился вниз, выбежал на крыльцо и видит: далеко-далеко за воротами скачет заяц, а за ним две собаки гонятся, расстилаются. Скрипнула ступень; глянул царь — поднимается по лестнице девушка, многорядно в частую сеть закутанная и столь красивая, что ни вздумать, ни сказать, ни пером описать.

Поклонилась девица и с улыбкой говорит:

— Много чести мне, коли сам царь на крыльцо встречать вышел! — Руки протянула: — Вот мой подарок.

Царь хотел подарок взять, а девица пальцы разжала, и в ту же минуту — порск! — перепёлка взвилась, мимо самого царского носа кверху поднялась.

Царь бороду задрал, в небо глядит.

— И не с подарком, и не без подарка, — улыбается девица. — Как наказано, так и есть.

Царь на перепёлку загляделся, оступился и кулём повалился под лестницу, только ступени трещат.

Кинулась девица на помощь. Слугисбежались, помогли царю подняться. Стоит он, ойкает, бока почёсывает.

Царевич услышал шум, выбежал на крыльцо: увидел невесту — обрадовался.

В ту пору и царь опомнился, приосанился:

— Ну, любезная гостья, уважила! Всё как есть по-моему сделала. Пойдём в покои, там тебя царица ждёт.

А сам думает: «Делать нечего, царское слово негоже нарушать. Ну, а вперёд видно будет».

Ухоронилась девица за смородинный куст, сбросила сеть и оказалась в нарядном платье.

Все глядят на неё — не наглядятся; переговариваются между собой:

— Эдакой красоты век не видано!

И царица слёзы осушила, повеселела сразу, как только увидела девицу — ненаглядную красоту.

Царь говорит:

— Все три задачи невеста исполнила. Теперь можно весёлым пирком да за свадебку приниматься.

Скоро свадьбу сыграли, и живут молодые душа в душу, не нарадуются.

Много ли, мало ли прошло времени, старый царь с царицей задумали поехать в иное царство, к царицыной сестре в гости.

Перед отъездом царь сыну с невесткой говорит:

— Покуда не вернусь, ты, сын любезный, царством правь — суды суди и ряды ряди, во всём твоя воля. А ты, невестушка, за кладовыми да за поварней гляди, добро береги и смотри, в царские дела не встревай — то дело не бабьего ума! Не послушаешь — на себя пеняй!

Уехали царь с царицей. А царевич как-то раз ездил на охоту. На обратном пути у городских ворот остановил его бедный мужик:

— Добрый человек, скажи, как мне царя повидать?

— А зачем тебе надо царя повидать? — спрашивает царский сын.

— А затем, — мужик отвечает, — чтобы узнать, совсем ли правда на свете перевелась?

— Почему ты думаешь, что правда на свете перевелась? — спрашивает царевич.

— Потому что бедный человек всегда и во всём кругом виноват, а богатый всегда и во всём прав, — отвечает мужик.

— Как так? — дивится царевич.

— А вот так, — мужик говорит. — Довелось мне вчера судиться с богатым соседом, и я на себе испытал, что богатый всегда прав и что в суде правды нет.

Расспросил царевич, с кем мужик судился и какой судья судил, потом говорит:

— Завтра в полдень приходи в царский дворец.

Воротился царевич домой и приказал позвать того судью и богатого крестьянина во дворец.

На другой день собрались на царском дворе судья, богатый крестьянин и бедный мужик.

В полдень вышел царевич на крыльцо, спрашивает бедного мужика:

— Говори, что надобно от царя?

— Чтобы по правде нас рассудил, — ответил бедный мужик и стал рассказывать: — Собрались мы с соседом на базар. В его телегу запрягли мою кобылу. В пути-дороге пристигла нас ночь, остановились в поле. Утром глядим — жеребёнок под телегой лежит: моя кобыла ожеребилась.

— Нет, врёшь! — закричал богатый мужик. — Это моя телега ожеребилась!

Спрашивает царевич судью:

— Ты, судья, что скажешь? Кому жеребёнка присудил?

— Я судил по правде: чей жеребёнок, тому и присудил. — И на богатого крестьянина указывает: — Его жеребёнок.

— Как о том узнал? — царевич спрашивает.

Судья отвечает:

— Так ведь жеребёнок-то под телегой лежал — стало быть, и ожеребилась телега, а не кобыла.

Задумался царевич:

«В самом деле, ведь если бы кобыла ожеребилась, зачем бы жеребёнку под телегой лежать? Судья, кажется, правильно рассудил».

В ту пору выбежала на крыльцо молодая жена царевича:

— Чей жеребёнок, легко узнать. Что тут долго думать!

— Как так — легко узнать? — спрашивает царевич.

— А вот так, — жена отвечает, — жеребёнок за матерью побежит... Ты со своей телегой поди налево, — говорит она богатому мужику, — а ты свою кобылу в другую сторону води, — приказывает бедняку.

Так и сделали, и жеребёнок побежал за кобылой.

— Видишь, — говорит она царевичу, — не по правде судья суд судил!

И присудил царевич: отдать жеребёнка бедному мужику, а несправедливого судью от должности отрешил.

Старый царь с царицей домой воротились. Стали ему бояре наговаривать:

— Без тебя, царь-государь, мужичья дочь, лапотница, все дела вершила, много верных слуг твоих от должности отрешила, а царевича совсем околдовала! Во всём он ей потакает, нас, бояр, и приказных людей ни во что не ставит.

Позвал старый царь невестку:

— Ты меня не послушалась, и за то тебе наказание: уходи куда знаешь!

Спрашивает она:

— Куда я пойду, как жить стану, когда моё самое дорогое здесь?

Старый царь думает: «Жемчугов да нарядов дорогих жалеет» — и говорит:

— Бери всё, что хочешь, только уходи с глаз долой! Чтобы к утру тебя тут не было!

И приказал коней запрягать.

На другое утро спрашивает царь:

— Уехала ли лапотница?

— Уехала и царевича увезла,— отвечает дворецкий.

— Как так — царевича увезла? — закричал царь.

— Сказывала,— отвечает дворецкий,— что ты ей позволил взять самое дорогое, а дорожке мужа-де нет ничего.

Забушевал царь:

— Так ведь я про наряды думал! Сейчас же погоню послать, воротить назад!

Царевича с женой воротили.

А как умер старый царь, заступил сын на царство и во всех делах советовался с мудрой женой.

СОЛДАТ И СМЕРТЬ

Прослужил солдат двадцать пять лет, и отпустили его на все четыре стороны:

— Выслужил ты, солдат, свой срок, ступай теперь куда знаешь.

Собрался солдат и пошёл, а сам думает: «Прослужил я царю двадцать пять лет, а не выслужил и двадцати пяти реп. Дали мне на дорогу только три сухаря. Как быть? Где голову приклонить? Дай пойду на родимую сторону, проведаю отца с матерью, а коли в живых родителей не застану, хоть на могиле у них посижу».

И пошёл солдат в путь-дорогу. Шёл, шёл, два сухаря съел, и остался у него всего-навсего один сухарь, а до дому ещё далеко идти.

В ту пору поравнялся с ним нищий и стал просить: — Подай, служивый, убогому милостыньку!

Вынул солдат свой последний сухарь и подал старику.

«Сам-то как-нибудь обойдусь: моё дело солдатское, а старому да убогому где взять?»

Трубку набил, закурил и тронулся в путь. Идёт да покуривает.

Шёл, шёл и видит: возле дороги озеро. У самого берега дикие гуси плавают. Подкрался солдат, изловчился и убил трёх гусей.

«Теперь будет чем пообедать!»

Вышел на дорогу и скоро пришёл в город. Разыскал постоялый двор, подал всех трёх гусей хозяину:

— Вот тебе три гуся. Одного для меня зажарь, другого возьми себе за хлопоты, а за третьего винца мне к обеду поставь.

Покуда солдат амуницию снимал да располагался на отдых — и обед поспел.

Подали ему жареного гуся, поставили винца штоф¹. Сидит солдат, угощается: выпьет винца да гусем закусит. Худо ли?

Не торопится солдат, у хозяина спрашивает:

— Чьи там через улицу новые хоромы видать?

— А это самый что ни есть богатый купец выстроил себе те палаты, — отвечает сиделец², — да вот всё никак не может жить туда перебраться.

— А чего так?

¹ Штоф — старинная мера вина, равная $\frac{1}{10}$ ведра.

² Сиделец — хозяин постоялого двора.

— Завелась, видишь ты, там нечистая сила,— говорит сиделец.— Черти по ночам гнездятся: шумят, галдят, пляшут да визжат каждую ночь. Люди близко боятся подходить, как стемнеет.

Солдат у хозяина выпросил, как ему того купца разыскать.

— Охота мне с ним повидаться да перемолвиться: не помогу ли я чем ему?

После обеда лёг солдат на часок отдохнуть, а как стало вечереть, пошёл в город. Нашёл купца. Тот спрашивает:

— Что скажешь, служивый?

— Я человек дорожный. Позволь мне в твоём доме ночь переночевать — всё равно он никем не занят.

— Что ты, что ты! — говорит купец.— Какая тебе нужда на верную гибель идти! Переночуй у кого-нибудь. Мало ли в городе домов! А в моём доме, с тех пор как построили его, поселились черти, и никак их не выжить.

— Может, мне удастся прогнать чертей? Авось старого солдата послушается нечистая сила.

— Находились и до тебя смельчаки, да всё без толку. Ничего поделать нельзя. Вот и прошлым летом взялся эдак же один прохожий человек избавить дом от нечисти, отважился переночевать. А наутро только косточки нашли. Погубила его нечистая сила.

— Русский солдат в воде не тонет и в огне не горит. Служил я двадцать пять лет, и в походах и в сражениях бывал, да жив остался, а уж от чертей-то как-нибудь оборонюсь, не поддамся.

Купец говорит:

— Ну, дело твоё. Коли не боишься, ступай. А если

избавишь дом от нечистой силы, за наградой не постою.

— Дай мне,— говорит солдат,— свечей, калёных орехов да одну печёную репу покрупнее.

— Пойдём в лавку, бери чего надобно!

Зашёл солдат в лавку, взял десяток свечей, три фунта калёных орехов, а потом завернул на купеческую кухню, прихватил самую большую печёную репу и отправился в новые хоромы.

Расположился в большой горнице. Шинель да ранец на гвоздь повесил. Свечи зажёг, набил трубку. Покуривает, орехи пощёлкивает — ведёт время.

В самую полночь — откуда что взялось — шум, гам поднялся, двери захлопали, половицы скрипят: пошла пляска, визги со всех сторон, хоть уши затыкай. Всё ходуном заходило.

А солдат сидит как ни в чём не бывало: орехи пощёлкивает, трубочку покуривает.

Вдруг дверь приотворилась, просунул чертёнок голову, солдата увидал и закричал:

— Тут человек сидит! Собирайтесь, пожива есть!

Поднялся топот, и все черти сбежались в ту горницу, где солдат сидел. Столпились у дверей, поглядывают, друг дружку подталкивают да повизгивают:

— Разорвём, съедим его!

— погоди хвалиться-то! — кричит солдат. — Не эдаких видал на своём веку, да и бывать приходилось вашего брата немало. Подáвитесь!

Тут протолкался вперёд на́больший чёрт и говорит:

— Давай силой мериться!

— Ладно,— отвечает солдат. — Может кто из вас так сдавить камень рукой, чтобы сок побежал?

Старший чёрт велел принести с улицы булыжник. Чертёнок побежал, принёс небольшой камень. Подают солдату:

— На, пробуй!

— Сперва пусть кто-нибудь из вас попробует, а за мной дело не станет.

Набольший чёрт схватил камень и так крепко сжал, что только горсть песку осталась:

— Гляди!

Солдат печёную репу из ранца достал:

— Видишь, мой камень больше твоего! — Сдавил репу рукой: сок побежал. — Видали?

Удивились черти. Молчат. Потом спрашивают:

— А чего ты всё грызёшь?

Солдат отвечает:

— Орехи. Только вам никому не разгрызть моих орехов. — И подал старшему пулю: — Отведай солдатских орехов.

Тот кинул пулю в рот. Кусал, кусал, всю сплющил, а раскусить никак не может. А солдат знай пощёлкивает: кидает в рот один орех за другим, один за другим...

Присмирели черти, притихли. С ноги на ногу переминаются, на солдата поглядывают.

— Слыхал я, — говорит солдат, — будто ваш брат больно хитёр на выдумки: можете из маленьких большими стать, а из больших — в маленьких обернуться, будто вы в любую щель пролезете.

— Это мы всё можем! — закричали черти.

— А вот попробуйте все, сколько вас тут есть, залезьте в мой ранец.

Черти кинулись в ранец наперегонки. Торопятся, друг дружку давят, подгоняют один другого. Минуты

не прошло, как никого в доме не осталось: все в ранце угнездились.

Солдат подошёл к ранцу, ремни крест-накрест перекинул, покрепче затянул и пряжки застегнул:

— Ну, теперь можно и самому отдохнуть!

Шинель постелил, шинелью укрылся и уснул.

Утром купец посылает приказчиков:

— Ступайте проведайте, жив ли солдат. Коли черти его разорвали, соберите хоть кости.

Приказчики пришли, а солдат уж не спит, по горницам расхаживает да трубочку покуривает.

— Здравствуй, служивый! Не чаяли мы тебя живым, здоровым застать. Ящик вот принесли — твои кости собрать.

Усмехается солдат:

— Рано ещё меня хоронить! Пособите мне вот лучше ранец в кузницу отнести. Далеко ли у вас тут кузница?

— Недалеко, — приказчики отвечают.

Взяли ранец и понесли. Пришли в кузницу.

Солдат говорит:

— Ну-ка, молодцы-кузнецы, кладите этот ранец на наковальню да приударьте покрепче по-кузнечному!

Кузнец с молотобойцем принялись по ранцу кузнечными молотами бить-колотить.

Солоно пришлось чертям. Закричали в голос:

— Смилуйся, служивый, выпусти на волю!

Кузнецы знай своё дело делают, а солдат приговаривает:

— Так их, так, ребята, бей крепче! Научим, как людей обижать!

— Век больше в тот дом не заглянем, — кричат

черти,— и другим закажем близко к этому городу не подходить, а тебе богатый выкуп дадим, только живыми оставь!

— Ну, то-то! Запомните навек, как с русским солдатом тягаться!

Велел кузнецам остановиться. Приослабил ремни у ранца и стал чертей по одному выпускать. Оставил только самого главного:

— Принесите выкуп, тогда и этого отпущу.

И только успел трубку выкурить, как видит: бежит чертёнок, несёт старую котомку:

— Вот тебе выкуп!

Солдат котомку взял — лёгкая показалась. Развязал, заглянул, а там нет ничего. Закричал на чертёнка:

— Да ты что, насмехаться вздумал надо мной? Сейчас вашего главного в два молота примемся учить!

А тот из ранца кричит:

— Не бей, не калечь меня, служивый, а выслушай! Эта котомка не простая, а чудесная. Одна она только и есть на свете. Чего бы ты только ни захотел, развяжи котомку да погляди — всё станется по твоему желанию. А коли птицу вздумаешь заполевать либо вещь какую хочешь заполучить, размахни котомку да скажи одно слово: «Полезай» — там и найдёшь.

— А ну-ка, попробуем, правду ли рассказываешь!

Задумал солдат: «Пусть в котомке три штофа водки будет!» И сразу почувствовал: тяжелей котомка стала. Развязал котомку, а там три штофа водки. Отдал вино кузнецам:

— Пейте, ребята!

А сам вышел из кузницы, глядит по сторонам. Увидел — на крыше воробей сидит. Котомку размахнул и сказал:

— Полезай!

Только успел вымолвить — снялся воробей с крыши и сразу в котомку залетел.

Воротился солдат в кузницу и говорит:

— Правду сказывал. Без обману дело выходит. Эдакая котомка пригодится мне, старому солдату!

Развязал ремни, открыл ранец и выпустил старшего чёрта:

— Ступай куда знаешь, да помни: ещё раз попадёшь мне на глаза — пеняй на себя тогда!

Кинулись чёрт с чертёнком бежать — только их и видели. А солдат взял свой ранец да котомку, распростился с кузнецами и пошёл к купцу:

— Перебирайся спокойно в новый дом. Никто тебя там больше не потревожит.

Купец на солдата глядит и глазам не верит:

— Правда, что русский солдат в воде не тонет и в огне не горит! Рассказывай, как тебе удалось от нечистой силы оборониться, живым-невредимым остаться!

Солдат рассказал всё, как дело было, а приказчики подтвердили.

Купец думает: «Ладно, день-другой надо повременить, с переездом обождать. Узнаю, всё ли там спокойно, не воротится ли нечистая сила».

Вечером послал с солдатом тех молодцов, что ходили утром в новый дом:

— Обживайте. Коли что приключится, солдат оборонит.

Те переночевали спокойно, как ни в чём не бывало, утром воротились живы-здоровы, веселёхоньки.

На третью ночь и сам купец отважился переночевать. И опять ночь прошла спокойно, тихо. Никто их

не потревожил. После того велел купец всё прибрать в новом доме — и стали готовиться к новоселью. Напекли всего, наварили, нажарили. Собрали гостей. Всяких кушаньев, вин да заедок столько наставили — столы ломятся. Пей, ешь, чего душа пожелает.

Солдата посадил купец на почётное место и потчует, как самого дорогого гостя:

— Угощайся, служивый! Век твою услугу помнить буду!

Пир затянулся до рассвета. А как пробудились — стал солдат в дорогу собираться. Купец его уговаривает:

— Не торопись, погости у меня ещё хоть неделю!

— Нет, спасибо. И так зажился. Надо мне домой попадать.

Насыпал ему купец серебра полный ранец:

— Вот тебе на обзаведение!

А солдат ему и говорит:

— Я человек одинокий и ещё могутный. Сам себя прокормлю. Не надо мне твоего серебра.

Простился с купцом, вскинул чудесную котомку да пустой ранец за плечи и отправился в путь-дорогу.

Шёл он долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли и пришёл на родимую сторону. Увидал с пригорка свою деревню, и стало ему весело да легко. Прибавил шагу, сам во все стороны поглядывает: «Экая красота кругом! Во многих я землях побывал, сколько разных городов да сёл повидал, а лучше нашего места и на всём белом свете не сыскать!»

Подошёл солдат к своей избе. Поднялся на крылечко, постучался. Встретила его древняя старуха. Кинулся к ней солдат, обнимает.

Старуха сына узнала. Плачет и смеётся от радости:

— Всё тебя, сынок, старик вспоминал, да вот не привелось поглядеть — не дождался! Годов уж пять прошло, как схоронили его.

Потом старуха спохватилась, стала хлопотать. А солдат уговаривает:

— Ни о чём не беспокойся. Теперь моя забота тебя беречь да покоить.

Котомку развязал, размахнул, задумал кушаньев да угощения. Всего достал, на стол поставил, потчует мать:

— Пей, ешь досыта!

На другой день солдат опять котомку размахнул, натряс серебра и стал за дело приниматься. Избу новую поставил. Купил корову да лошадь, завёл всё, что надо по хозяйству. А потом приглядел невесту хорошую, женился и стал жить-поживать да хозяйствовать. Старуха мать внуков нянчит, не нарадуется на сына.

Прошло так годов шесть ли, семь ли... Занедужил солдат. Лежит день, другой и третий, не пьёт, не ест. И всё ему хуже и хуже. На третий день увидал: возле постели Смерть стоит, косу точит, на солдата поглядывает:

— Собирайся, солдат, за тобой пришла! Сейчас уморю тебя.

— погоди, дай мне пожить ещё тридцать годов. Детей выращу. Сыновей поженю, а дочерей замуж выдам да внучат дождусь, погляжу, тогда и приходи. А теперь недосуг мне умирать.

— Нет, солдат, не дам тебе и трёх часов прожить.

— Ну, коли нельзя прожить тридцати годов, по времени хоть три года! Мало ли у меня дел! Надо всё переделать.

— Не проси. Не дам тебе и трёх минут жизни,— отвечала Смерть.

Солдат не стал больше ни о чём просить, а умирать ему неохота. Изловчился, достал кое-как из-под изголовья чудесную котомку. Размахнул котомку и крикнул:

— Полезай!

Только успел вымолвить, как чувствует: полегче стало.

Оглянулся — нет Смерти на прежнем месте. Заглянул в котомку, а Смерть уж там сидит.

Солдат покрепче завязал котомку, и совсем ему полегчало, на еду потянуло.

Встал с постели, отрезал ломоть хлеба, посолил и съел. Потом выпил ковшик квасу и совсем поправился.

— Не хотела ты, безносая, со мной по-доброму говорить! Узнаешь теперь, как с русским солдатом тягаться!

Слышит из котомки голос:

— А чего ты со мной поделаешь?

Солдат отвечает:

— Хоть и жаль мне котомку, да делать нечего, придётся с ней расстаться. Пойду сейчас утоплю тебя в гнилом болоте, а из котомки тебе век не выбраться!

— Выпусти меня, солдат! Дам тебе три года жизни.

— Ну нет, теперь уж не выпущу!

Смерть просит:

— Выпусти! Так и быть, живи ещё тридцать лет!

— Ладно,— солдат говорит,— выпущу тебя, коли все тридцать годов никого из людей не станешь морить.

— Так не могу,— отвечает Смерть.— Как мне жить, коли никого морить не стану?

— Все эти тридцать годов грызи ты пенья, коренья да булыжники на полях.

Смерть на те речи ответа не даёт, молчит.

Солдат говорит:

— Коли не согласна — понесу на гнилое болото!

Взвалил котомку на плечи.

Тут Смерть заговорила:

— Будь по-твоему: не стану никого из людей морить все тридцать годов. Буду пенья, коренья да булыжники на полях грызть, только выпусти на волю!

— Смотри, чтобы без обману было! — сказал солдат.

Вынес Смерть за околицу. Котомку развязал:

— Ступай!

Смерть свою косу подхватила — и давай бог ноги, кинулась в леса! Принялась выворачивать пенья, коренья да булыжники на полях. Выворачивает да грызёт. Чего станешь делать?

А народ в ту пору зажил без горя, без заботы. Все здоровы: никто не хворает, не умирает.

И так шло без малого тридцать лет.

У солдата тем временем дети выросли. Сыновья женились, дочери замуж вышли. Стала семья большая. Тому надо помочь, другому посоветовать, третьего на ум наставить, каждому дело дать да растолковать. Хлопочет солдат да радуется. Во всём у него удача — колесом жизнь катится. До дела он жадный. О смерти ли солдату думать?

А Смерть тут как тут:

— Сегодня тридцать годов миновало. Вышел срок. Собирайся, солдат, за тобой пришла.

Солдат спорить не стал:

— Моё дело солдатское. Привык по тревоге враз справляться. Коли вышел срок, неси домовину¹.

Смерть принесла дубовый гроб с железными обручами. Крышку сняла:

— Ложись, солдат!

Солдат рассердился, кричит:

— Ты что, порядков не знаешь? Разве положено по уставу старому солдату вот так, с бухты-барахты, самому что-нибудь делать? Вот и на службе, бывало, как чему новому взводный обучает, всегда сам покажет, как и что, а уж потом команду подаёт нам исполнять. Так и в этом деле: ты вперёд сама покажи, а уж потом команду подавай.

Смерть в гроб улеглась:

— Гляди, солдат, вот так надо ложиться: ноги протянуть, а руки на груди сложить.

А солдат только того и ждал. Крышку захлопнул, обручи набил:

— Лежи там сама, а мне и тут хорошо!

Отвёз домовину на крутой берег и свалил с обрыва в реку. Подхватила река домовину и унесла Смерть в море.

Много годов прошло, а Смерть всё носит по морю.

Народ живёт припеваючи, солдата славит. И сам солдат не старится. Внуков женил, а внучек замуж выдал. Правнуков уму-разуму учит. Хлопочет по хозяйству, бегаёт с утра до ночи, ног под собой не чует.

И вот поднялась как-то на море сильная буря. Разбили волны домовину о камни. Выбралась Смерть на берег еле живая, от ветра шатается.

Поотлежалась на морском берегу и кое-как попле-

¹ Домовина — гроб.

раз
ру-
лась в ту деревню, где солдат живёт. Зашла к нему на двор и притаилась. Ждёт, когда солдат выйдет.

А солдат собрался идти сеять хлеб. Взял пустой мешок и пошёл в амбар за семенами. Только стал к амбару подходить, как вышла Смерть из-за угла. Сама смеётся:

— Теперь-то уж ты от меня не уйдёшь!

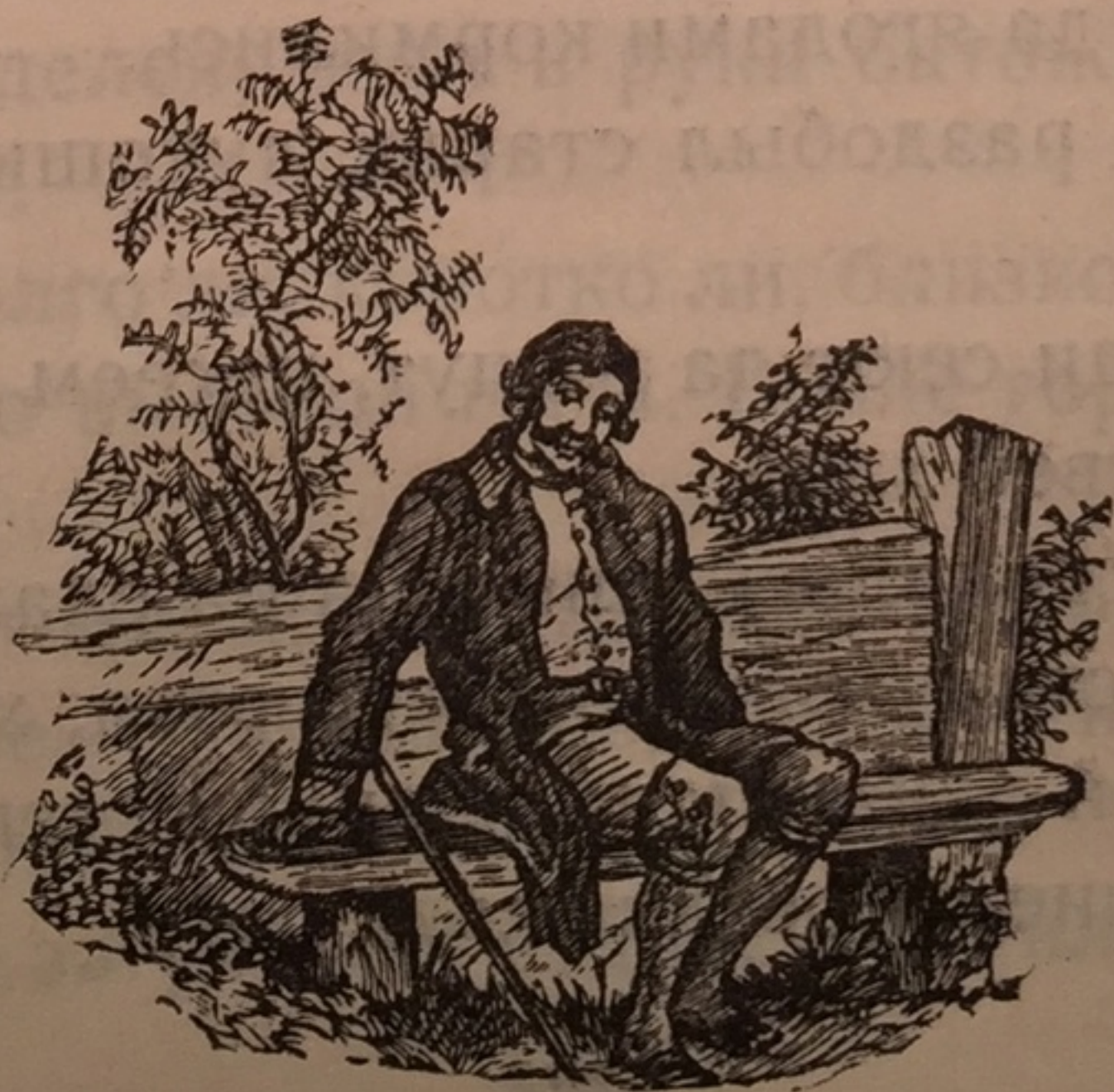
Видит солдат — пришла беда, и думает: «А, была не была, будь что будет! Коли не избавлюсь от Смерти, так хоть попугаю безносую».

Выхватил из-за пазухи пустой мешок да как крикнет:

— По котомке стосковалась? На гнилое болото захотела?

Увидела Смерть у солдата в руках пустой мешок. Показалось ей со страху, что это и есть чудесная котомка, и кинулась она прочь бежать — только её солдат и видел. И стала с тех пор Смерть людей морить крадучись. Только и думает: «Как бы мне солдату на глаза не попасться! Коли увидит — не миновать гнилого болота».

А солдат стал жить-поживать. И сейчас, говорят, живёт да посмеивается.

СКАТЕРТЬ-САМОБРАНКА, КОШЕЛЁК-САМОТРАС И ДВОЕ ИЗ СУМЫ

Жили-были старик со старухой. Жили, горевали, с хлеба на квас перебивались. С осени до весны кое-как маялись, а с весны до осени и вовсе беду бедовали: лебедой да ягодами кормились.

Вот как-то раздобыл старик лукошко пшеницы и говорит:

— Все люди сеют да пашут, посеем и мы — будет у нас осенью свой хлеб.

Посеяли. Уродилась пшеница на славу.

Старик со старухой не нарадуются, ходят каждый день, пшеницей любуются: пшеница стеной стоит, колос колоса тучнее. Соседи завидуют:

— Эдакого урожая век не видано!

Приспело время хлеб убирать. Старик серпы наточил:

— Завтра, старуха, пойдём пшеницу жать!

В ту пору поднялся сильный ветер, набежала чёрная туча, и выпал на старикову полосу крупный град. Тем градом начисто выбило всю пшеницу, ни одного колоса не осталось.

Закручинился старик, голову повесил, а старуха ругается, причитает:

— Всю жизнь я с тобой, с бесталанным, горе горевала! Ни в чём тебе удачи нет! В кои-то веки разжились семенами да вырастили пшеницу — и тут лихо пристигло, беда стряслась, а у нас и зерна не осталось.

Утешает старик:

— Не плачь, старуха, не горюй! Слезами да руганью убытков не воротишь. Тучу ветер нагнал — пусть ветер и убытки возместит.

Ещё пуще старуха заругалась:

— Совсем старик ума лишился! Мелет языком, чего слыхом не слыхано! Ищи-ка теперь ветра в поле!

А старик своё твердит:

— Пойду с ветра спрашивать: ветер виноват — ветер и в ответе.

Обулся, оделся, взял в руки батожок и тронулся в путь-дорогу.

Шёл он долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли и добрался до высокой горы. Возле горы стоит большая изба.

В избе четыре крыльца: одно выходит на восход солнца, другое — на полдень, третье — на запад, а четвертое крыльцо — на полночь.

В ту пору загремели вёдра, спустилась к колодцу

старуха, старая-престарая — чуть только на ногах держится. Зачерпнула воды.

Поздоровался старик:

— Здравствуй, бабушка! Дай-ка подсоблю тебе воду донести.

— Здорóво, добрый человек! Спасибо тебе на приветливом слове. Проходи в избу, отдохни с дороги, а с вёдрами и сама управлюсь: я ещё могучая.

Поднялись на крыльцо, вошли в избу. Старуха стол накрыла, гостя накормила, напоила, на печь спать уложила и стала выпрашивать:

— Куда, добрый человек, идёшь, куда путь держишь? По своей ли воле к нам попал или неволя-нужда привела?

— Ох, бабушка, не знаешь ты моей беды! Вырастили мы со старухой пшеничку, да пригнал ветер тучу с градом, и выбило всё начисто — зёрнышка не осталось. Нечем нам жить, хоть по миру ступай! И вот пошёл я по белу свету управы искать.

— Ну, коли так — дело поправимое. Я ведь мать всех четырёх ветров, и сыновья из моей воли не вышли. По всему видать, обидел тебя озорник Полуночник, мой меньшей сын, — горазд он на такие дела. Повремени немного. Воротятся сыновья домой — заставлю виноватого тебе убыток воротить.

Через малое время послышался шум с восточной стороны, распахнулись двери восточного крыльца — прилетел Восточный ветер. Вслед за тем пахнуло теплом с полуденной стороны — и слетел в избу с полуденного крыльца ласковый Полуденник-ветер. И в ту же минуту из тех дверей, что на закат солнца выходят, явился Запад-ветер. А потом вдруг загремело, зашумело кругом, изба заходила ходуном — с хохотом да

с присвистом ворвался в избу с полуночной стороны
Полуночник-ветер:

— Ох и задал я сегодня страху судам на море!
Наигрался, натешился, есть хочу!

Старуха тем временем на стол собрала, накормила, напоила сыновей и говорит:

— Ну, кто из вас, сынки, недавно беду сотворил?
Позвала старика:

— Ступай, говори, не бойся ничего!

Старик спустился с печи и рассказал всё, как дело было. Присмирел Полуночник, голову опустил.

— Видно, ты, Полуночник, виноват,— сказала мать,— тебе и в ответе быть.

— Ничего, мама,— Полуночник головой тряхнул,— всё дело поправится!.. А ты, гость дорогой, смел да напорист — этаких я и люблю! Коли не побоялся на меня управу искать да всю правду в лицо сказать, будь мне братом названным, а о потере не печалься.

Достал из-за пазухи свёрток и подал старику:

— На́ вот тебе скатерть-самобранку — во всякое время будешь сыт. Только скатерть разверни да скажи: «Попить, поесть!» — и ешь, пей, чего душа пожелает. Только, чур, уговор: пойдёшь домой — на постоялый двор не заходи.

Старик поблагодарил названного брата да мать четырёх ветров за ласковый приём, за угощение да за подарок, со всеми распрощился и отправился в обратный путь.

Шёл, шёл, шёл и так крепко притомился, совсем из сил выбился; сам думает: «Придётся и эту ночь в пути переночевать, сегодня домой всё равно не попасть. Чего это Полуночник не велел мне на постоялый двор заходить? Ведь не в поле мне ночь коротать! «Хлеб

свой — хоть у попа стой». И зашёл на постоялый двор. Сел у стола, отдыхает, а сиделец спрашивает:

— Может, поужинать собрать, да и водочки с устатку выпьешь? Заказывай!

— Ничего мне покупного не надо, всё у меня своё есть.

Достал из-за пазухи скатерть, развернул и говорит:

— Попить, поесть!

Батюшки светы, откуда чего взялось: наставились кушанья разные, меда душистые, вина сладкие, закуски, заедки всякие — стол ломится! Пей, ешь — душа мера!

Сиделец остолбенел, глядит во все глаза, слова вымолвить не может. Эдакого дива век не видал.

И старик рад-радёхонек:

— Будет теперь нам со старухой что пить, есть! Будет чем и добрых людей потчевать!

И на радости зовёт сидельца:

— Садись со мной ужинать и своих всех, кто у тебя есть, зови — угощенья на всех хватит!

Сиделец кликнул жену да ребят — и подсели все к старику за стол. Сидят угощаются. Старик выпил сладкого вина да крепкого мёду, и зашумело у него в голове; песню затянул.

Тут сидельцу и запала дума:

«Вот эта скатерть мне бы пригодилась!»

После ужина старик повалился на лавку и крепко уснул. Сиделец подменил скатерть-самобранку точь-в-точь такой же по виду простой скатертью.

На другое утро старик пробудился ни свет ни заря и скорым-скоро пошёл домой.

Старуха встретила его бранью:

— Где тебя леший носит? Дома ни зерна хлеба, ни полена дров нету, а ему и горя мало!

— Молчи, старуха! Садись за стол, угощайся, чего только твоя душа пожелает, пей, ешь вволю!

Усадил старуху за стол, развернул скатерть:

— Попить, поесть!

Что такое? Нет ничего...

Старик ещё раз скатерть встряхнул, развернул, рукой прихлопнул:

— Попить, поесть!

Опять ничего.

Тут старуха вскочила, схватила сковородник:

— Ох ты, пустомеля, ещё насмехаться вздумал!—

И раз, раз сковородником: — На́ вот, на́ тебе, постылый!

Старик вырвался из избы — да наутёк.

Остановился за околицей.

«Тут что-нибудь да не так. Видно, Полуночник обманул меня. Ну, да не на такого напал! Теперь мне дорога знакомая», — подумал старик.

И пошёл к матери четырёх ветров.

Шёл, шёл и поздним вечером пришёл к высокой горе, к большой избе с четырьмя крыльцами. В ту самую пору братья-ветры со всех четырёх сторон домой бежали. Подхватили гостя и снесли в избу.

Поздоровался старик с матерью четырёх ветров да с братьями и говорит ветру Полуночнику:

— Не по-братски ты, брат названный, дело делаешь. Твоя скатерть-самобранка всего один раз меня напоила, накормила, да на том дело и кончилось. Гоже ли так надо мной насмехаться?

— Погоди, погоди, — говорит Полуночник. — Заходил ты на постоянный двор?

— Заходил.

— Ну вот сам себя во всём и вини, коли меня не послушался.— Достал кошелёк из-за пазухи: — Возьми этот кошелёк и ступай. Никогда у тебя ни в чём нужды не будет. Что понадобится, потряси кошелёк— и сколько надо денег, столько и натрясёшь. Да смотри помни моё слово: никуда дорогой не заходи.

Гостя напоили, накормили, и отправился он домой. Сказка скоро сказывается, а ещё того пуще старик домой торопится.

Шёл, шёл и дошёл до того постоянного двора, где раньше останавливался.

«Совсем я отощал, да и ноги больше не гнутся, всё равно мне до дому сегодня не дойти. Зайду переночую у знакомого сидельца».

Зашёл, поздоровался. Хозяин постоянного двора узнал старика, ласково встретил:

— Садись отдыхай, добрый человек! Коли не побрезгуешь нашим угощением, заказывай попить-поесть с дороги.

А старику и холодно и голодно.

«Дай попробую, чем меня наградил Полуночник!»

Велел подать ужин да и вина спросил. Выпил рюмку-другую и захмелел с устатку. Зовёт сидельца:

— Садись, хозяин, и своих всех покличь, да что есть у тебя в печи, всё на стол мечи! За всё рассчитаюсь, в убытке не останешься.

Хозяин засуетился, наносил разных кушаньев да всяких напитков, позвал жену да детей, и все стали угощаться. Пьют, едят, а сидельцу не терпится узнать, какая у старика диковина есть. Всё новых и новых кушаньев требует, а чем станет рассчитываться?

Терпел, терпел сиделец и говорит:

— Ну, добрый человек, спасибо за угощение, пора отдыхать. Завтра ведь рано, чай, пойдёшь — рассчитаемся за всё сегодня.

Старик достал из-за пазухи кошелёк-самотряс.

Тряхнул раз, другой — и посыпалось серебро да золото. Натряс, насыпал блюдо денег:

— Бери, хозяин, всё твоё — у меня этого добра хватит!

А хозяин уставился на старика, сидит молчит. Потом схватил блюдо, стал деньги руками перебирать: деньги правильные, золото да серебро настоящее.

— Вот это диковина!

Повалился гость спать и уснул крепким, непробудным сном. Спит, беды над собой не чует, а беда-невзгода тут как тут.

Разыскал сиделец такой же кошелёк и подменил стариков кошелёк-самотряс.

Поутру раным-рано вскочил старик и пошёл домой.

Дома только через порог переступил, выхватил из-за пазухи кошелёк, показывает:

— Не бранись, старуха, на этот раз без обману! Подай скорее лукошко — натрясу денег, и ступай на базар, покупай чего надо.

Принесла старуха лукошко, подставила.

Тряхнул старик кошелёк раз, другой — выпала старая медная пуговица, и больше ничего нет. Снова стал трясти кошелёк.

Тряс, тряс — нет ничего.

Тут старуха давай старика потчевать тем, что под рукой было. Бьёт, а сама плачет, приговаривает:

— Ох ты, пустомеля, пустозвон, загубил меня, горемычную! Всю жизнь с тобой промаялась, хорошего

дня не видывала, а на старости лет и совсем ума рехнулся, день ото дня глупее становишься!

Била, покуда лукошко не рассыпалось, потом кинулась за кочергой.

А старик — давай бог ноги. Выскочил из избы и бежал до тех пор, покуда деревня из глаз не скрылась. Остановился: «Ну куда теперь податься? Старуха бранится да дерётся, а мне после таких обманов и на глаза ей показаться стыдно. Покуда управы не найду, домой не ворочусь. Уж не подменил ли сиделец скатерть-самобранку да кошелёк-самоотряс? Либо ветер Полуночник насмехается? Пойду к своему названому брату: сиделец, коли и подменил скатерть да кошелёк, всё равно не повинится».

В третий раз пошёл старик к высокой горе.

Ветер Полуночник дома был. Вышел он из избы и не приветливо встретил названного брата:

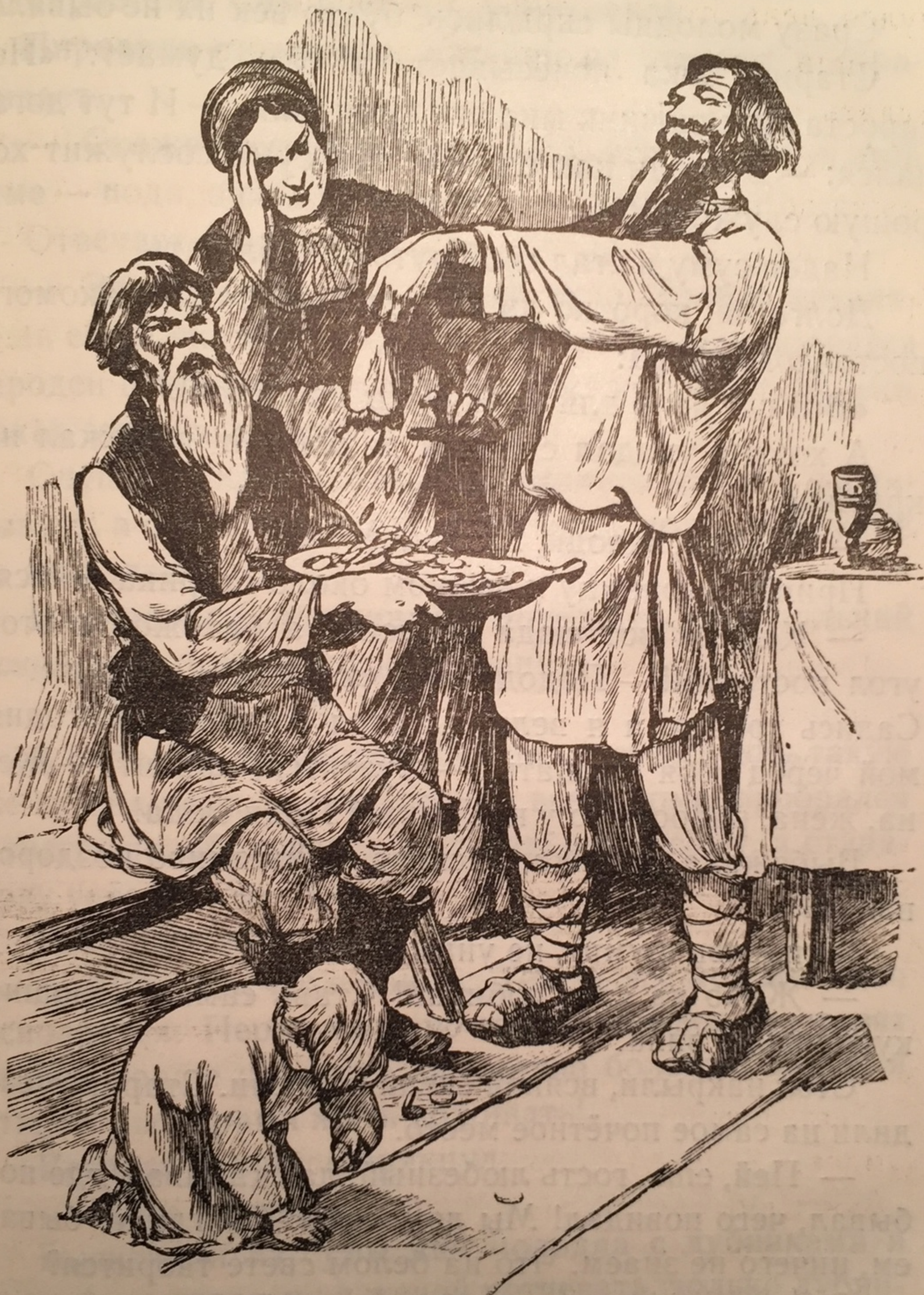
— Я всё про тебя знаю. Опять меня не послушался, пеняй теперь на себя! На вот тебе эту суму и живи своим умом. Пристигнет нужда — встряхни суму да скажи только: «Двое из сумы!» — и увидишь, что будет. А теперь прощай!

Ничего больше не сказал Полуночник, засвистел, загикал, взвился под облака и улетел за тридевять земель, за тридевять морей.

Надел старик суму и поплёлся обратно. Идёт и думает: «Хорошо бы попить, поесть! Дай-ка попробую суму». Снял суму, встряхнул и говорит:

— Двое из сумы!

В ту же минуту выскочили из сумы два молодца с дубинами и принялись старика бить-колотить. И до тех пор били-молотили, покуда он не догадался крикнуть:

— Двое в суму!

Сразу молодцы скрылись, будто век их не бывало.

Старик бока почёсывает, а сам думает: «Неспроста Полуночник мне эту суму дал...— И тут догадался: — Да ведь как с умом, так сума сослужит хорошую службу!»

Надел суму и стал свой путь продолжать.

Долго ли, коротко ли шёл и добрался до знакомого постоянного двора:

«Вот где дело для моей сумы найдётся!»

А хозяин увидал старика в окно и выбежал на крыльцо.

— Заходи, заходи, гость дорогой!

Привёл в горницу и вьюном около старика вьётся:

— Кафтан вот сюда повесим, а батожок в этот угол поставим! — Пододвинул скамейку к печке: — Садись грейся, а я велю на стол собирать. Сегодня мой черёд тебя угощать...— Суется, кричит: — Жена, жена, радость-то у нас какая! Поди сюда!

Выбежала хозяйка, ласково, приветливо поздоровалась.

А сиделец шумит, не унимается:

— Живо на стол собирай! Ставь самые хорошие кушанья да вина.

Стол накрыли, всякой снеди нанесли. Старика усадили на самое почётное место.

— Пей, ешь, гость любезный, да сказывай, где побывал, чего повидал! Мы домоседы — нигде не бываем, ничего не знаем. Что на белом свете творится?

Старик угощается да беседу ведёт, а сиделец от сумы глаз отвести не может, подливает гостю вина:

— Отведай вот этого ещё, не обижай отказом!.. Кланяйся, жена, потчуй гостя дорогого!

Смекнул старик: «Не иначе как к суме сиделец подбирается». Сам пьёт-ест, усмехается.

Пировали-столовали, сиделец не утерпел и спрашивает:

— Скажи, гостенёк любезный, что у тебя в этой суме — поди, опять какая-нибудь диковинка?

Отвечает старик:

— Это не сума, а из чудес чудо. Только встряхнёшь её да скажешь: «Двое из сумы!» — как появятся чародеи и всё, что пожелаешь, сделают для тебя. Вот какая это диковинка!

Слушает сиделец старика, умильно на него поглядывает, а сам думает: «Ну, не я буду, коли этой сумой не завладею!»

Попировали, поужинали, повели гостя в дальний покой, уложили на мягкую перину:

— Спи, отдыхай!

А сидельцу не спится. Добыл он точь-в-точь такую же по виду суму и, как уснули все в доме, пробрался в гостев покой, повесил на гвоздь свою суму, а старикову унёс в свою горницу.

Разбудил жену:

— Погляди, что я принёс. Теперь все мои желания исполнятся. Перво-наперво пусть чародеи поставят дворец краше царского да имение большое дадут, и станем мы барами жить-поживать!

Встряхнул суму и крикнул:

— Двое из сумы!

Выскочили из сумы два молодца с дубинками и принялись сидельца с женой потчевать, только дубинки посвистывают.

Хозяин с хозяйкой кричать боятся, а молодцы из сумы бьют-колотят.

Невмочь стало терпеть, стал сиделец просить-молить:

— Смилуйтесь, добрые молодцы, пощадите нас! Пригоршни денег насыплю!..

А Двое из сумы знай молотят сидельца с женой, будто горох на току.

Бьётся хозяйка, плачет. И сиделец закричал благим матом:

— Караул! Спасайте!..

Старик услышал крик да шум — лежит посмеивается. А сиделец безутешно кричит-надрывается:

— Караул! Убивают! Спасайте!..

«Ну, теперь пора идти, а то забьют Двое из сумы вора насмерть».

Пришёл, а сиделец с женой уже в лёжку лежат, ойкают.

Взмолились:

— Уйми, добрый человек, своих драчунов, не оставь сиротать наших детушек!

— Отдайте мою скатерть-самобранку да кошелёк-самотряс!

— Что ты, гость дорогой, где мы возьмём скатерть-самобранку да кошелёк-самотряс? Век у нас таких диковинок не бывало!

— А как тут моя сума оказалась? Знай, не отдашь моих диковинок, забьют вас насмерть!

Тут хозяйке невоготу стало, закричала она:

— Да повинись ты, муженёк! Своя жизнь дороже скатерти да кошелька, пропади они пропадом!

И сидельцу, видно, невтерпёж пришло:

— Уйми молодцов — верну тебе и скатерть-самобранку и кошелёк-самотряс да ещё и лошадь с санями в придачу дам, только не губи нас!

Старик только того и ждал:

— Двое в суму!

Скрылись молодцы с дубинками, а сиделец с женой лежат стонут:

— Ох, тошнёшенько, косточки живой не оставили, совсем изувечили! Кто нас кормить-поить станет? Хоть бы ты, добрый человек, пожалел нас — дал нам скатерть-самобранку либо кошелёк-самотряс!

Рассердился старик:

— Мало вас поучили, видно! Живо подавайте скатерть да кошелёк, а то кликну молодцев из сумы!

Сиделец медлить не стал, вынул из сундука скатерть да кошелёк:

— Бери, бери, нам твоего не надо!

Старик встряхнул скатерть, развернул и молвил:

— Попить, поесть!

Появились тотчас кушанья всякие, напитки разные. Свернул скатерть, спрятал за пазуху:

— Моя.

Тряхнул раз, другой кошельком — посыпалось серебро да золото.

— И кошелёк мой!

Спрятал кошелёк, взял суму:

— Запрягай, хозяин, коня, мне ехать пора.

Сиделец велел работнику коня запрячь и вышел на двор старика проводить, а сам всё охает да стонет.

Старик сел в сани:

— Прощай, хозяин! Урока не забывай и впредь на чужое не зарься!

И уехал. Едет да посмеивается:

«Надо и старуху немножко поучить, припугнуть, поедом меня ест».

Подкатил к дому:

— Тпррру!

Выбежала старуха на крыльцо, увидала старика и ну ругаться:

— Всё лето красное да осень проштался, на зиму домой явился! Кто тут про тебя хлеб припас?

— Поди, старуха, в избу, не мёрзни!

Вошли в избу. Старуха не унимается, ещё пуще бранится.

Тут старик встряхнул суму да как крикнет:

— Двое из сумы!

Выскочили два молодца с дубинками: кого надо уму-разуму поучить?

Испугалась старуха:

— Ох, старичок, не тронь меня, пожалей! Век тебе слóва поперёк не скажу!

— Ну вот, давно бы так,— сказал старик и крикнул: — Двое в суму!

Скрылись молодцы с дубинками, а старик встряхнул, развернул скатерть и говорит:

— Попить, поесть!

И откуда что взялось. Наставилось на стол разных кушаньев да напитков всяких...

Глядит старуха и глазам не верит.

А старик зовёт:

— Садись, пей, ешь, чего только душа пожелает! Это всё наше.

Напоил, накормил старуху, потом взял в руки кошелёк-самотряс:

— Гляди!

Встряхнул кошелёк раз, другой — и посыпалось серебро да золото, золото да серебро...

— И это всё наше!

Обрадовалась старуха, а старик рассказал ей, как

эти диковины достал, и как сиделец два раза его обкрадывал, и как он заставил сидельца отдать ему скатерть-самобранку да кошелёк-самотряс.

— Ну ничего, старичок, что было, то прошло, пусть быльём порастёт, а у нас с тобой теперь всего вдоволь: и самим есть что попить-поесть, и добрых людей употчевать хватит.

Стали с тех пор старик да старуха жить да быть припеваючи. И кто из соседей нужду терпит, всем помощь оказывают. И ото всех им почёт да уважение.

В ту самую пору и воротился в имение откуда-то из-за моря барин. Проведал он, что старик со старухой живут в достатке, велел позвать к себе. Пришёл старик.

Барин спрашивает:

— Был ты самый что ни есть последний бедняк, а теперь самым справным хозяином стал. Сказывай всё без утайки, откуда что взялось!

Рассказал ему старик всё начистоту, а барин ему в ответ:

— Ни в жизнь не поверю в эти рассказы, покуда своими глазами не увижу.

— Так за чем дело стало! — старик говорит. — Пожалуй ко мне, и я тебе покажу и скатерть-самобранку и кошелёк-самотряс.

Барин велел тройку лошадей заложить в карету. Посадил старика с кучером на козлы и сам сел:

— Пошёл! А ты, мужик, показывай дорогу.

Приехали. Привёл старик барина в горницу, усадил в красный угол. Старуха принесла скатерть-самобранку:

— Гляди, барин!

Старик встряхнул скатерть, развернул и молвил:

— Попить, поесть!

Уставился стол всякими кушаньями, разносолами да напитками.

— Отведай, твоя милость, нашего хлеба-соли, буде не побрезгуешь! — потчуют старик со старухой.

Барин того попробовал да другого — приятно, сладко, лучше не надо. Напился, наелся до отвала, захмелел.

— Ну, про скатерть-самобранку ты говорил правду. Покажи теперь кошелёк-самотряс!

Принёс старик кошелёк. Раз, другой потрянул — и посыпалось из кошелька серебро да золото, золото да серебро. У барина глаза разгорелись. Глядит на деньги — не наглядится. Потом говорит:

— И про кошелёк-самотряс твоя правда. А теперь слушай мою правду: живо заверни эту скатерть-самобранку да кошелёк-самотряс в новую холстину и неси за мной в мою карету.

— Смилуйся, сударь! — просят старик со старухой. — Как же так? Ведь эти диковинки ветер Полночник нам дал, а не тебе.

Барин ногой топнул:

— Молчать! Ваше ли холопское дело мне перечить? Вы оба мои, и всё, что есть у вас, тоже моё. Поняли?

— Как не понять! — говорит старик. — Всё как есть поняли.

— А поняли, так поторапливайтесь — я ждать не стану!

— Принеси, старуха, поскорее мою новую суму. Видишь, барин торопится... Извини, сударь, не случилось у нас дома новой холстины.

Старуха принесла суму, а барин торопит:

— Поскорее укладывайте!

— Сейчас, сейчас, барин!..— Старик встряхнул суму и крикнул:— Двое из сумы!

Выскочили два дюжих молодца с дубинами.

— Угостите барина покрепче, чтобы век помнил!

Принялись молодцы барина дубинами охаживать. Он сперва отмахивался да ругался, потом как закричит:

— Эй, кучер, ступай на выручку!

Кучер прибежал. Раз-другой попало и ему дубиной. Видит он: худо дело — и боком, боком да и наутёк.

А Двое из сумы своё дело делают: бьют, колотят, только дубины посвистывают.

— Ох, мужичок,— закричал барин,— выпусти меня, покуда насмерть не забили! Ведь тебе придётся в ответе быть!

— Обо мне, барин, не печалься,— старик отвечает,— мне всё равно: семь бед — один ответ, а без тебя хоть людям полегче станет, и то хорошо!

Тут барин на колени упал.

— Прости, мужичок! Зарок даю: никогда на чужое добро посягать не стану!

— Ну нет, барин, не из того теста ты слеплен, чтобы на чужое не зариться. Уж коли повадилась собака жернова лизать, так век ей не отстать. Вот буде напишешь нам, всем мужикам твоим, вольную да откажешься от имения и уедешь совсем от нас, так и быть — живым оставлю. А не то тебе одна отсюда дорога — на погост.

А молодцы знай бьют, колотят, своё дело правят.

Не утерпел барин — закричал:

— Ох, я на всё согласен! Давай скорее перо да

чернила и бумага принеси! Всё, как ты говоришь, напишу, только живого отпусти!

Принёс старик перо, чернила да бумагу и велел Двум из сумы обождать. Барин написал всем своим мужикам вольную и имение отписал мужикам.

Старик бумагу прочитал: «Всё правильно!» — и крикнул:

— Двое в суму!

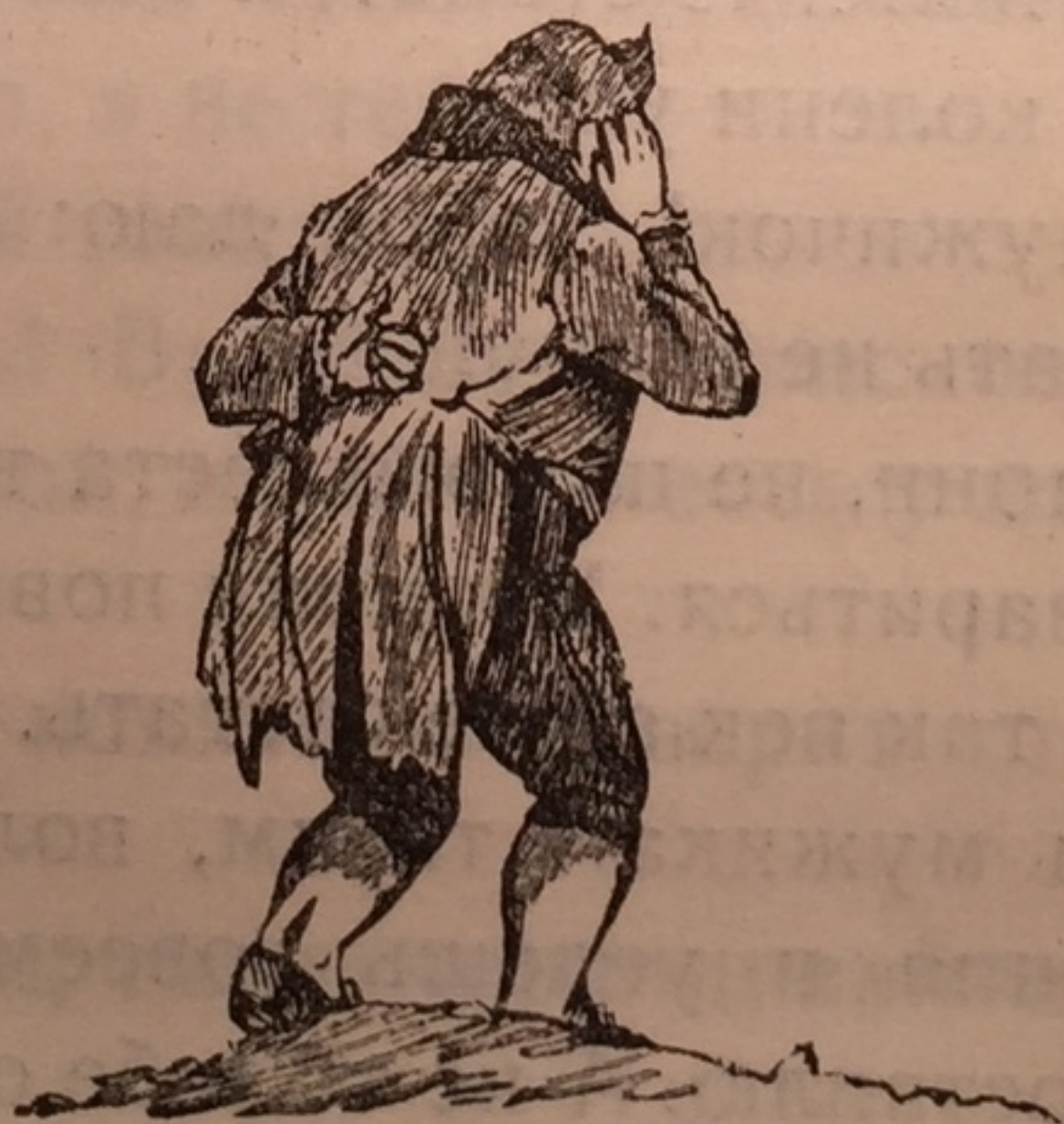
Скрылись молодцы, а барин насилу поплёлся из избы и говорит:

— Завтра уеду отсюда навеки, а ты, мужичок, никому не говори, что меня тут побили.

На другой день барин уехал.

Мужики землю взяли и стали жить-поживать да старика хвалить. И до сих пор живут-поживают, никакой беды не знают, и год от году всё лучше да богаче.

Тут и сказке конец, а кто слушал, молодец.

БЕЗЗАБОТНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Жили в одном монастыре триста монахов да игумен. Монастырь был богатый, доходов много. И живут монахи припеваючи. Пьют, едят сладко, спят долго, а работы нет никакой.

Прослышал про беззаботное монастырское житьё царь Пётр Великий и задумался: «Как так? Весь наш народ и сам я всё в трудах да в заботах, отдохнуть некогда. Ни днём, ни ночью покоя нет, а тут триста человек живут, как сыр в масле катаются. Пьют, едят сладко, спят долго. Ни заботы, ни работы не знают. Совсем ожирели на лёгких хлебах».

И послал царь в тот монастырь гонца:

— Поезжай, скажи игумену: приказал-де царь сосчитать звёзды на небе и узнать, глубока ли земля, да пусть тот игумен узнает, о чём я думаю, что у меня, у царя, на уме. Сроку дай три дня. На четвёртый день пусть сам игумен с ответом ко мне придёт. Коли не исполнит приказания, всех монахов и самого игумена велю на работу отправить, а монастырь закрыть.

Получил игумен беззаботного монастыря царский приказ и затужил, запечалился:

— Ох, беда пришла неминуемая!

И рассказал монахам всё как есть. Монахи головы повесили. Думали, думали, ничего придумать не могли.

А в ту пору зашёл в монастырь отставной солдат и спрашивает:

— Чего, старцы, горюете? Жили всегда без нужды, без печали, а теперь головы повесили.

Монахи ему отвечают:

— Ох, солдат, не знаешь нашего горя великого! Велел царь три загадки отгадать и через три дня игумену с ответом во дворец прийти.

— Какие такие загадки царь загадал?— спрашивает солдат.

— Надо сосчитать, сколько есть звёзд на небе, узнать, глубока ли земля, и сказать, что у царя на уме, о чём он думает.

Выслушал солдат и говорит:

— Знал бы я, как царю ответ держать, как бы был на вашем месте.

Монахи побежали к игумену:

— Вот солдат берётся загадки отгадать и царю ответ дать.

Просит игумен солдата:

— Бери, служивый, чего хочешь, только пособи
нашему горю, научи, как царю отвечать!

А солдат и говорит:

— Ничего мне не надо. Давай твою одежду, я вме-
сто тебя к царю пойду.

Обрадовался игумен, и все монахи повеселели:

— Ну, слава богу, та беда миновала! Как гора с
плеч долой!

Стали солдата угощать:

— Пей, ешь, чего только душа пожелает.

И сами себя не забывали — так наугощались, что
сутки после отлёживались. А тут пришла пора и к
царю идти. Переоделся солдат в игуменскую одежду и
пошёл во дворец.

Спрашивает царь:

— Ну как, отгадал ли мои загадки?

— Отгадал, ваше царское величество.

— Сколько звёзд насчитал на небе? — спраши-
вает царь.

— Семьсот сорок две тысячи четыреста восемьде-
сят девять звёзд.

— Правду говоришь?

— Я, царское величество, сосчитал правильно, а
коли не веришь, сосчитай сам, проверь.

Царь усмехнулся и спрашивает:

— Ну ладно. А велика ли земная глубина?

— Земная глубина крепко велика.

— А ты как узнал?

— Да вот, мой батюшка ушёл в землю — скоро
будет тридцать лет и до сей поры назад не воротил-
ся — значит, крепко велика земная глубина.

— Ну, а теперь скажи, — спрашивает царь, — о
чём я думаю? Что у меня, у царя, на уме?

— Ты, царское величество, сейчас думаешь: «Молодец игумен — сумел он мне ответ дать!»

Царь похвалил его:

— Правда твоя! Молодец игумен, все мои загадки отгадал!

А солдат говорит:

— Вот тут-то ты и дал маху, ваше царское величество.

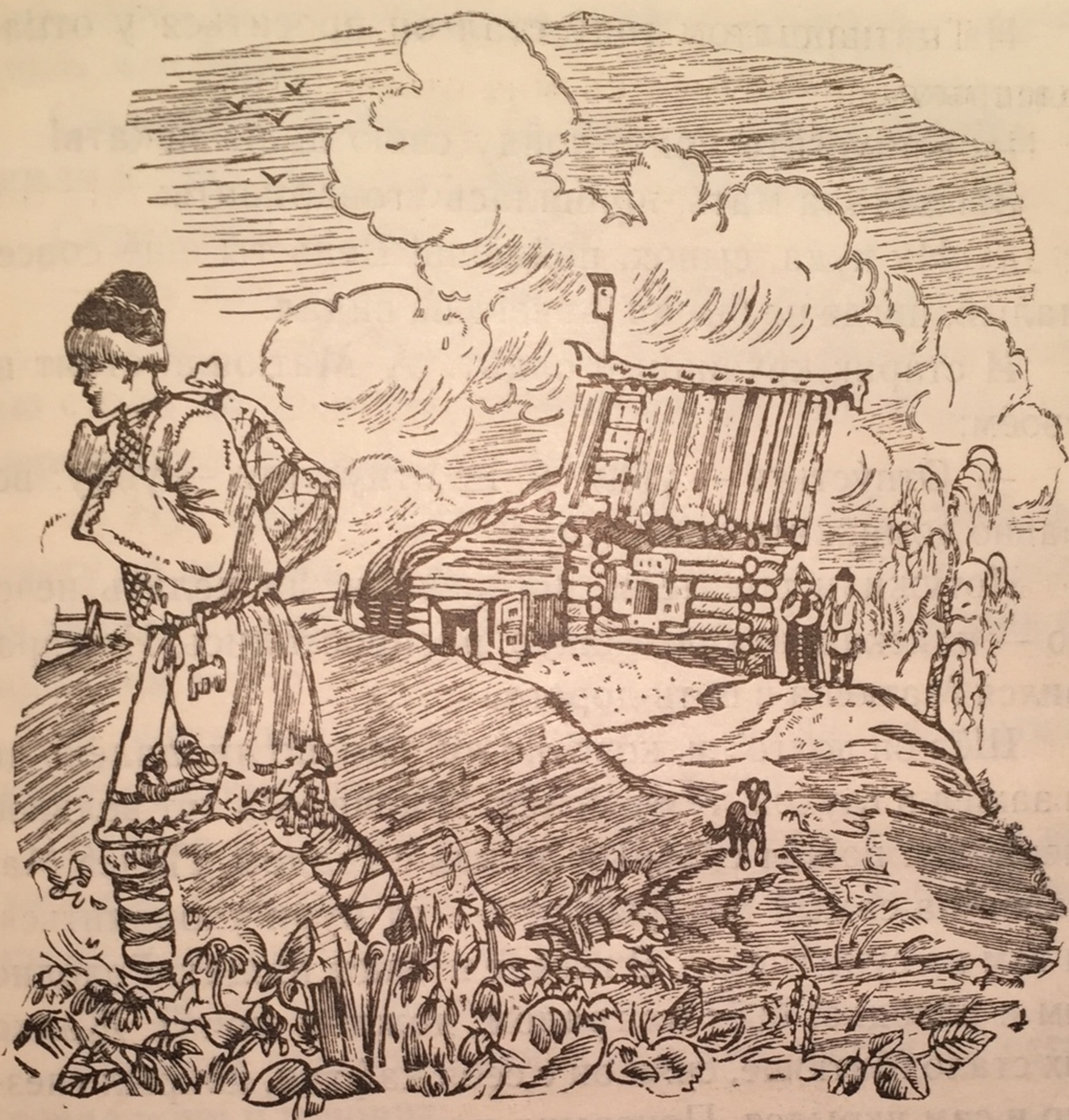
— Как так? — спрашивает царь.

— Да так: принял ты меня, своего отставного солдата, за игумена.

Удивился царь, стал спрашивать и узнал, кто ему загадки отгадал. Солдат всю правду рассказал. Царь посмеялся и велел солдата наградить, а игумена да монахов приказал на работу послать.

В
ровном
ли-бы
Матю
Рос
опаре
рался.

МАТЮША ПЕПЕЛЬНОЙ

В некотором царстве, в некотором государстве, на ровном месте, как на бороне, от дороги в стороне, жили-были старик со старухой. У них был сын по имени Матюша.

Рос парень не по дням, а по часам, будто тесто на опаре поднимался, а пуще того — ума-разума набирался.

На пятнадцатом году стал он проситься у отца с матерью:

— Отпустите меня, пойду свою долю искать!

Заплакала мать, принялась уговаривать:

— Ну куда, сынок, пойдёшь! Ведь ты ещё совсем малый, нигде не бывал, ничего не видал.

И старик кручинный сидит. А Матюша стоит на своём:

— Отпúстите — уйду и не отпúстите — уйду: всё равно дома жить не у чего.

Потужили родители, погоревали, да делать нечего — напекли подорожников, распростились. И отправился Матюша в путь-дорогу.

Шёл он долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли и зашёл в глухой, тёмный лес. И началось тут великое ненастье: пошёл сильный дождь с градом. Полез Матюша на самый матёрый дуб — от бури ухорониться, а там на суку гнездо. В гнезде птенцы пищат. Голодно им и холодно; бьёт их градом, дождём мочит. Жалко их стало Матюше, снял он с себя кафтан, покрыл гнездо и сам укрылся. Покормил птенцов из своих дорожных запасов.

Много ли, мало ли прошло времени — унялась буря-непогода. Показалось солнышко — и вдруг опять всё кругом потемнело, шум пошёл. Налетела большая птица Магай и стала бить, клевать Матюшу.

Заговорили птенцы:

— Не тронь, мать, этого человека! Он нас своим кафтаном укрыл, накормил и от смерти спас.

— Коли так, — молвила птица Магай, — прости меня, добрый молодец, я тебя за лиходея приняла. А за то, что моих детей накормил да от ненастья укрыл, я тебе добром отплачу. Возле дуба кувшин за-

рыт, отпей из того кувшина ровно три глотка — и увидишь, что будет.

Спустился Матюша наземь, выкопал кувшин из земли и отпил из него ровно три глотка.

Спрашивает птица Магай:

— Ну как, чувствуешь ли в себе перемену?

— Чую в себе такую силу, что кабы вкопать в землю столб до небес да ухватиться за тот столб, так перевернул бы землю-матушку.

— Ну, теперь ступай да помни: силой своей попусту не хвались, ни от какой работы не бегай, а если беда приключится, кувшин с целебным питьём ищи на прежнем месте.

И опять потемнело всё кругом: расправила птица крылья, поднялась над лесом и улетела.

Вышел Матюша из лесу. И в скором времени показался на пути большой город. Только миновал заставу, как навстречу царский дворецкий:

— Эй ты, деревенщина, посторонись!

Матюша посторонился, а царский дворецкий остановил коня и говорит:

— Что, молодец, дело пытаешь или от дела лытаешь? Коли дела ищешь, пойдём. Я тебя в работу определяю — будешь на царский двор воду возить.

Стал Матюша царским водовозом. От утренней зари до позднего вечера воду возит, а ночевать ему негде: всё царской дворней занято. Нашёл себе место для ночлега на заднем дворе, куда всякий мусор да печную золу — пепел — сваливали. И прозвали его на царском дворе Матюша Пепельной.

Царь был неженатый и всё искал невесту: та не по нраву, другая нехороша, — так и ходил холостой. А тут дошла молва: за тридевять земель, в тридеся-

том царстве есть у царя Вахрамея дочь-богатырка — такая красавица, что лучше на всём свете не сыскать.

Ездили в Вахрамеево царство свататься и цари и королевичи, да назад никто не воротился: все там сложили головы.

Узнал царь про заморскую царевну и думает: «Вот как ту царевну высватаю, станут мне все цари, короли завидовать. Пойдёт слава по всем землям, по всем городам, что краше моей царицы никого на свете нет».

И тут же приказал корабль снарядить. А сам созвал князей да бояр и спрашивает:

— Есть ли охотники ехать за тридевять земель, в тридесятое царство сватать за меня Настасью Вахрамеевну?

Тут большой хоронится за среднего, а средний — за меньшого, а от меньшого и ответа нет.

На другой день созвал царь боярских детей и именитых купцов и опять спрашивает:

— Кто из вас поедет за тридевять земель, в тридесятое государство сватать за меня Настасью Вахрамеевну?

И опять большой хоронится за среднего, средний — за меньшого, а от меньшого и ответа нет.

На третий день кликнули на царский двор всех посадских людей. Вышел царь на красное крыльцо и говорит:

— Кто из вас, ребятушки, поедет за тридевять земель, в тридесятое государство сватать за меня богатырку Настасью Вахрамеевну?

Выискались тут охотники ехать в заморские края — не хватает только одного человека. А в ту пору ехал мимо Матюша с водой.

Крикнул царь:

— Эй, Матюша Пепельной, поедem с нами за море сватать за меня богатырку Настасью Вахрамеевну!

Отвечает Матюша:

— Не по себе ты, царское величество, надумал дерево рубить, как бы после каяться не стал!

Рассердился царь:

— Не тебе меня учить! Твоё холопское дело — меня слушаться.

Ничего больше не сказал Матюша Пепельной и пошёл на корабль.

Скоро собрались все охотники — и отвалило судно от пристани.

Плывут они день и другой. Погода выдалась ясная, тёплая.

Вышел царь на палубу, довольный, весёлый:

— Эх, божья благодать! Как бы конь — мне гулять; как бы лук — мне стрелять; как бы меч — стал бы сечь; как бы красную девицу мне поцеловать!

А Матюша Пепельной ему говорит:

— Будет лук, да не для твоих рук; будет меч, да не тебе им сечь; будет добрый конь, да не тебе на нём ездить; будет и красная девица, да не тебе ею владеть!

Разгневался царь за такие речи пуще прежнего. Велел он Матюше Пепельному руки, ноги сковать да к мачте привязать.

— А воротимся домой после свадьбы — велю голову отрубить!

Прошло ещё шесть недель — и приплыл корабль к Вахрамееву царству. Завели судно в гавань, а на другой день отправился царь к Вахрамею во дворец:

— Ваше величество, я царь из такого-то славного

государства и прибыл к тебе по доброму делу: хочу высватать Настасью Вахрамеевну.

— Вот и хорошо! — промолвил царь Вахрамей. — Давно у нас женихов не было, заскучала наша Настасья Вахрамеевна. Только, чур, уговор дороже всего. Дочь у меня сильная, могучая богатырка; коли ты богатырь и сильнее её, исполни три задачи и веди царевну под венец, а нет — не прогневайся: мой меч — твоя голова с плеч. Ступай теперь отдыхай, а завтра чуть свет приходи со всей своей дружиной. Дам тебе первую задачу. Есть у меня в саду дуб, триста годов ращён, и дам тебе меч-кладенец весом в сто пудов. Коли перерубишь с одного удара тот дуб моим мечом, станем тебя женихом почитать.

Воротился царь-жених на свой корабль туча тучей.

Спрашивают дружинники:

— Что, царь-государь, не весел, буйную голову повесил?

— Да как тут, ребяташки, не кручиниться? Велено мне завтра стопудовым мечом самый что ни есть матёрый дуб с одного раза перерубить. Совсем напрасно этакую даль ехали — и поближе бы невеста нашлась не хуже здешней. Надо якоря катать да с ночной водой прочь идти.

— Нет, — говорит Матюша Пепельной, — негоже нам воровски, ночью, уходить, себя позорить. Я ещё на море сказал: «Будет меч, да не тебе им сечь». Вот и вышло по-моему. Ну да ладно, утро вечера мудренее. Ложись, ваше величество, спать, а как придём завтра к царю Вахрамею, ты скажи: «Таким ребячьим мечом пусть кто-нибудь из моих слуг потешится, а мне и приниматься нечего».

Услышал эти речи царь-жених и обрадовался:

— Ну, Матюша Пепельной, если вызволишь из беды, век твоё добро помнить буду!.. Эй, дружина, отвяжите Матюшу Пепельного от мачты, снимите с него железо да выдайте ему чарку водки!

А сам ходит гоголем:

— Хорошее здесь царство! И сам Вахрамей хоть не в мою статью, а тестем назвать можно.

На другой день пришли сваты к царю Вахрамею, а там уже собрался весь народ, и Настасья Вахрамеевна в тереме у окна сидит. Увидал её Матюша Пепельной, и так ему стало хорошо да весело, будто летним солнышком обогрело.

Повели их к могучему дубу, и три богатыря меч несут.

Поглядел царь-жених на меч и усмехнулся:

— У нас такими-то мечами только малые ребята тешатся. Пусть-ко кто-нибудь из моих слуг побалуется, а мне не к лицу и приниматься.

Тут вышел Матюша Пепельной, взял меч одной рукой:

— Да, не для царской руки игрушка!

Размахнулся и разбил дуб в мелкие щепочки, а от меча только рукоятка осталась.

Взглянула царица на Матюшу Пепельного и зарделась-зарумянилась, будто маков цвет.

Тут царь-жених совсем осмелел:

— Кабы не родню заводить приехал сюда, за насмешку бы посчитал такой ребячий меч!

— Вижу, вижу,— говорит царь Вахрамей.— С первой задачей управились. Завтра поглядим, умеет ли жених стрелять! Есть у меня лук весом в триста пудов, а стрелы по пяти пудов. Надо из того лука выстрелить и сбить одну маковку со старого терема в

царстве моего шурина Берендея. Я сегодня туда гонцов пошлю, а завтра к вечеру они воротятся и скажут, метко ли ты стреляешь.

Замолчал царь-жених, пригорюнился. Воротился на корабль сам не свой:

— Право слово, кабы знал дорогу домой да умел судом править, часу бы не остался! Вели-ко, капитан, якоря катать, нечего тут делать нам. И царство невестное, и в невесте завидного ничего нет — пойдём прочь.

— Нет, ваше величество, — говорит Матюша, — не честь нам, а бесчестье — тайком убегать.

— Да что станешь делать! Слышал ты, какую задачу дал царь Вахрамей? Ну их и с луком и с невестой!

— А помнишь, я тебе сказал: «Будет лук, да не для твоих рук»? Так оно и вышло. Не надо было выше рук дерево ломать. Не послушался меня — теперь деваться некуда... А о луке ты не печалься. Завтра, как придём, скажи: «Я думал, у вас богатырский лук, а тут бабья забава. Может, кто из моих слуг не побрезгует, а мне в том чести мало!»

— Ох, Матвеюшка Пепельной, неужто ты можешь с таким луком совладать?

— Как-нибудь да справлюсь, — Матюша отвечает. Развеселился царь:

— Дайте-ка поскорее всей команде по чарке вина, а Матюше Пепельному две чарки ставлю!

Выпил и сам на радости и захмелел:

— Ах, и до чего же хороша невеста! Всем взяла: и ростом, и дородством, и угожеством. Вот женюсь, и краше царицы, чем моя Настасья Вахрамеевна, на всём свете ни у кого не будет! А тебе, Матюша

Пепельной, отпишу во владение город с пригородками.

Слушает Матюша хмельную речь, усмехается.

Наутро все опять отправились к Вахрамею во дворец. А там народу полным-полно. На красном крыльце сидят царь Вахрамей да Настасья Вахрамеевна, на ступеньках пониже — князя да бояре.

Девять богатырей лук несут, а три богатыря — колчан со стрелами.

Встречает сватов царь Вахрамей:

— Ну, наречённый зatyшка, принимайся за дело!

Поглядел жених на лук и говорит:

— Да что вы надо мной насмехаетесь! Вчера ребячий меч принесли, сегодня — какой-то лучишко, бабам для забавы, а не богатырю стрелять. Пусть уж кто-нибудь из моих слуг, кто послабее, выстрелит, а мне и глядеть-то противно. Поди-ко хоть ты, Матюша Пепельной, потешь народ.

Натянул Матюша Пепельной тетиву, прицелился и спустил стрелу. Запела тетива, загудела стрела, будто гром загремел, и скрылась из виду.

— Уберите-ко этот лучишко с глаз долой: эта забава не для нашего царя.

И кинул лук на каменный настил, да так, что от него только куски полетели в разные стороны.

Настасья Вахрамеевна руками всплеснула и ахнула.

Зашумел народ:

— Вот так сваты-молодцы! Эдаких ещё у нас не бывало!

А царь-жених похаживает, бороду разглаживает, на всех свысока поглядывает:

— Эко ли чудо, эко ли диво тот ребячий лук!

Царство у вас хоть и весёлое, да уж больно маленькое, и народ, видать, хороший, приветливый, только жидковат против нашего.

Тут царь Вахрамей всех сватов во дворец позвал:

— Проходите, сватушки, в горницу хлеба-соли отведать, а той порой, глядишь, и гонцы из Берендеева царства воротятся.

Столованье ещё не кончилось, как прискакали от Берендея гонцы:

— Попала стрела прямо в старый терем и сшибла весь шатровый верх, а из людей никому урону нет.

Говорит царь Вахрамей:

— Ну вот, теперь вижу, есть у Настасьи Вахрамеевны сваты в ровню ей: и мечом богатырским умеют сечь и стрелять горазды. Спасибо, утешили невесту, и меня, старика, и весь народ мой. А теперь не обессудьте, гости дорогие, за угощение: то не свадебный пир, а пирушка — свадебный пир ещё весь впереди. Ступайте сегодня отдыхать, а завтра последнюю задачу надо исполнить. Есть у меня конь. Стоит на конюшне за двенадцатью дверями, за двенадцатью замками. И нет тому коню наездника. Кто ни пробовал ездить, никого в живых конь не оставил. Вот надо того коня объездить — тогда будет на ком жениху под венец ехать.

Услышал Вахрамеевы речи царь-жених и сразу притих, стал прощаться:

— Спасибо, ваше величество, за угощение! Надо нам торопиться, засветло на корабль попадать.

— Отдыхай, отдыхай, набирайся сил — эдакого чёртушку надо будет усмирять! — сказал царь Вахрамей.

Спустились гости в гавань, и, только отвалили от берега, заговорил царь-жених:

— Поторапливайтесь, ребяташки, гребите дружнее! Поскорее надо на судно попасть да ночью прочь уходить. Вахрамей мягко стелет, да жёстко спать: что ни день, то новая беда. Понадобилось ему бешеного коня объезжать!

А Матюша Пепельной ему:

— Помнишь ли, ваше величество, как я тебе говорил: «Будет добрый конь, да не тебе на нём ездить»? Опять по-моему выходит. А убегать из-за этого не надобно. Завтра ты скажи: «Сядь-ка, Матюша Пепельной, попытай коня, сдержит ли богатыря» — и после меня уж сам спокойно садись.

— Ну, а как он, такой зверь, да убьёт тебя? Тогда ведь и мне смерти не миновать.

— Не бойся ничего — я коня усмирю.

— Ну, Матюша Пепельной, век твоих услуг не забуду! Был ты водовозом, а теперь тебя жалую царским воеводой. Отпишу тебе три города с пригородками, три торговых села с присёлками.

А сам по палубе щепетко ходит¹, покрикивает:

— Чего, дружинушка, приумолкла? Жалую всем по три чарки вина!

Выпил царь чару-другую, порасхвастался:

— Много к Вахрамею приезжало женишков, да никому такого почёту не было, как мне! Сказано: кто смел да удал — тому и удача. Недаром Настасья Вахрамеевна глаз не отводила, всё глядела на меня. А царь Вахрамей рад всё царство отдать, лишь бы я на попятную не пошёл.

¹ Щёпетко ходит — ходит мелкими шажками, красуясь.

Тут он совсем захмелел и повалился спать.

Утром Матюша Пепельной встал раненько, умылся беленько, будит царя:

— Вставай, ваше величество, пора идти, коня объезжать.

И скоро пошли на царский двор.

На красном крыльце сидят царь Вахрамей да Настасья Вахрамеевна, а пониже, на ступеньках, подколennые князья да ближние бояре.

— Пожалуйте, гости дорогие, у нас всё готово! Сейчас коня приведут.

И ведут коня двадцать четыре богатыря, вместо поводов — двенадцать толстых цепей. Богатыри из последних сил выбиваются.

Оглядел царь-жених коня и кричит:

— А ну-ка, Матюша Пепельной, попробуй, можно ли богатырю ехать?

Изловчился Матюша Пепельной, вскочил на коня. Едва успели отбежать богатыри, как взвился конь выше царских теремов и укатился добрый молодец с царского двора. Выехал на морской берег, пустил коня в зыбучие пески, а сам бьёт его цепями по крутым бёдрам, рассекает мясо до кости. И до тех пор бил, пока конь на коленки не упал.

— Что, волчья сыть, травяной мешок, ещё ли будешь супротивиться?

Взмолился конь:

— Ох, добрый молодец, не бей, не калечь! Из твоей воли не выйду!

Повернул Матюша Пепельной коня и говорит:

— Воротимся на царский двор, оседлаю тебя, и, как сядет верхом царь-жених, ты по щётки в землю проваливайся; а плетью ударит — на коленки пади.

Пади так, будто на тебе ноша триста пудов. Будешь самовольничать — насмерть убью, воронам скормлю!

— Всё исполню, как ты сказал.

Приехал Матюша Пепельной на царский двор, а царь-жених спрашивает:

— Повезёт ли конь богатыря?

— Подо мною дюжит, а как под тобой пойдёт, не знаю.

— Ладно, седлайте поскорее, сам испытаю!

Оседлали коня, и только царь-жених вскочил в седло, как конь по щётки в землю ушёл.

— Хоть не дюже, а держится подо мной.

Хлестнул плетью легонько — конь на коленки пал.

Царь Вахрамей с Настасьей Вахрамеевной и князя с боярами дивятся:

— Этакой силы ещё не видано!

А царь-жених слез с коня:

— Нет, Матюша Пепельной, не богатырям на эдаких одрах ездить: на таких клячах только воду возить. Уберите его с глаз долой, а то выкину в поле — пусть сороки да вороны пообедают!

Велел царь Вахрамей коня увести и стал прощаться.

Тут царь-жених спрашивает:

— Ну, ваше величество, мы все твои службы справили, пора свечку зажигать да дело кончать.

— Моё слово нерушимое, — ответил царь Вахрамей.

И приказал дочери к свадьбе готовиться.

В царском житье ни пива варить, ни вина курить — у царя Вахрамея всего вдоволь.

Принялись весёлым пирком да за свадебку.

Повенчали царя с Настасьей Вахрамеевной, и пошло столованье, весёлый пир.

Сидит Настасья Вахрамеевна за свадебным столом: «Дай-ка ещё раз у мужа силу попытаю».

Сжала ему руку легонько, вполсилы. Не выдержал царь: кинулась кровь в лицо и глаза под лоб закатил. Подумала царевна: «Ах, вот ты какой богатырь могучий! Славно же удалось меня, девушку, обманом высватать, да и батюшку обманул!»

Виду не показывает, вина подливает, потчует:

— Кушай, царь-государь, мой муж дорогой!

А в мыслях держит: «Погоди, муженёк, даром тебе этот обман не пройдёт!»

День ли, два ли там погуляли, попиrowали, стал прощаться молодой царь:

— Спасибо, тестюшка, за хлеб, за соль, за ласковый приём! Пора нам домой ехать.

Приданое погрузили, распростились, и вышло судно в море.

Плывут они долго ли, коротко ли, вышел царь на палубу, смотрит: спит Матюша Пепельной крепким, богатырским сном. Вспомнил тут царь Матюшины слова: «Будет меч, да не тебе им сечь; будет лук, да не для твоих рук; будет добрый конь, да не тебе на нём ездить; будет и красная девица, да не тебе ею владеть» — и крепко разгневался:

«Где это слыхано, чтобы холоп так с царём говорил!»

Запала ему на сердце дума чёрная. Выхватил меч, отрубил сонному слуге ноги по колен и столкнул его в море.

Подхватил Матюша Пепельной ноги в руки — надобно как-нибудь к берегу прибиваться. Плыл он,

плыл долго ли, коротко ли, совсем из сил выбиваться стал. А в ту пору подняла его волна и выкинула на берег. Отдохнул малое время и вспомнил про птицу Магая: «Ну, не век тут лежать! Хоть катком покачусь, а достигну того места, где кувшин с целебным питьём закопан».

Вдруг видит: идёт к берегу человек, на каждом шагу спотыкается.

Крикнул Матюша Пепельной:

— Куда идёшь? Не видишь разве, что впереди вода?

— То-то есть, что тёмный я — не вижу пути.

— Ну, тогда ступай — попадай на мой голос.

— А ты кто таков и чего тут делаешь?

— Я лежу, ходить не могу: у меня ноги по колен отрублены.

Подошёл слепой поближе и говорит:

— Коли ты зрячий, садись ко мне в котомку — я тебя понесу, а ты путь указывай.

Посадил слепой Матюшу Пепельного в свою котомку:

— Слышал я от старых людей: есть где-то живая вода. Вот бы нам с тобой найти! Ты бы той водой ноги исцелил, а я бы глаза помазал и свет увидал.

— Знаю, где целебное питьё есть. Неси меня, а я путь стану указывать.

Вот они идут и идут. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, а слепой с безногим вперёд подвигаются. Устанут идти, отдохнут, ягод да грибов поедят, а иной раз и дичиной разживутся — и опять в путь-дорогу.

Так шли полями широкими, тёмными лесами, через мхи-болота переправлялись и пришли в тот лес,

где Матюша Пепельной в ненастье птенцов обогрел. Подошли к приметному дубу; снял слепой котомку с плеч. Подкатился Матюша Пепельной к дереву и скоро выкопал медный кувшин. Помазал целебным питьём глаза своему названому брату — слепой прозрел. Плачет и смеётся от радости:

— Спасибо, добрый человек, век твоё добро помнить буду!

— Теперь пособи мне ноги прирастить.

Приставили ноги, как надобно быть, прыснули живой водой — приросли ноги.

— Ну, вот оба мы справились, — говорит Матюша Пепельной. — Пойдём теперь проведаем, что творится в нашем царстве. Царь меня за верную службу щедро наградил — сонному ноги по колен отсек да в море кинул. Надо с ним повидаться и за всё его добро отплатить сполна.

Выпили они по глотку целебного питья — и всю усталость как рукой сняло, а сила удвоилась против прежнего.

Вышли из лесу — и скоро показался впереди город. Перед самым городом на царских лугах большое стадо коров пасётся. Подошли поближе — и признал Матюша Пепельной в коровьем пастухе своего прежнего царя.

Спрашивает:

— Чьё это царство?

Заплакал пастух:

— Ох, добрые люди, не знаете вы моего горя! Было это царство моё, и был я раньше царём, а теперь вот коров пасу. Много времени царил неженатым, потом высватал за тридевять земель, в тридесятом царстве, у царя Вахрамея дочь-богатырку, Настасью Вах-

рамеевну. Вызнала она, что нет во мне силы богатырской, и велела мне коров пасти, а сама на царство заступила. Каждый день, как пригоню домой коров, меня бранит, ругает на чём свет стоит и кормит впроголодь.

— А помнишь, я тебе говорил: «Будет и красная девица, да не тебе ею владеть»? Опять, видно, всё-моему вышло.

Тут царь-пастух узнал Матюшу Пепельного и заплакал пуще прежнего:

— Ох, Матвеюшка Пепельной, пособи мне царство воротить! Я тебя за это министром поставлю, а твоему названому брату воеводство пожалую.

— Ласковый ты да и на посулы щедрый, когда беда пристигнет, а забыл, как за мою прежнюю службу меня наградил? Надо бы тебя смерти предать, да не хочется рук марать. Уходи из этого царства, чтобы духу твоего здесь не было! Попадёшься ещё раз мне на глаза — пеняй на себя!

Как услышал царь-пастух такие речи, до смерти перепугался и кинулся наутёк. Только того царя и видели.

А Матюша Пепельной со своим названным братом пришли в город и выпросились у бабушки-задворенки переночевать.

Старуха на Матюшу Пепельного поглядывает:

— Где-то я тебя видала, добрый молодец! Не ты ли раньше на царский двор воду возил?

Признался Матюша Пепельной:

— Я, бабушка.

— Ох ты, дитятко желанное, живой да здоровый воротился! А тут молва прошла, будто нету в живых тебя. Новый водовоз никому ковша не нальёт, а ты

всем бедным да увечным давал воды сколько надобно. За то тебя все жалеют да вспоминают.

Принялась бабушка-задворенка по хозяйству хлопотать. Добрых молодцев напоила, накормила, баню истопила. Намылись гости с дороги, напарились и повалились спать. А бабушка-задворенка пошла на царский двор и сказала:

— Воротился в город Матюша Пепельной.

Дошла та весть и до царских покоев. Наутро царица девку-чернавку послала:

— Позови скорее Матюшу Пепельного!

Пришёл Матюша Пепельной на царский двор. Увидала его Настасья Вахрамеевна. С крутого крылечка скорым-скоро сбегала, за белые руки брала:

— Не тот мой суженый, кто коров пасёт, а тот суженый, кто умел меня высватать! Думала, тебя живого нет. Сказывал постылый царь, будто напился ты пьяный на судне да в море упал. Плакала по тебе, тосковала, а постылого прогнала коров пасти.

Рассказал ей Матюша Пепельной всю правду: как царь ему ноги сонному отрубил да в воду кинул и как они с названным братом живую воду достали.

— А о пастухе и говорить не станем. Теперь его и след простыл. Никогда он не посмеет и на глаза показаться!

Повела его царица в горницу, наставила на стол разных напитков да кушаньев. Потчует гостя:

— Кушай, мил-сердечный друг!

Попил, поел Матюша Пепельной, стал прощаться:

— Надо мне отлучиться — родителей проведать. Велела Настасья Вахрамеевна карету заложить:

— Поезжай, привези поскорее отца с матерью, пусть с нами живут.

Привёз Матюша Пепельной родителей, и тут свадьбу сыграли, пир отпировали.

Матюша Пепельной на царство заступил, а названного брата министром поставил. И стали жить-поживать, добра наживать, а лихо избывать.

УМНЫЙ МУЖИК

В одной деревне жили-были два мужика: один богатый, а другой бедный.

У богатого мужика всего вдоволь, а у бедного — детей много, а всего добра один гусь.

И дошло дело до того, что нечем стало бедняку детей кормить. Что тут станешь делать?

Думал-думал, как быть, чем детей накормить, и надумал:

— Жарь, хозяйка, гуся!

Зажарила хозяйка гуся, поставила на стол, а хлеба нет ни крошки.

Говорит мужик:

— Ну как станем без хлеба есть, надолго ли нам гуся хватит? Лучше отнесу его барину, хлеба у него попрошу.

— Ступай, муженёк, ступай,— говорит жена,— может, хоть полмешка муки даст.

Пришёл мужик к барину:

— Принёс тебе гуська, не побрезгуй принять, а мне хоть немного муки дай — нечем детей кормить.

— Ну ладно,— барин говорит.— Умел ты гуся подарить, сумеешь его разделить промеж нас без обиды. Разделишь без обиды — дам муки, а не сумеешь — выпороть прикажу.

А семья у того барина: сам с женой, два сына да две дочери — всего шестеро.

Попросил мужик нож и стал гуся делить. Сперва отрезал голову, подаёт барину:

— Ты всему дому голова — так вот тебе гусиная голова.

Отрезал гузку, барыне подаёт:

— Тебе дома сидеть, за домом глядеть — вот тебе гузка.

Отрезал лапки, подаёт сыновьям:

— Вот вам по ножке — топтать отцовские дорожки.

А дочерям по крылышку дал:

— Вам с отцом, с матерью не век жить — вырастете, полетите прочь, своё гнездо вить.

Остальное себе взял:

— А я мужик сер да глуп — мне глодать хлуп¹. Засмеялся барин:

¹ Хлуп — птичье туловище.

— Хорошо, мужик, гуся разделил и сам в обиде не остался!

Поднёс стаканчик винца и велел дать два мешка муки бедному мужику.

Услыхал про то богатый мужик, позавидовал бедняку.

Зажарил пять жирных гусей, принёс барину, сам кланяется:

— Не побрезгуй, ваша милость, принять на поклон от меня пять кормленных гусей!

— Спасибо, братец, спасибо! Сумел ты гусей подарить, сумеи свой подарок промеж нас без обиды разделить. Коли разделишь без обиды — награжу, а не сумеешь разделить — велю на конюшне выпороть.

Стоит богатый мужик, прикидывает и так и сяк — никак ему пять гусей между шестью человеками не разделить.

Позвал барин бедняка:

— Можешь ли пять гусей промеж нас без обиды разделить?

— А чего не разделить! — отвечает бедный мужик.

Подаёт одного гуся барину с барыней:

— Вас двое — и вот вам гусь. Теперь вас стало трое.

Другого гуся двум сыновьям подал:

— И вас теперь трое стало.

Третьего подаёт двум дочерям:

— И вас стало трое.

Двух остальных гусей себе взял:

— И нас стало трое. Никому не обидно.

Барин рассмеялся:

— Ну, молодец, мужик! Знал, как надо разделить, и себя не забыл!

Поднёс ему стаканчик винца, велел дать воз муки, а богатого мужика на конюшню послал, велел выпороть.

ные
наво
—
яйца
—
ца н
да н
жере
кони,

КАК БАРИН КОНЕЙ ВЫСИЖИВАЛ

Как-то раз у мужика удались тыквы на диво крупные — каждая по пуду. Повёз он тыквы на базар, а навстречу ему барин на тройке катит.

— Что у тебя на возу, мужик?

— Разве не видишь? Яйца.

— Ну? — удивился барин. — В первый раз такие яйца встречаю. А что с ними делать?

— Как — что? Неужели ты не знаешь, что это яйца не простые, а земляные? Кто умело гнездо совьёт да не поленится сам потрудиться, может высидеть жеребят что ни есть самых лучших статей. Вырастут кони, каких в нашем краю и не видано.

А барин был завистливый. Как услышал мужиковы речи, захотелось ему во что бы то ни стало на таких конях ездить.

Торговаться не стал, купил тыквы и говорит:

— Я, мужичок, за деньгами не постою; сделай милость, высиди мне хоть четверню коней.

— Нет, барин, у меня всё как-то болтуны выходят. Коли мог бы сам высидеть, повёз ли бы эти яйца на базар? Гнездо свить помогу и как высиживать научу, а до дела сам доводи.

— Ладно, ладно, мужичок, дам тебе ещё сто рублей, только гнездо свей да научи, как высиживать.

На том поладили. Воротился барин в усадьбу. А мужик с тыквами уж ждёт его там.

— Ну, веди, где станем гнездо вить,— торопит барин.

— Ты перво-наперво закажи, чтобы тебе харчи носили, потому как с гнезда три недели сходить никак нельзя. Как сойдёшь, всё дело испортишь.

Барин приказанье дал, чтобы носили ему завтрак, обед и ужин. И пошли они.

Привёл его мужик в лес, выбрал дерево повыше и свил там большое гнездо.

Потом помог барину влезть, усадил его в гнездо и ушёл.

Сидит барин день, другой и третий. Трудно ему: руки-ноги ломит, спать хочется смертельно. На четвёртый день совсем из сил выбился и крепко уснул. Во сне стал ворочаться и со всем гнездом — бах, трах наземь!

Вскочил и видит: тыквы раскатились и одна разбитая валяется.

А под деревом заяц лежал. Как упало гнездо, ки-
нулся заяц бежать.

Заметил барин: скачет кто-то, а не разглядел, что
заяц.

— Ох! Что я наделал!.. На четвёртый день, а уж
сколь резвый жеребёнок! Вот бы до срока высидеть,
были бы кони. Надо будет того мужика разыскать.
Не поможет ли ещё разжиться земляными яйцами?

СКАЗКА О СЛАВНОМ, МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ ЕРУСЛАНЕ ЛАЗАРЕВИЧЕ

В некотором государстве жил король Картаус, и было у него на службе двенадцать богатырей. А самым сильным и главным из двенадцати богатырей почитался князь по имени Лазарь Лазаревич. И сколько ни старались другие богатыри, никто из них не мог на поединках победить молодого Лазаря Лазаревича.

И вот исполнилось ему двадцать лет. Стали родители поговаривать:

— Приспело время сыну семьёй обзаводиться!
Да и сам Лазарь Лазаревич жениться был не
прочь, только невесты выбрать никак не может: то
отцу с матерью не по нраву, то жениху не любя.

Так и шло время. И стал Лазарь Лазаревич про-
ситься у родителей:

— Отпустите меня в путь-дорогу. Хочу на белый
свет поглядеть да и себя показать.

Родители перечить не стали. И вот распростился
добрый молодец с отцом, с матерью и уехал из Кар-
таусова королевства. Долго ли, коротко, близко ли,
далёко путь продолжался, приехал Лазарь Лазаре-
вич в иноземное королевство. А в том королевстве
весь народ в великой тоске-печали: убиваются-пла-
чут все от мала до велика. Спрашивает он:

— Какая у вас беда-невзгода? О чём весь народ
тужит?

— Ох, добрый молодец, не знаешь ты нашего го-
ря,— отвечают ему.— Повадился в наше королевство
морской змей летать и велел каждый день по челове-
ку ему на съедение посылать. А коли не послушаемся,
грозится все наши деревни и города спалить — голов-
нёй покатить. Вот и сегодня провожали одну девуцу,
отвели на морской берег, на съедение морскому чу-
довищу.

Богатырь не стал больше ни о чём спрашивать,
пришпорил коня и поскакал на морской берег.

В скором времени увидал он — сидит на берегу де-
вица, горько плачет. Подъехал к ней Лазарь Лаза-
ревич:

— Здравствуй, девица-душа!

Подняла девица голову, взглянула на него и про-
молвила:

— Уезжай-ка, добрый человек, отсюда поскорее. Выйдет сейчас из моря змей, меня съест, и тебе живому не бывать.

— Не к лицу мне, девица-красавица, от змея убегать, а вот отдохнуть охота: притомился в пути-дороге. Я вздремну, а ты, как только змей покажется, тотчас же разбуди меня.

Слез с коня, лёг на траву-мураву и уснул крепким богатырским сном.

Много ли, мало прошло времени, вдруг взволновалось море, зашумело, поднялась большая волна. То змей море всколыхнул. И принялась девица будить чужеземного богатыря. А Лазарь Лазаревич не пробуждается.

В ту пору змей из воды вынырнул, выбрался на берег. Заплакала девица горючими слезами, и упала одна слеза богатырю на лицо. Он проснулся, увидел змея.

Змей ухмыляется:

— Эко, как сегодня раздобрились: вместо одного человека двоих привели да ещё и коня наприбавок!

— А не подавишься ли одним мной, поганое чудовище? — крикнул ему Лазарь Лазаревич.

— Я и по трое таких зараз съедал. Вот с тебя и начну! — закричал змей и кинулся на богатыря.

Началась у них смертная схватка, кровавый бой. Долго бились-ратились. И стал Лазарь Лазаревич замечать, что притомился змей, слабеть начал. Тут богатырь изловчился, кинулся на чудовище и с такой силой ударил его булатным мечом, что напрочь отсек змею голову.

Подошёл потом к девице, а она чуть живая от страху. Okликнул её. Девица обрадовалась:

— Ой, не чаяла я живой остаться и тебя живым,

невредимым увидеть! Спасибо, что избавил меня от лютой смерти, и я прошу тебя, добрый молодец, не знаю, как по имени звать-величать, поедем к моим родителям. Там батюшка наградит тебя!

— Награды мне никакой не надо, а к отцу-матери тебя отвезу.

Сперва девице помог сесть, а потом и сам сел на коня. Приехали в город. Отец с матерью увидели из окна дочь — глазам не верят. Выбежали встречать. Плачут и смеются от радости.

— Неужто лютой змей пощадил тебя, дитячко?! Или сегодня только отпустил ещё раз повидаться с нами, погоревать?

— Вот кто избавил меня от лихой смерти, — отвечала девица и указала на Лазаря Лазаревича. — Он убил проклятого змея.

Отец с матерью не знали, как и благодарить богатыря. Под руки ввели его в белокаменные палаты, усадили за стол на самом почётном месте. На стол наставили всяких кушаньев и питья разного. Ешь, пей, чего только душа пожелает!

А после хлеба-соли отец стал спрашивать:

— Скажи, храбрый рыцарь, чем отблагодарить тебя?

Опустил добрый молодец буйну голову, помолчал, потом посмотрел на родителей и на девицу-красавицу:

— Не прогневайтесь на меня за мои слова. Я есть князь из славного Картаусова королевства. Зовут меня Лазарь Лазаревич. Живу покуда холост, не женат. Ваша дочь-красавица мне по сердцу пришлась, и, если люб я ей, так благословите нас под венец идти. То и была бы для меня самая большая награда.

Услышала эти речи девица, потупилась, зарделась, как маков цвет.

А отец сказал:

— Ты, любезный Лазарь Лазаревич, мне по душе, по нраву пришёлся, а дочь неволить не стану и воли у неё не отнимаю. Как она сама скажет, так тому и быть. Не прими моих слов за обиду. Ну, что скажешь, дочь милая?

Пуще прежнего зарумянилась красавица и тихонько промолвила:

— Уж коль пришла пора мне своё гнездо вить, так, видно, так тому и быть. Люб мне Лазарь Лазаревич, избавитель мой.

— А невеста согласна, так мы с матерью и подавно перечить не станем,— сказал отец.— За нашим благословением дело не станет.

И в скором времени принялись весёлым пирком да за свадебку.

Свадьбу сыграли, пир отпировали, а после свадьбы Лазарь Лазаревич увёз молодую жену в своё королевство.

На исходе первого года родился у них сын. Назвали его Ерусланом.

Рос Еруслан не по дням, а по часам, будто тесто на опаре подымался. В три года был как десятилетний.

И стал он на царский двор побегивать, с боярскими детьми стал в игры играть. А сила у него была непомерная, и он по младости да несмышлёности шутил с боярскими детьми шутки нехорошие: схватит кого за руку — рука прочь, кого за ногу схватит — ногу оторвёт.

Пришли бояре к королю Картаусу, жалуются:

— Мы в великой обиде. Сын Лазаря Лазаревича губит, калечит наших детей. В играх удержу не знает, кому руку, кому ногу оторвал. Осуши наши слёзы, государь! Прикажи Еруслана Лазаревича в темницу посадить, либо пусть он уедет из нашего королевства.

Приказал король Картаус позвать Лазаря Лазаревича и сказал ему:

— Приходили ко мне бояре, на твоего Еруслана жаловались. Обижает он, калечит боярских детей. И я тебе велю: либо заключи своего сына в темницу, либо отправь прочь из нашего королевства.

Выслушал Лазарь Лазаревич королевский приказ, опустил буйну голову ниже могучих плеч и пошёл домой в большой печали.

— Что это, Лазарь Лазаревич, ты такой кручинный? — встретила его жена. — Или какая беда-невзгода приключилась?

Рассказал Лазарь Лазаревич про королевский приказ и промолвил:

— Это ли не беда-невзгода?

Горько жена заплакала. А Еруслан Лазаревич весь разговор слышал, подошёл к родителям, учтиво поклонился и говорит:

— Не гневайтесь на меня, батюшка и матушка, злого умысла я не держал, когда играл с боярскими детьми, а вашей вины в том нету. И коли король Картаус приказал мне уехать из королевства, так, видно, так тому и быть. Да вот ещё: достать бы мне меч булатный по моей руке, доспехи ратные и коня.

— Да разве мало у нас коней в конюшне? — сказал Лазарь Лазаревич. — А мечей да доспехов ратных полон оружейный покой, знай выбирай!

— Доспехи-то и меч я подберу в оружейном по-

кое, — ответил Еруслан Лазаревич, — а вот коня по мне у нас в конюшне не нашлось. Всех до одного испытал. Выведут конюхи какого, брошу на холку руку — сразу на коленки упадёт. На таких мне не ездить.

— Ну, тогда ступай в заповедные луга. Там Фролтабунщик стережёт моих коней. Кони в табунах необъезженные, там и выберешь коня по себе, — проговорил Лазарь Лазаревич.

И стали собирать, снаряжать Еруслана Лазаревича. Подобрал он доспехи богатырские, по руке себе разыскал булатный меч и копьё долгомерное, взял седельце черкаское, потничек, войлочек, уздечку наборную да плётку ремённую. Простился с отцом, с матерью и отправился в путь-дорогу.

Вышел из города и шёл долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли и пришёл на заповедные луга. По лугам дорога проторена. В ширину та дорога — коню не перескочить. «Кто же по этой дороге ездит? — подумал Еруслан Лазаревич. — Дай-ка сяду на обочину, подожду».

Много ли, мало времени просидел и увидал: бежит по дороге табун коней. Тот табун только что пробежал, а за ним другой, больше прежнего, скачет. И вслед табунщик едет. Сравнился он с Ерусланом Лазаревичем и заговорил:

— Здравствуй, Еруслан Лазаревич! Чего тут сидишь? Кого ожидаешь?

— А ты кто такой? И почему знаешь, как меня зовут?

— Да как мне тебя не знать! Ведь я служу табунщиком у твоего родителя Лазаря Лазаревича.

Обрадовался Еруслан Лазаревич:

— Меня батюшка натака́л идти в заповедные луга коня выбрать. У нас на конюшне все конишки не ражие. Которому брошу руку на холку, тот и упадёт на коленки. Тем коням не носить меня. Пособи мне, Фролушка, коня достать, век твоё добро помнить буду.

— Не тужи, Еруслан Лазаревич, дело обойдётся. Есть у меня конь на примете. Конь богатырский. Когда воду пьёт, на озере волны будто в бурю вздымаются, с деревьев листья осыпаются. Только не знаю, сможешь ли ты его поймать? Если поймаешь да сумеешь удержать, конь тебе покорится, почует наездника. Вот он — впереди первого табуна с водопоя бежит, гляди!

Промчался табун мимо, а табунщик говорит:

— Пойдём к озеру, я покажу, где конь воду пьёт, а ты завтра с утра садись там в засаду и жди.

Наутро притаился Еруслан Лазаревич и стал ждать. Слышит: задрожала земля, послышался конский топ всё ближе и ближе... И вот проскакал мимо к водопою первый табун. Всех впереди — конь-огонь: глазами искры мечет, из ноздрей пламя, из ушей дым кудреват подымается. Забрёл по колено в воду и стал пить.

В озере волны поднялись, на берегу с деревьев листья посыпались.

Напился конь и только выскочил на берег, как Еруслан Лазаревич ухватил его правой рукой за гриву, а в левой уздечку держит. Взвился конь и так ударил копытами, что земля задрожала, но вырваться из рук богатыря не мог и утихомирился, почуял настоящего хозяина.

— Вот эдак-то лучше, Орош Вещий! — Взнуздал

его, взял
спехи лежали
Оседлаи Бр
доспехи ратны
Фрол-пастух
— Вижу
— Спаси
бу. Век буду п
На том они
добрый молод
тить, как он
завилась, буд
Ехал Ерус
на широкое по
но мёртвыми
побитая. Гро
— Есть
Отозвалс
— Тольк
войска!
Подъеха
— Скаж
— Иван
воин.
— А где
— Поез
Он уехал б
Ерусла
долго ли,
широкое р
рать-сила.
Снова
— Кол
9 Иван Меньшой

его, взял повод в руки, отвёл туда, где седло да доспехи лежали.

Оседлал Еруслан Ороша Вещего, надел на себя доспехи ратные. В это время подъехал к водопою Фрол-пастух:

— Вижу: покорился тебе конь! Сумел совладать.

— Спасибо, Фролушка! Сослужил ты мне службу. Век буду помнить!

На том они и распростились. Видел табунщик, как добрый молодец на коня садился, а не успел заметить, как он из глаз скрылся, только пыль столбом завилась, будто его и не было.

Ехал Еруслан Лазаревич день ли, два ли и выехал на широкое поле. Смотрит: что такое? Всё поле усеяно мёртвыми телами. Лежит на том поле рать-сила побитая. Громко вскричал Еруслан Лазаревич:

— Есть ли жив хоть один человек?

Отозвался голос:

— Только я один и остался жив из всего нашего войска!

Подъехал Еруслан и спрашивает:

— Скажи, кто побил, повоевал ваше войско?

— Иван, русский богатырь, — отвечает раненый воин.

— А где теперь Иван, русский богатырь?

— Поезжай на полдень, может, его и настигнешь. Он уехал биться с другим нашим войском.

Еруслан Лазаревич повернул коня и поехал. Ехал долго ли, коротко ли и выехал на большое поле — широкое раздолье. И на этом поле лежит побитая рать-сила.

Снова богатырь крикнул громким голосом:

— Коли есть тут кто живой, откликнись!

Приподнялся один человек:

— Чего тебе надо, витязь? Я только один жив и остался из всего нашего войска.

— Чья эта побитая рать и кто вас повоевал?

— Лежит тут войско Феодула Змеулановича. А побил, повоевал нас Иван, русский богатырь.

— А где он сейчас, Иван, русский богатырь?

— Да вот видишь поскоки коня богатырского: целые холмы земли из-под копыт мечет. Держись этой ископыти и, коли конь у тебя резвый, настигнешь его.

Поблагодарил Еруслан Лазаревич воина и поехал вокруг поля в ту сторону, куда вела ископыть. Ехал он и день, и два с утренней зари до вечерней и на третий день увидал на зелёном лугу шатёр белополотняный. Возле шатра богатырский конь пшеницу ест.

Еруслан Лазаревич расседлал, разнуздал своего коня и пустил на волю. Орош Вещий тотчас подошёл к пшенице и тоже принялся есть.

Вошёл Еруслан Лазаревич в шатёр и видит: спит в шатре крепким сном Иван, русский богатырь. Ухватился было Еруслан за меч, да подумал: «Нет, не честь мне, а бесчестье на сонного руку подымать, а вот самому с дороги отдохнуть надобно». Подумал так и сам повалился спать.

Первым проснулся Иван, русский богатырь. Проснулся и увидел незваного гостя. Стал его будить:

— Встань-проснись, пробудись, добрый молодец!

Еруслан Лазаревич поднялся, а Иван, русский богатырь, говорит:

— Хоть и лёг ты спать у меня в шатре незванный, непрошенный, да ведь постоя с собой не возят. По нашему русскому обычаю, коли гость гостит да не па-

костит, такому гостю всегда честь и место. А ты, как видно, худых мыслей не держишь. Садись со мной хлеба-соли отведать да рассказывай, кто ты есть таков? Чьих родов, каких городов, как звать-величать тебя?

— Я из славного королевства Картаусова. Зовут меня Еруслан Лазаревич. О тебе, Иван, русский богатырь, слышал много и захотелось с тобой свидеться. Гнал по твоему следу много дней, видал побитые тобой рати Феодула Змеулановича. Мнил я себя самым сильным богатырём, а теперь и без поединка вижу — ты сильнее меня. Будь мне названным старшим братом!

Побратались Иван, русский богатырь, и Еруслан Лазаревич, выпили по чарке зелена вина, поели дорожных припасов и стали беседу продолжать. Спрашивает Еруслан Лазаревич:

— Скажи, брат названный, почему ты бьёшься-ратишься с королём Феодулом Змеулановичем? Чего ради извёл у него столько войска?

— Да как же, любезный Еруслан Лазаревич, мне было не биться, не ратиться? Полюбили мы друг друга с красной девицей-душой, дочерью Феодула Змеулановича, и приехал я в его королевство честь по чести, по доброму делу, по сватовству. А Феодул Змеуланович нанёс чести великую поруху, стал браниться, кричать: «Знать-де его, прощелыгу, не знаю, ведать не ведаю и на глаза не пущу! Скоро на ваше царство войной пойду, всю Русь повоюю, а русских богатырей в полон возьму». И послал мне навстречу войско. Напало на меня войско, а ведь известное дело: кто меч первый поднял — от меча и погибнет. И побил, повоевал я Змеуланову рать, а он вслед

другую послал. И ты сам ведаешь, что с ней случилось. Вот и надумал я сказать ему: «Совсем напрасно ты, Феодул Змеуланович, на свою силу понадеялся! Хвастал, что Русь повоюешь, богатырей русских полонишь. А вышло не по-твоему. Так не лучше ли нам замириться подобру-поздорову? Отдай своей волей дочь за меня, а не то силой возьму». Поедем со мной, Еруслан Лазаревич, мой названный брат, к стольному городу короля Феодула Змеулановича. Коль станем свадьбу играть, так на свадьбе попируешь.

Снарядились богатыри и поехали. Подъехали к городу на полпоприща¹, и затрубил Иван, русский богатырь, в боевой рог.

Прискакал вершник² из пригородной заставы к королю:

— Иван, русский богатырь, всего на полпоприща от города стоит. А с ним приехал какой-то чужестранный богатырь!

Всполошился Феодул Змеуланович:

— Ох, беда какая! Он один две рати побил, а теперь, коли их двое, всё наше королевство в разор разорят!

Потом мало-помалу опомнился, слез с тёплой лежанки, корону надел, приосанился:

— Эй, слуги! Зовите скорее королеву, пойдём с хлебом-солью встречать, авось замиримся.— Послал своих князей да бояр:— Ступайте на заставу, ведите Ивана, русского богатыря, в город, а мы с королевой у ворот встретим.

С почестями да с хлебом-солью встретили названных братьев.

¹ Пóприще — длина пути около 20 вёрст.

² Вёршник — посыльный, верховой.

— Что между нами было, то прошло, пусть быльём порастёт,— сказал король,— а мы с королевой рады-радехоньки честь по чести гостей принять.

Раздёрнули во дворце столы, и пошёл пир горой. А в скором времени свадьбу принялись играть.

На свадебном пиру Еруслан Лазаревич улучил время и спросил невесту Ивана, русского богатыря:

— Прекрасная королевна, есть ли на свете кто красивее тебя?

Смутилась королевна от этих слов:

— Про меня идёт слава, что я красивая, но вот, слышно, за тридевять земель, в тридесятом государстве живут три сестры, так младшая из трёх сестёр краше меня.

— А не слыхала ли ты, кто, кроме Ивана, русского богатыря, твоего супруга, сильнее меня?

— Про тебя и про твою силу и храбрость, Еруслан Лазаревич, тоже катится слава по всей земле. А вот слух идёт, что в славном Индийском царстве стоит на заставе тридцать лет богатырь Ивашка Белая епанча¹, Сарацинская шапка. Говорят, он богатырь из богатырей, а который из вас двоих сильнее, про то сказать не могу, да и никто не может, покуда вы силами не померяетесь.

Поблагодарил он красавицу королевну, и на том их беседа окончилась. А когда свадебный пир отпировали, стал Еруслан Лазаревич прощаться со своим названным братом Иваном, русским богатырём, и его молодой женой. Они его уговаривают:

— Погостил бы ещё хоть сколько-нибудь дней!

¹ Епанча — старинный длинный, широкий плащ без рукавов; накидка.

— Нет, спасибо! Я и так у вас загостился, мой Орош Вещий отдохнул, и пора путь продолжать.

Оседлал коня, надел богатырские доспехи и поехал за тридевять земель, в тридесятое государство.

Едет Еруслан день с утра до вечера, красна солнышка до заката. И так много дней путь-дорога продолжалась. Приехал в тридесятое государство, где жили красавицы сёстры. Коня привязал к точёному столбу, к золочёному кольцу, задал корму, а сам поднялся на резное крыльцо: стук-стук-стук!

Двери открыла девушка-покоевка, спрашивает:

— Кто ты есть таков? По какому делу пожаловал? Как про тебя сказать?

— Скажи: приехал-де витязь из славного Картаусова королевства. А зовут меня Еруслан Лазаревич. Надо мне трёх прекрасных сестёр повидать.

Убежала сенная девушка, и, не мешкая, вышли к нему три сестры, одна другой краше:

— Милости просим, добрый молодец. Пожалуйста в покой!

Перво-наперво усадили гостя за стол, наставили перед ним всяких кушаньев и напитков. Напоили, накормили.

Встал Еруслан Лазаревич из-за стола, учтиво трём девицам поклонился:

— За угощение спасибо! Теперь сам вижу: не зря молва по всему белому свету катится, что никого нет краше вас да приветливее!

Сёстры при этих словах глаза опустили, зарделись, зарумянились, потом взглянули друг на друга и ответили гостю:

— Спасибо на ласковом слове, любезный Еруслан Лазаревич! Но только напрасно считают нас

первыми красавицами. Вот в Вахрамеевом царстве царевна, дочь царя Вахрамея, та настоящая красавица. Всем Марфа Вахрамеевна взяла. И ростом, и дородством, и угожеством. Глаза у неё с поволокою, брови чёрные, соболиные, идёт, как лебёдушка плывёт! Вот уж она из красавиц красавица.

— Про мудрость вашу тоже идёт молва. И вот ещё хочу спросить вас, прекрасные сестрицы, не слышали ли вы, кто самый сильный богатырь на свете?

— Слухом земля полнится,— они отвечают.— Идёт слава про Ивана, русского богатыря. Говорят о нём, что он самый сильный и храбрый.

— Ивана, русского богатыря, я и сам хорошо знаю. Он мне названный старший брат.

— И о твоей силе да храбрости, наш гость дорогой,— продолжали девицы,— молва докатилась до нас раньше, чем ты сам сюда пожаловал. Да вот ещё много говорят о сильном богатыре Ивашке Белой епанче, Сарацинской шапке. Он стоит тридцать лет на заставе в славном Индийском царстве. Ну, а видеть нам его не приходилось.

Побеседовал с прекрасными сёстрами Еруслан Лазаревич, поблагодарил их за хлеб, за соль и распрощался.

Выехал из города и призадумался: «Много времени я странствую и не знаю, что дома творится. Надо домой попадать, отца с матерью проведать. И заодно попрошу благословения жениться. После поеду в Вахрамеево царство да стану сватать Марфу Вахрамеевну».

Поворотил Ороша Вещего и поехал в Картаусово королевство.

...Едет Еруслан Лазаревич и едет: день да ночь — сутки прочь. Как Орош Вещий отощает, тогда расседлает, разнуздает коня, покормит и сам отдохнёт, а потом с новыми силами путь продолжает. И вот наконец стал к родным местам подъезжать. В нетерпении коня понукает и скоро увидал вдали стольный город Картаусова королевства.

Въехал на пригорок, смотрит и глазам не верит.

Вокруг города чьих-то войск видимо-невидимо. Город со всех сторон войсками окружён. Конники скачут на борзых конях, а пешие к городским воротам подступают. «Что тут деется?» — подумал он. Только успел с холма спуститься, встретился ему Фрол-табунщик. Прочь от стольного города уезжает.

— Здравствуй, Фролушка!

Табунщик остановил коня, узнал Еруслана Лазаревича, поздоровался.

— Не знаешь ли ты, — спрашивает богатырь, — чья это рать-сила столь великая к нашему городу подступает?

— Ох, Еруслан Лазаревич! Поехал я из заповедных лугов в город на подворье к твоему родителю, князю Лазарю Лазаревичу, да чуть было в полон не угодил. Спасибо, конь выручил, ускакал я от неприятелей, и вот гоню прочь от города обратно в заповедные луга. Такая ли то беда-напасть приключилась. Подступил, вишь, к нашему стольному городу князь Данила Белый с несметными полками конного и пешего войска, а у нашего короля Картауса богатырей, кроме князя Лазаря Лазаревича, в городе нет никого. Кто куда разъехались. Заперлись король с боярами, да горожане за городскими стенами отсиживают.

ся. Ни в город, ни из города проезда нет, и грозитя Данила Белый всё королевство разорить.

Видит Еруслан Лазаревич: оборонять королевство некому. Да и войска у Данилы Белого нагнано тьматмущая. Разгорелось сердце молодецкое, раззудилось плечо богатырское: хлестнул он плетью Ороша Вещего и поскакал к городу.

Увидали неприятели — скачет прямо на них богатырь. Переполошились, загалдели:

— Богатырь едет Картаусу на подмогу!

Сам князь Данила Белый повёл конников навстречу и кричит:

— Живым его берите, ребяташки!

А Еруслан Лазаревич разогнал коня и как вихрь налетел на Данилиных конников. Рубит мечом и колет копьём направо и налево, а Орош Вещий грудью коней валит, всадников поверженных копытами топчет. И скоро всё поле усеялось телами. Остальные конники, кто успел, разбежались.

В ту пору увидал Еруслан Лазаревич самого Данилу Белого, нагнал его, ударил тупым концом копья долгомерного и вышиб из седла... Ступил ему на грудь Орош Вещий. Взмолился князь Данила:

— Оставь меня в живых, храбрый, могучий богатырь! Клятву даю, что ни один мой воин не переступит веки-повеки границы Картаусова королевства! Детям и внукам своим закажу не воевать с вашим королевством.

— Будь по-твоему,— сказал Еруслан Лазаревич,— но если когда-нибудь клятву нарушишь, тогда пощады не будет!

— Век твоё великодушие буду помнить и клятвы моей не нарушу! — сказал Данила Белый, поднялся

на ноги, тотчас приказал снять осаду и повёл свои войска прочь от Картаусова королевства.

В городе увидели: уходят вражеские войска. И вдруг закричали:

— Да ведь это Еруслан Лазаревич, сынок князя Лазаря Лазаревича!

Весть эта скоро дошла до Лазаря Лазаревича и до самого короля. Отец с матерью и король Картаус с ближними боярами вышли из главных ворот и с великими почестями встретили Еруслана Лазаревича. Мать от радости плакала и обнимала сына. Король Картаус прослезился и проговорил:

— Не знаю, чем отблагодарить тебя, Еруслан Лазаревич, за то, что спас ты нас всех и наш стольный город. А за старое, за давнее обиды на меня не держи. То дело прошлое. А теперь гостя желанного надо кормить, поить! Выкатите бочки с вином да с медами стоялыми! — король приказал. — Пусть сегодня все угощаются и прославляют силу и удаль славного могучего богатыря Еруслана Лазаревича!

Три дня тот пир продолжался. А на четвёртый день Еруслан Лазаревич поблагодарил короля Картауса за угощение, низко отцу с матерью поклонился и сказал:

— Долго мы были в разлуке. Много разных земель и городов я повидал, а всё равно не усидеть мне дома. Охота ещё на белый свет поглядеть и себя показать. Отпустите меня, любезные батюшка и матушка! А если доведётся встретить суженую, дайте родительское благословение!

Отец с матерью прекословить не стали. Благословили сына и начали собирать в путь-дорогу.

— Не удержишь такого сокола в родительском

доме. Сам был молодой, по себе знаю! — сказал Лазарь Лазаревич. — Пусть поедит, потешится!

Оседлал Еруслан Лазаревич своего Ороша Вещего, надел на себя доспехи богатырские, распрощался с домашними и поехал.

Выехал из своего города и подумал: «Сперва я поеду в славное Индийское царство, погляжу, что за богатырь Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка. А оттуда в Вахрамеево царство заеду. Охота повидать Марфу Вахрамеевну».

Ехал Еруслан долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли, стал подъезжать к славному Индийскому царству. Смотрит: впереди застава, а возле заставы спит-лежит богатырь. «По всему видать, это и есть богатырь Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка», — подумал Еруслан Лазаревич. Подъехал совсем близко, а богатырь и ухом не ведёт, спит, похрапывает.

Перегнулся Еруслан с седла и крепко стегнул его ремённой плетью:

— Этак ли на заставе стоят, царство охраняют? Тут кто хочешь пройдёт, проедет, а ты спишь, прохлаждаешься!

Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка вскочил на ноги и сердито закричал:

— Кто ты есть таков? — за палицу схватился. — Мимо меня вот уж скоро тридцать лет тому, как зверь не прорыскивал, птица не пролетала и ни один человек не проезжал! А ты вздумал со мной шутить шутки нехорошие, плетью бить осмелился! Я ведь тебя на ладонь положу, а другой прихлопну, и останется от тебя мокрое место! Поедем-ка в поле, я тебя проучу!

Оседлал коня, надел доспехи, и поехали они в чистое поле в смертную игру играть, силой мериться.

И только первый раз съехались, как ударил Еруслан Лазаревич противника тупым концом копья, сразу и вышиб из седла. А Орош Вещий ступил ногой на грудь. По-иному заговорил Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка:

— Не предавай меня смерти, славный могучий богатырь! Сам теперь вижу: сила у меня против твоей половинная и того меньше. Да и годы мои уходят, а ты ещё только матереть начинаешь. Давай лучше побратаемся. Будь ты мне старшим братом названным!

— В смерти твоей мне корысти нету,— отвечал Еруслан Лазаревич,— ну а славу про тебя напрасно распустили. Богатырь ты не ражий. Вставай!

И отвёл прочь Ороша Вещего. Поднялся Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка, поклонился названному брату в пояс и сказал:

— Заезжай-ка в славное Индийское царство! Для тебя путь туда открытый. Погости у нашего царя!

Еруслан Лазаревич повернул коня, поехал прямо в стольный город и в скором времени въехал на царский двор. Расседлал, разнуздал Ороша Вещего, привязал у столба точёного за золочёное кольцо.

Царь сидел у окошка и увидал, как приехал во двор чужестранный витязь. Вышел на резное крыльцо, встретил богатыря приветливо, ласково и повёл речь так:

— Добро пожаловать, любезный гость, не взыщи, не знаю, как тебя звать-величать! Чьих будешь родов, из какого государства?

Богатырь учтиво поздоровался и ответил:

— Я из славного Картаусова королевства, сын князя Лазаря Лазаревича, а зовут меня Еруслан Лазаревич.

С этими словами поднялся на крыльцо. Царь повёл его в покои, накормил, напоил, про дорогу расспросил, а потом говорит:

— Вот как славно, что навестил меня. Мы каждому хорошему гостю рады, а такому богатырю, каков ты есть, у меня во дворце честь и место! А теперь с дороги небось отдохнуть охота. Эй, кто там есть! — хлопнул царь в ладони.

Прибежал на зов слуга.

— Отведи гостя в опочивальню и приготовь всё так, чтобы в обиде не остался!

Погостил Еруслан Лазаревич у индийского царя, поблагодарил за угощение и поехал путь продолжать. Едет и думает: «Узнал, каков есть прославленный богатырь Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка, повидался и с ласковым, хлебосольным царём славного Индийского царства, а теперь поеду в Вахрамеево царство. Всё равно нет мне и не будет покоя, покуда своими глазами не увижу Марфу Вахрамеевну».

Едет Еруслан путём-дорогой день, другой и третий. До Вахрамеева царства осталось рукой подать: какой-нибудь день езды. В ту пору повстречался ему странник, калика перехожая. Снял странник колпак земли греческой, поклонился богатырю:

— Здрав буди, Еруслан Лазаревич!

Удивился богатырь, спрашивает:

— Кто ты есть таков? Видно, знаешь меня, коли по имени называешь!

— Я — калика перехожая. Странствую по всем

евства, сын
Еруслан Ла-
о. Царь по-
дорогу рас-
Мы каж-
аത്യрю, ка-
! А теперь
ам есть! —
отовь всё
ого царя,
продол-
славлен-
цинская
м царём
у в Вах-
т покоя,
храме-
и тре-
дать:
и ему
лпак
коли
всем

землям, по всем городам. Бывал в Картаусовом королевстве, захаживал к твоим родителям, много раз тебя видел. Проходил вот я недавно мимо Картаусова королевства и несу вести нерадостные, печальные.

Богатырь с коня соскочил, от нетерпения ухватил странника за плечо:

— Скорее говори, что творится у нас в королевстве! Видал ли батюшку с матушкой? Живы ли, здоровы ли они?

— погоди, Еруслан Лазаревич, не тряси меня! Эдак и руку оторвёшь! Дома у вас беда стряслась. Князь Данила Белый улучил время и напал врасплох с несметным войском. Много народу побил-порешил, а больше того во полон угнал. Стольный город сжёг дотла, разорил, камня на камне не оставил. Короля Картауса, твоего родителя Лазаря Лазаревича да кое-кого из ближних бояр живыми захватил, выколол им глаза. Увёз незрячих в своё княжество, в темницу заточил. Там они и поныне томятся.

Выслушал Еруслан Лазаревич всё, что рассказал странник, опустил голову и промолвил:

— Эх, совсем напрасно я тогда Данилу Белого в живых оставил! Землю он ел, клялся не воевать с королевством Картауса, я и поверил! А он вон чего натворил! Отплатил за мою доброту. Ну, погоди, рассчитаюсь с тобой! Теперь пощады не будет!

С этими словами вскочил на коня, простился с каликой перехожей и помчался в княжество Данилы Белого.

Приехал, разыскал темницу, где сидели родители, король Картаус и ближние бояре. Стражу раскидал, расшвырял, замок сорвал и прямо с порога крикнул:

— Здравствуйте, свет-сердечные родители: матушка и батюшка! Здравствуй, ваше величество, король Картаус, и вы, бояре ближние!

Слышит в ответ:

— Голос твой слышим, а кто говорит, не видим! Незрячие мы, тёмные!

Тут заговорила мать богатыря:

— Хоть и не вижу я тебя, а по голосу узнала и сердце чует — это сын дорогой наш, Еруслан Лазаревич!

— А ведь и правда он,— промолвил Лазарь Лазаревич.— Вот, сын любезный, сколь великое, тяжкое горе нас постигло. Всё потеряли и даже свету белого не видим. Ну да не об этом сейчас речь. За горами, за морями, близко ли, далёко ли, сам там не бывал, а от верных людей слыхал, есть царство, и правит тем царством Огненный щит, Пламенное копие. Есть в этом царстве колодец с живой водой. Сослужи ты службу: съезди к Огненному щиту, Пламенному копию, привези живой воды, sprysни наши раны, и мы прозреем.

— Съездить-то я съезжу к Огненному щиту, Пламенному копию,— отвечал богатырь,— но сперва надо Данилу Белого разыскать.

С теми словами вышел добрый молодец из темницы.

А в ту пору, покуда Еруслан Лазаревич с пленниками разговаривал, прибежал к Даниле Белому тюремный стражник:

— Беда, князь! Какой-то чужестранный богатырь всю стражу на тюремном дворе побил! Только я один живой остался.

— Не иначе, как это сын Лазаря Лазаревича,—

сказал Данила Белый.— Скорее подымай тревогу, собирай войска, какие есть в городе!

А про себя подумал: «В темнице-то его легче всего одолеть». Скоро-наскоро надел боевые доспехи, вскочил на коня и повёл своё войско.

А Еруслан Лазаревич тем временем выехал из тюремного двора на площадь и увидал княжеское войско. Будто коршун на цыплят, ринулся он на дружину Данилы Белого. Кого мечом достанет — до седельной подушки развалит, а кого копьём из седла вышибает. Орош Вещий грудью вражьих коней опрокидывает, копытами ратников топчет. И скоро побил, повоевал Еруслан всё это войско. Осталось в живых дружинников вовсе мало, и те кинулись наутёк.

Тут и заметил Еруслан Лазаревич скачущего прочь Данилу Белого.

— Тебя-то мне и надо! — крикнул он, пришпорил коня и помчался вслед за князем-захватчиком.

И сколько тот своего коня ни нахлёстывал, Орош Вещий скоро настиг его.

Еруслан Лазаревич вышиб Данилу Белого из седла и отсек ему голову:

— Худую траву из поля вон! — поворотил коня, приехал в темницу.— Выходите все на волю, перебирайтесь покуда во дворец Данилы Белого!..

Затем говорит королю Картаусу:

— Здешнее княжество придётся приписать к нашему королевству. А ты становись на престол Данилы Белого, и живите в этом городе, покуда не привезу живой воды. Наш-то стольный город всё равно разрушен, когда ещё застроится,— и поехал в царство Огненного щита, Пламенного копья.

Ехал Еруслан, ехал, и раскинулось перед ним ши-

рокое поле. А на том поле лежит побитая рать-сила. Зычным голосом крикнул богатырь:

— Эй, есть ли на этом поле хоть один жив человек?

— А чего тебе надобно? — отозвался один воин.

— Скажи, кто побил это войско большое?

— Всю нашу рать-силу побил Росланей-богатырь.

— А где он сам, Росланей-богатырь?

— Проедешь недалеко, увидишь другое поле с побитым войском. Он там лежит убитый.

Миновал богатырь побитое войско, проехал недалеко и наехал на другое поле, которое тоже всё было усеяно телами. «Это побоище много больше первого», — подумал он и вдруг увидал большой холм. Подъехал ближе и диву дался — то оказался не холм, а громадная, как сенная копна, голова лежит. Крикнул:

— Есть ли кто живой?

Никто не отозвался. Крикнул ещё раз — опять ответа нет. И только когда третий раз закричал, открыла голова глаза, зевнула и проговорила:

— Ты кто такой? И чего тебе надо?

— Я из славного Картаусова королевства. Зовут меня Еруслан Лазаревич. Хочу узнать, чья эта побитая рать-сила? И где могучий богатырь Росланей?

— Богатырь Росланей я и есть, — голова отвечает, — а войска, что лежат на первом и на этом поле, привёл царь Огненный щит, Пламенное копие. Вёл он свои дружины против меня, и я их побил, повоевал, да вот и сам, как видишь, лежу побитый.

— Как же это случилось? Ты обе рати побил — порешил и сам пал порубленный?

— Много лет тому назад, когда я был ещё совсем

малый,— заговорила голова,— царь Огненный щит, Пламенное копие с большим войском напал врасплох на наше царство. А царём у нас был тогда мой отец. Собрал он наскоро небольшую дружину и вышел навстречу. Закипела битва, кровавый бой. У Огненного щита, Пламенного копия войска было много больше, и он победил. Много наших воинов погибло. Моего отца полонили, и царь Огненный щит, Пламенное копие убил его.

А когда я вырос и стал сильным богатырём, надумал отомстить Огненному щиту, Пламенному копию. Проведала об этом волшебница, что жила в нашем царстве, и говорит мне: «Царь Огненный щит, Пламенное копие очень сильный богатырь да к тому же волшебник, и победить его ты сможешь, если достанешь меч-кладенец. На море-океане, на острове Буяне, на высокой горе под старым дубом есть пещера. В той пещере и замурован ещё в давние времена волшебный меч-кладенец. Только с этим мечом и можно победить Огненного щита, Пламенного копия».

Немало трудов положил я и долго странствовал, но волшебный меч-кладенец достал и поехал в царство Огненного щита, Пламенного копия. Он послал против меня рать-силу. А когда я это войско побил, повоевал, он собрал ещё рать-силу, больше первой, и сам повёл мне навстречу. Сошлись мы вот на этом самом поле. Стал я их бить, как траву косить, а которых конь топчет. И в скором времени мало кто из них жив остался. А сам Огненный щит, Пламенное копие подскакал ко мне, кричит: «Сейчас тебя смерти предам!» Я размахнулся, ударил его своим волшебным мечом, и он тотчас с коня повалился. Тут слуги

его вскричали: «Вот как славно Росланей-богатырь угостил его своим мечом. Ну-ка, дай ему ещё разик! Тогда и поминки по нему можно править!» Ударил я другой раз. Только меч его задел, как тут же со страшной силой отскочил и мне голову отрубил, а Огненный щит, Пламенное копие сразу ожил как ни в чём не бывало. В это самое время подоспел мой названный брат. Схватил он меч-кладенец и сунул мне под голову. Потом Огненный щит, Пламенное копие много раз посылал своих богатырей и сам приезжал, но никому не удалось вытащить меч-кладенец из-под головы, как ни старались. Он и сейчас вот тут подомной.— На том голова Росланея окончила свой рассказ и спросила:— А ты по какому делу заехал сюда и куда путь держишь?

Еруслан Лазаревич рассказал, зачем он едет в царство Огненного щита, Пламенного копия.

— Это похвально, Еруслан Лазаревич, что ты своих близких в горе-беде не покинул, выручил, а теперь поехал живую воду для них доставать. Но скажу тебе: напрасно ты туда поедешь. Ты ещё не знаешь, каков есть этот злодей Огненный щит, Пламенное копие. По-доброму, по-хорошему у него зимой льду не выпросишь. Разве он даст живую воду? И силой тоже ты у него ничего не добьёшься, потому что ни стрела, ни копье, ни меч его не берут. Он тебя десять раз успеет убить, пока ты замахиваешься. А вот лучше послушай, что я тебе стану рассказывать, хорошенько запомни и, коли послушаешься, одолеешь его.

Еруслан Лазаревич выслушал всё, что ему наставляла Росланеева голова, поблагодарил и на прощание сказал:

— Как только достану живую воду, приеду к тебе и приращу голову к телу...

После этого сел на своего Ороша Вещего и поспешил в царство Огненного щита, Пламенного копья. Стал подъезжать к городу.

Огненный щит, Пламенное копье увидал богатыря, выехал навстречу и издалека стал огненные стрелы метать.

— Воротись, а то сожгу тебя! — закричал.

Еруслан Лазаревич снял шлем, помахал и крикнул:

— Приехал к тебе не биться, не ратиться, а по доброму делу!

— Кто ты таков? И чего тебе надо? Говори!

— Я из славного Картаусова королевства. Зовут меня Еруслан Лазаревич. О твоей силе и славе молва по всей земле идёт, и я хочу к тебе на службу поступить!

Отвечает Огненный щит, Пламенное копье:

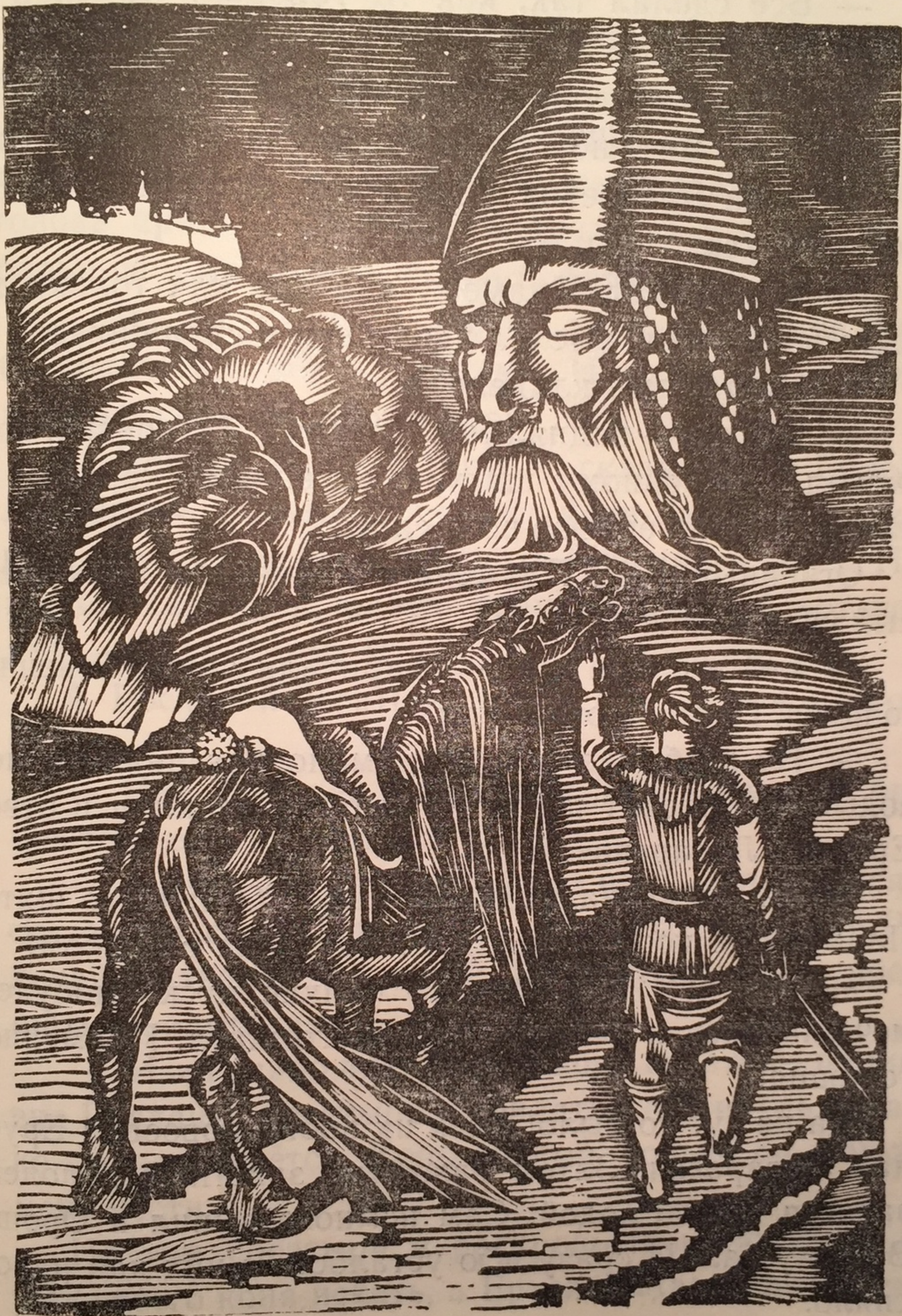
— Если сумеешь с моими двенадцатью богатырями достать меч из-под Росланеевой головы, тогда возьму на службу, а не достанешь, пеняй на себя! Не быть тебе живому!

— Слушай, Огненный щит, Пламенное копье, обойдусь я и без твоих богатырей! Один управлюсь, достану меч!

Подъехал Огненный щит, Пламенное копье поближе и говорит:

— Поезжай скорее, привези меч, тогда будешь у меня старшим над богатырями!

Еруслан Лазаревич поворотил коня. Когда приехал на поле брани, голова Росланея увидала его издали:

— Ну, как? Видал Огненного щита, Пламенного копья?

— Всё сделал так, как ты говорил. Приехал за мечом-кладенцом.

Голова откатилась в сторону:

— Бери меч, но помни: ударь только один раз!

Еруслан Лазаревич поднял меч, сел на Ороша Вещего и уехал.

Огненный щит, Пламенное копье, как только дозорный известил, выехал навстречу и спрашивает:

— Достал меч-кладенец?

— Вот он,— поднял меч Еруслан Лазаревич, подскакал к Огненному щиту, Пламенному копью и — раз! — ударил его изо всей силы.

Огненный щит, Пламенное копье как подкошенный упал с коня.

— Бей его ещё раз! — закричали слуги Огненного щита, Пламенного копья.

— Не в обычае у добрых молодцев дважды меч подымать. Хватит и одного раза! — крикнул в ответ Еруслан Лазаревич.

Тогда все двенадцать богатырей Огненного щита, Пламенного копья напали на Еруслана с криком:

— Бей его! Изрубим на мелкие куски, добудем меч-кладенец и оживим Огненного щита, Пламенного копья!

Да не тут-то было! Всех их побил-повоевал Еруслан Лазаревич. Затем разыскал заветный колодец, запасся живой водой. Сам немного выпил и Орошу Вещему дал. И сразу всю усталость с них как рукой сняло.

Не успел выехать на поле брани, как голова Росланея тотчас его увидела и заговорила:

— Коли воротился, должно, одолел Огненного щита, Пламенного копья, моего супостата! А живую воду нашёл?

— Привёз,— отвечает Еруслан Лазаревич,— сейчас ты здоров будешь.

Голова подкатилась к туловищу, стала как надлежит. Еруслан Лазаревич sprysнул живой водой, и голова приросла к телу. Поднялся Росланей, такой большой и матёрый — глядеть боязно.

— Ну, Еруслан Лазаревич, великую ты мне службу сослужил, век не забуду! И, если понадобится, жизни для тебя не пожалею!

— Чего об этом говорить,— сказал на то Еруслан Лазаревич.— Разве без твоего меча-кладенца да мудрого совета мог бы я победить Огненного щита, Пламенного копья и живую воду добыть. На́ вот возьми! — и подаёт ему меч.

А Росланей-богатырь отвёл его руки и проговорил:

— Нет, Еруслан Лазаревич, мой названный брат, меч тебе ещё пригодится.

— А ведь меч-то мне как раз по руке пришёлся,— сказал Еруслан Лазаревич,— спасибо, любезный Росланей, названный брат мой. Ну, а теперь надо поспешать к родителям.

— И мне надо идти своего коня искать,— промолвил Росланей-богатырь.— Видать, где-нибудь недалеко отсюда пасётся. Конь верный, только он и может меня нести.

На том богатыри и распрощались. Росланей пошёл своего коня искать, а Еруслан Лазаревич поехал в княжество Данилы Белого.

Как только приехал, вбежал во дворец, попрыскал

живой водой глаза, и сразу отец с матерью и король Картаус с боярами прозрели и так обрадовались, что от великого счастья даже немножко поплакали.

Король Картаус в честь Еруслана Лазаревича зажёл большой пир-столованье. На том пиру все пили и ели и прославляли геройство и удаль Еруслана Лазаревича.

Пир отпировали. И говорит богатырь своим родителям:

— Надобно мне побывать в Вахрамеевом царстве. Благословите в путь-дорогу!

— Ну что же,— промолвил Лазарь Лазаревич,— хоть и жалко расставаться, да, видно, делать нечего. Мы с матерью теперь, слава богу, здоровы. Поезжай, коли надо!

Скорым-скоро собрался, снарядился, сел на своего Ороша Вещего, и только пыль завилась за добрым молодцем.

Ехал Еруслан долго ли, коротко и попал наконец в Вахрамеево царство. Подъехал к стольному городу, смотрит: ворота крепко-накрепко заперты. Постучал. На стук отозвались стражники:

— Кто таков? И чего тебе надобно?

— Зовут меня Еруслан Лазаревич, а приехал я к королю Вахрамею по доброму делу.

Ворота растворились, и, как только богатырь проехал, опять их крепко закрыли. Он подумал: «Почему город держат на запоре?»

Царь Вахрамей встретил его ласково:

— Милости просим, добрый молодец! Не знаю, как звать-величать?

— Я из Картаусова королевства, сын князя Лазаря Лазаревича, а зовут меня Еруслан Лазаревич.

Много по свету ездил, во многих землях побывал, и захотелось ваше государство навестить.

— Ах, вот ты кто! — сказал царь Вахрамей. — Слава о твоих подвигах и геройстве, любезный Еруслан Лазаревич, идёт по всем землям, по всем городам. Дошла она и до нашего царства. И я рад дорогому гостю, но не могу утаить от тебя, что постигло нас большое горе. Повадился трёхглавый морской змей летать, людей поедать. Оттого сидим мы взаперти, да ведь от крылатого чудовища городские стены — не защита.

— Часто ли морской змей прилетает? — спросил Еруслан Лазаревич.

— Через каждые три дня. Сегодня он как раз прилетит и опять кого-нибудь унесёт, — отвечал царь Вахрамей и прибавил: — Проходи, гость дорогой, в покои. Надо тебе с дороги поесть, попить и отдохнуть!

— Спасибо! Но сперва надобно мне на морском берегу побывать, а уж потом и отдохну, — сказал Еруслан Лазаревич.

С этими словами он вышел из дворца, вскочил на Ороша Вещего и поехал из города на морской берег. Коня остановил, затрубил в боевой рог раз и другой. После третьего раза поднялась на море большая волна, а вслед за тем показался из воды трёхглавый морской змей. Все три пасти разинуты, зубы оскалены, шестеро глаз злобой горят.

Взглянул змей на берег и заговорил:

— В этот раз царь Вахрамей не стал меня дожидаться, сам послал человека на обед да ещё и коня в придачу!

— А ты, проклятое чудовище, погоди раньше вре-

мени хвалиться, как бы не подавиться! — крикнул богатырь.

И только успел змей на берег ступить, как Еруслан поскакал, взмахнул мечом-кладенцом и с одного раза отрубил две головы.

Перепугался змей, взмолился:

— Могучий богатырь, не предавай меня смерти, не руби моей остатней головы! В Вахрамеево царство летать никогда не стану, а тебе богатый выкуп дам. Есть у меня драгоценный камень невиданной красоты, такого на всём белом свете не сыскать.

— Где же твой драгоценный камень?

— Сейчас достану!

С теми словами бросился змей в море и в скором времени воротился, принёс и отдал богатырю драгоценный камень неслыханной красоты.

Принял Еруслан Лазаревич подарок и прямо со своего коня перемахнул змею на спину.

— Вези к Вахрамею во дворец и сам ему скажи, что никогда больше не будешь нападать на людей!

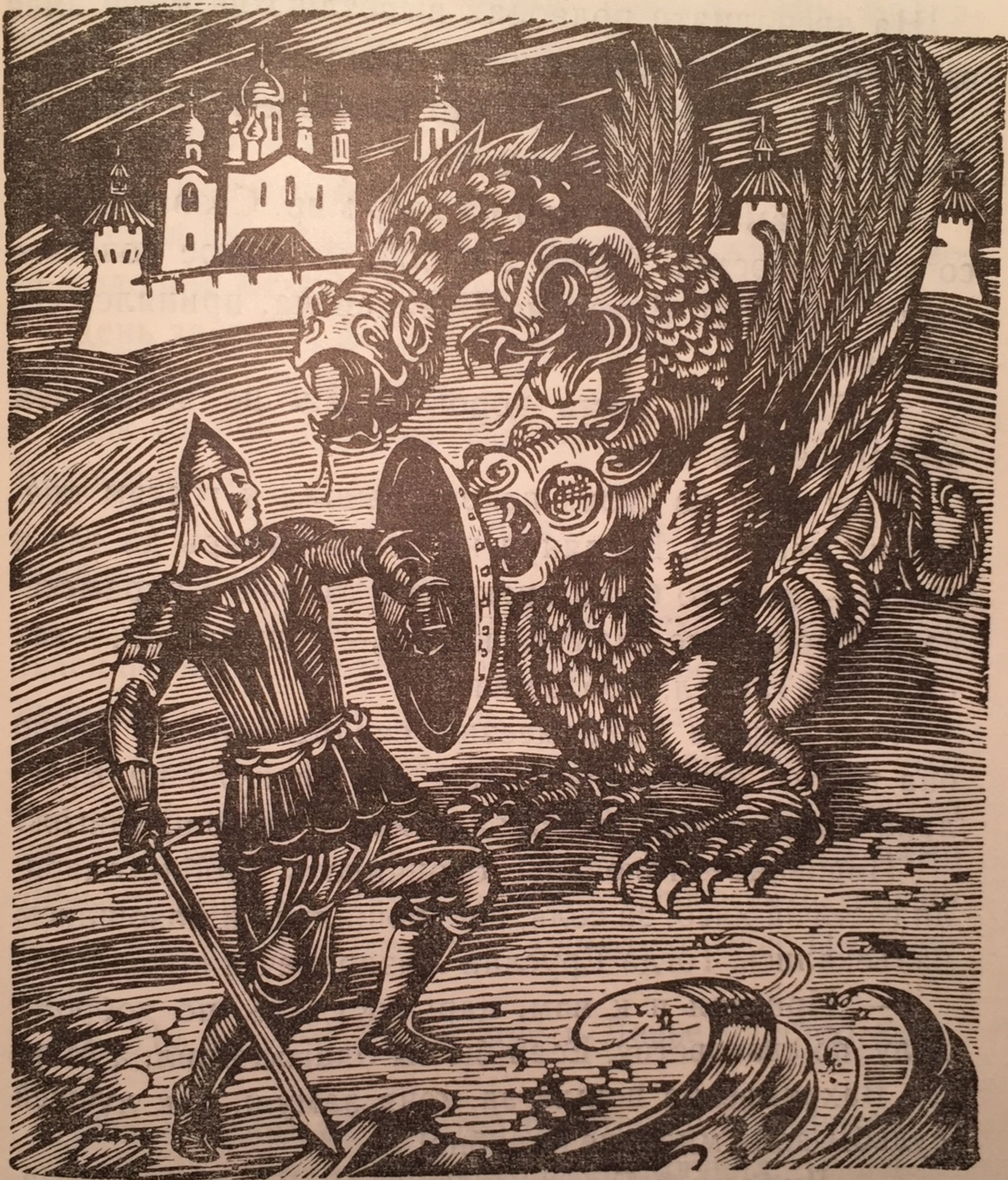
Ничего морскому змею не оставалось делать, как только повиноваться.

Повёз он богатыря в стольный город, а Орош Вещий вслед побежал.

В городе и во дворце начался великий переполох, когда увидели, как чужестранный богатырь приехал на морском чудище.

И царь Вахрамей, и весь народ стали просить, уговаривать:

— Еруслан Лазаревич, не оставляй проклятого змея в живых. Сколько из-за него, злодея, люди слёз пролили. Сейчас-то он смирный, а когда ты уедешь, опять за старое примется. Знаем мы его!

Богатырь перечить не стал, соскочил со змея и отсек у него голову.

На двенадцати подводах вывезли горожане змея из города и закопали в глубоком овраге.

Убрали чёрные флаги, что возвещали о беде-не-взгоде, и весь народ повеселел.

А Вахрамей задал пир на весь мир. Созвал гостей со всех волостей. Рядом с собой, на самое почётное место, посадил Еруслана Лазаревича, принялся его потчевать:

— Ешь, пей, гость дорогой! Уж не знаю, чем отблагодарить тебя.

В ту пору из своих покоев вышла к гостям красавица царевна. Взглянул на неё богатырь да так и обмер — до того была прекрасна Марфа Вахрамеевна. «Отродясь не видывал краше, — подумал он, — век бы на неё глядел, любовался».

И у Марфы Вахрамеевны сердце ёкнуло. Чинно она гостям поклонилась, ещё раз глянула на Еруслана Лазаревича и глаза опустила — хорош, пригож!

Пированье-столованье окончилось. Поблагодарили гости за хлеб, за соль, распрощались и разошлись, разъехались. Тогда Еруслан Лазаревич и повёл речь:

— Приехал я к вам, царь-государь, по доброму делу, по сватовству. Если бы ты благословил, а Марфа Вахрамеевна пошла за меня замуж, так лучшей судьбы-доли мне и не надобно!

— Любезный Еруслан Лазаревич, если дочь согласна, так и я рад с тобой породниться. Теперь за тобой дело, Марфа Вахрамеевна, — повернулся он к дочери. — Скажи, люб ли тебе жених?

Зарумянилась девица-красавица, потупила очи ясные и шёпотом промолвила:

— Я твоя и воля твоя, батюшка царь-государь! А коли благословишь, так я согласна.

— Вот и хорошо! — весело сказал царь Вахрамей. — Ай, по сердцу, по душе мне зять сыскался!

В царском житье ни пива варить, ни вина курить — всего вдоволь. В скором времени свадьбу сыграли, пир отпировали.

И стал Еруслан Лазаревич жить-поживать со своей молодой женой Марфой Вахрамеевной у тестя.

День за днём, неделя за неделей — так незаметно почти целый год прошёл.

Как-то раз говорит Еруслан Лазаревич Марфе Вахрамеевне:

— Надо съездить проведать родителей да и тебя показать отцу с матерью.

— Ох, рада бы я радёхонька поехать твоих родителей повидать и с тобой не разлучаться, да ведь, сам видишь, нельзя мне теперь в дальнюю дорогу ехать, а путь туда не близкий, не лёгкий. Навести их в этот раз один, только скорее возвращайся. А на тот год уже всей семьёй поедem. И помни, как поедешь мимо Девьего царства, станут тебя звать погостить, смотри не заезжай. Если заедешь, околдует тебя Царь-девица.

— Ну что ты! Зачем мне в Девье царство заезжать?

Потом подал ей золотой перстень с тем драгоценным камнем, что от морского змея получил:

— Если сын у нас родится, отдай ему, когда он в возраст придёт. И пусть ни днём ни ночью перстня этого с руки не снимает.

Затем собрался, снарядился и отправился в путь-дорогу.

Едет Еруслан Лазаревич да едет. День прошёл, и другой прошёл. На третий день видит — раскинулся перед ним сад, глазом не охватить. В том саду великолепный дворец стоит, золотой крышей на солнышке горит. Окна во дворце хрустальные, наличники замысловатой резьбой изукрашены.

Только поравнялся с садом, как вырыснул кто-то на коне из ворот. Вгляделся Еруслан Лазаревич и увидел: скачет к нему поленица удалая, на коне сидит как влитая. Глаза у поленицы соколиные, брови чёрного соболя, личико белое, румяное, из-под шлема спадают косы русые до пояса. Заговорила, словно реченька за журчала:

— Ведь я тебя, добрый молодец, из окошечка увидала. Чего ради едешь мимо, к нам не заворачиваешь попить-поесть, коня накормить, побеседовать?

— Спасибо, Царь-девица, недосуг мне. Еду отца с матерью навестить,— отвечал Еруслан Лазаревич.

Сам глядит на поленицу — глаз оторвать не может.

— Что за недосуг! — молвила Царь-девица. — Не торопись ехать, торопись коня кормить, скорее приедешь куда надо.

И улыбнулась, будто летним ласковым солнышком обогрела.

Сразу позабыл богатырь про женин наказ, повернул коня и стремя в стремя поехал с Царь-девицей в чудесный сад.

В Девьем государстве девицы-красавицы — одна другой краше, а прекраснее всех сама Царь-девица, удалая поленица.

Еруслану Лазаревичу тотчас жаркую баню нато-

пили. Намылся он, напарился. Стала Царь-девица угощать его винами заморскими, медами стоялыми, всяких кушаньев на стол наставила.

Напоила, накормила, начала на лютне играть да своим тонким нежным голосом подпевать.

Слушает добрый молодец, не наслушается, глядит на Царь-девицу, не наглядится. Потом набежало во дворец множество девиц и почали песни петь, хороводы водить.

В песнях, плясках да забавах год прошёл и другой прошёл. А Еруслану Лазаревичу думается: «Ох, долго загостился! На часок заехал, а прожил два дня». Стал было Царь-девицу благодарить:

— Пора мне ехать!

А она принялась уговаривать, ласковыми словами улащать:

— Свет Еруслан Лазаревич! Не покидай меня, не ездь, останься!

— Нет, надо мне родителей повидать!

— Успеешь с отцом, с матерью свидеться! Побудь хоть недельку, утешь меня!

Поддался добрый молодец на уговоры да на ласку. Резвые ноги будто к месту приросли. Остался в Девьем царстве. Ему кажется — неделя прошла, а восьмой год на исходе.

Вскоре после того как уехал Еруслан Лазаревич, Марфа Вахрамеевна родила сына. Дали ему имя Еруслан Ерусланович.

Родился Еруслан Ерусланович крепким да сильным и с самых первых дней стал так быстро расти и матереть, что на втором году казался двенадцати-

летним подростком. А когда исполнилось семь лет, стал он могучим богатырём. Не находилось ему в поединках во всём государстве равного по силе и сноровке. Всех побеждал. Однажды спрашивает Еруслан Ерусланович у матери:

— Скажи, сударыня матушка, где мой батюшка Еруслан Лазаревич? Говорили, будто уехал он в Картаусово королевство к дедушке с бабушкой. Не произошло ли в пути-дороге с ним чего? Благослови, я поеду батюшку разыскивать.

Заплакала Марфа Вахрамеевна:

— Ну, куда ты поедешь, как опричь своего царства нигде не бывал, ничего не видал. Отец уехал и не иначе как попал в Девье царство. Околдовали, зачаровали там его, и нет оттуда возврата. А ты и вовсе погибнешь!

Не вникает в это Еруслан Ерусланович, знай стоит на своём.

— Всё равно поеду, батюшку Еруслана Лазаревича разыщу и привезу домой.

Видит Марфа Вахрамеевна — не уговорить ей сына, и сказала:

— Ну, будь по-твоему, поезжай, только возьми вот этот перстень и не снимай его с руки ни днём ни ночью.

И надела на палец Еруслану Еруслановичу золотой перстень с драгоценным камнем, подарком морского змея.

Король Вахрамей тоже долго отговаривал внука, а под конец рукой махнул:

— Поезжай!

Скорым-скоро Еруслан Ерусланович снарядился и стал прощаться. Царь Вахрамей, Марфа Вахраме-

евна и все нянюшки, мамушки, сенные девушки вышли его провожать. Видали, как на коня садился, да не видели, как укатился.

Только пыль столбом завилась за добрым молодцем.

Ехал он долго ли, коротко ли — вёрсты тогда были не меряные, — и на третий день поутру раскинулся перед ним громадный чудесный сад, а в саду дворец с золочёной крышей и хрустальными окнами. «Это и есть Девье царство», — подумал молодой богатырь. Подъехал к воротам и вскричал громким голосом:

— Посылайте поединщика, а не то ворота порушу!

Услышала Царь-девица и спрашивает:

— Кто такой в ворота ломится, поединщика требует?

— Приехал какой-то чужестранный витязь, совсем ещё, видать, молодой, — отвечает богатырь, что стоит стражником у ворот.

— Поезжай без промедления да хорошенько проучи его, невежу! — приказала Царь-девица.

Богатырь из ворот выехал и закричал:

— Кто ты такой, молодой невежа? В ворота ломишься да ещё и поединщика требуешь!

— А вот когда съедемся, узнаешь, какой я есть невежа! — крикнул в ответ молодой наездник.

Съехались, и Еруслан Ерусланович лёгким ударом с первого раза вышиб богатыря из седла.

— Смерти тебя предавать не стану! Ступай скажи Царь-девице: пусть пошлёт поединщика. Не к лицу мне с таким, как ты, силами меряться!

Побитый богатырь воротился, рассказал про мо-

гучего витязя. Царь-девица пошла будить Еруслана Лазаревича:

— Встань, пробудись, мил-сердечный друг! Приехал какой-то чужестранный молодой богатырь и требует поединщика. Жалко будить тебя, да делать нечего. Ведь только на тебя и вся надежда!

Еруслан Лазаревич поднялся, надел боевые доспехи, оседлал Ороша Вещего и выехал в чистое поле, в широкое раздолье.

Съехались они и так сильно сшиблись, что кони сели на задние ноги, а богатыри некоторый некоторого не ранили. Повернули коней, разъехались и стали снова съезжаться.

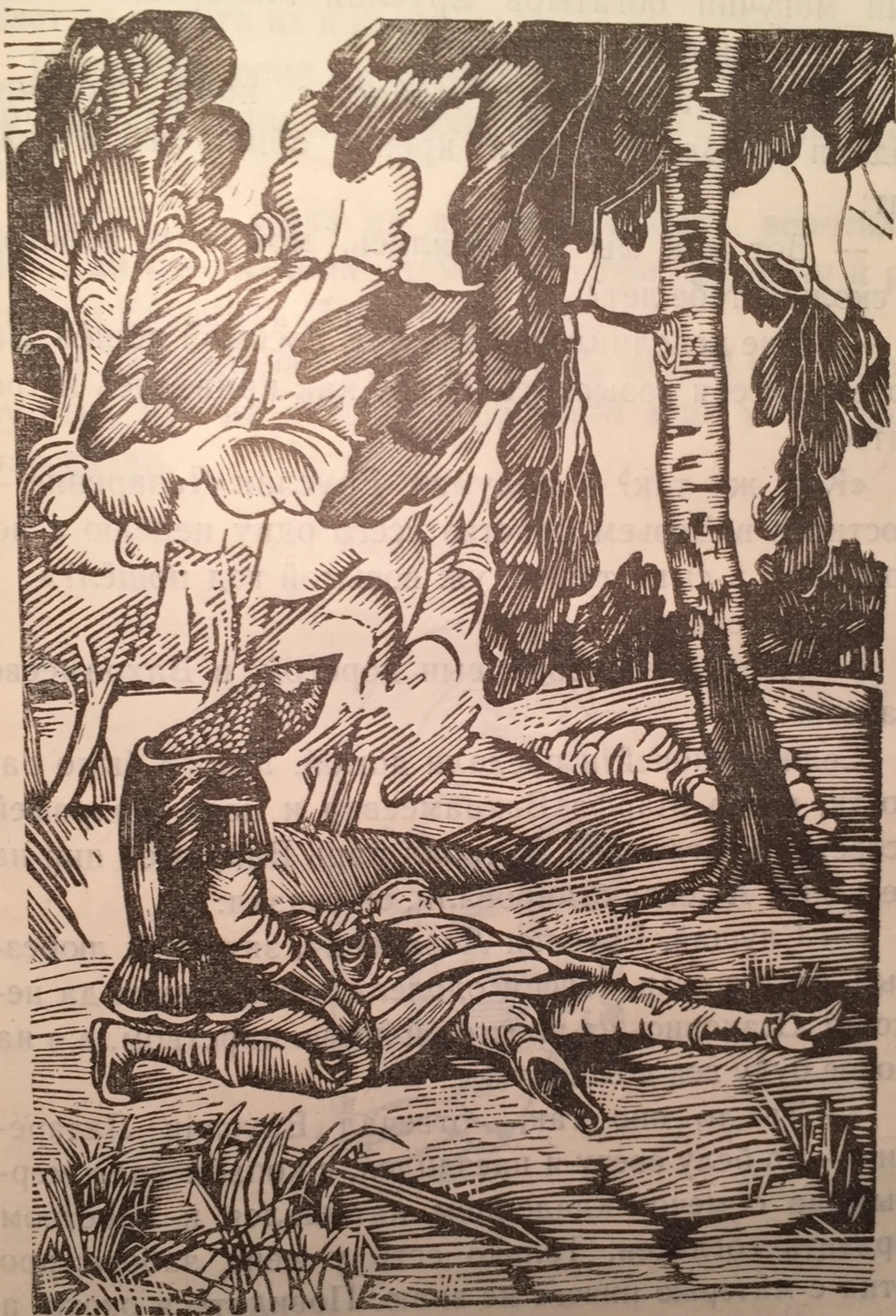
«По виду совсем ещё юноша, а никому не уступит силой да боевой сноровкой», — подумал Еруслан Лазаревич.

Когда съехались во второй раз, опять сшиблись мечами. Еруслан Лазаревич ударил с такой силой, что поединщик не удержался в седле и упал с коня на сыру землю. А Орош Вещий сразу ступил ему на грудь. Глянул Еруслан Лазаревич на богатыря и заметил — что-то блеснуло у юноши на руке. Ещё взглянул, узнал свой перстень, и пало ему на ум: «Уж не сын ли мой?» Спрашивает:

— Скажи, какого ты роду-племени, как тебя по имени зовут, величают по отчеству?

— Если бы мой конь ступил тебе на грудь, я не стал бы спрашивать, выпытывать у тебя ни роду, ни племени, ни про отца, ни про мать, а отрубил бы напроочь голову!

— Не хочу я твою молодую жизнь губить, — проговорил Еруслан Лазаревич. — Только скажи, кто твои родители и как тебя зовут?

— Моя мать—Марфа Вахрамеевна, а отец—слав-
ный могучий богатырь Еруслан Лазаревич. Меня
зовут Еруслан Ерусланович.

Еруслан Лазаревич тотчас с коня соскочил,
поднял молодого витязя, крепко обнял его и гово-
рит:

— Вот как мы встретились, мой сын дорогой!
А сколько тебе лет?

— Мне исполнилось семь лет, восьмой пошёл. За-
хотелось тебя разыскать. И вот как привелось встре-
титься.

«Как же так? — подумал Еруслан Лазаревич.—
Гостил я в Девьем царстве всего одну неделю с не-
большим, а сыну теперь уж восьмой год пошёл?»

Потом сказал:

— Поедем поскорее, сын дорогой, в Вахрамеево
царство.

Сели на коней и поехали домой. Много было ра-
дости, когда Марфа Вахрамеевна и царь Вахрамей
встретили богатырей. Устроил царь Вахрамей пир на
весь мир. А когда отпировали, он сказал:

— Слушай, Еруслан Лазаревич, зять мой любез-
ный, стал я стар, совсем одолели меня недуги да не-
мощи. Становись на престол и правь царством, а я на
покое буду век доживать!

— Так-то оно так,— отвечал Еруслан Лазаре-
вич,— по белу свету я наездился, с копьём долгомер-
ным да с мечом-кладенцом натешился и царством
править согласен. Только есть у меня забота: про
отца с матерью ничего не знаю. Повидаться охота, а
от царских дел недосуг туда ехать.

— О том тужить-горевать нечего,— Вахрамей го-
ворит,— есть у тебя теперь замена. Еруслан Ерусла-

нович съездит в Картаусово королевство, поклон отвезёт да в гости их к нам пригласит.

И вот заступил на престол Еруслан Лазаревич, а Еруслан Ерусланович уехал в Картаусово королевство.

Много ли, мало ли времени прошло, воротился Еруслан Ерусланович домой, а с ним приехали и родители Еруслана Лазаревича.

На радости завели пир на весь мир. Я на том пиру был, мёд да пиво пил, обо всём этом узнал да и рассказал.

УМНЫЙ РАБОТНИК

У бедного старика было три сына.

Посылает отец старшего:

— Поди наймись в батраки, всё чего-нибудь заработаешь.

Пошёл старший сын в другую волость, а навстречу ему поп:

— Наймись, свет, ко мне, только, чур, уговор такой: коли хоть на день раньше срока уйдёшь — не видать тебе твоего заработка, ни копейки не дам.

Молодец перечить не стал и нанялся к попу на год.

Будит поп работника до солнышка, работать заставляет дотемна, а кормит один раз в день не досыта.

От голода да от тяжёлой работы парень совсем отощал — насилу ноги волочит.

— Коли до срока жить — живому не быть, совсем изведусь.

Махнул рукой на заработок и с пустыми руками воротился домой.

А попу того и надо, чтобы работник до срока ушёл. Все тяжёлые работы справлены, и деньги целы.

На другой год пошёл средний брат в работники заниматься. И таким же манером, как и старший брат, полгода у попа мучился и тоже без копейки, чуть живой домой приплёлся.

На третий год настал черёд младшему брату в люди идти.

Пошёл он прямо к тому попу, где старшие братья горе мыкали.

— Вот и хорошо, — обрадовался поп, — я как раз работника ищу. Рядись, платой не обижу, а уговор такой: до срока проживёшь — получай всё сполна, что ряжено; если раньше уйдёшь — пеняй на себя, копейки не заплачу.

— Ладно, — отвечает молодец.

И ударили по рукам.

На другое утро — ни свет ни заря — будит поп работника:

— Вставай, скорей запрягай, поедем за сеном на дальний покос.

Покуда работник коней запрягал, поп успел плотно позавтракать, а работнику попадья дала всего две вчерашние картофелины.

— Позавтракаешь в дороге,— видишь, батюшка торопится, сердится...

Поехали. Только миновали околицу, соскочил парень с саней и закричал:

— Постой, батюшка! Я верёвки забыл, сейчас сбегаю.

Поп коня придержал, бранится.

А работник прибежал, постучался:

— Ох, матушка, батюшка велел принести каравай белого хлеба да три пирога с рыбой.

Попадья припасы завернула, подала.

Молодец прихватил в сенях верёвки, воротился.

— Трогай, батюшка, верёвки принёс.

— Ладно, хоть недалеко отъехали,— ворчит поп.

Покуда до места добрались, сено укладывали да увязывали — времени прошло много.

Только к вечеру тронулись в обратный путь.

Поп с переднего воза кричит:

— Дорога ровная, без раскатов, я подремлю. А ты, парень, гляди, как доедем до развилки, надо влево держать.

После того завернулся с головой в тёплый дорожный тулуп и улёгся спать.

Работник пирогов наелся да белого хлеба, лежит на своём возу. Доехали до развилки, и направил молодец коней не влево, как поп наказывал, а вправо. Влез на воз, посмеивается: «Проучу долговолосого, попомнит меня».

Вёрст пятнадцать ещё отъехали. Тут поп проснулся, огляделся: видит, едут не туда, куда надо, заругался:

— Ох, будь ты неладен! Ведь говорил — держи влево. И о чём только ты думал, куда глядел?

— Как — куда глядел? Да ведь сам ты и кричал: «Держись правой руки!»

«Видно, я обмолвился», — подумал поп и говорит:

— Ну, делать нечего, надо кружным путём ехать. Тут вёрст через десять деревня будет, придётся переночевать. Время позднее, да и есть смертельно охота, прямо терпенья нет.

— А ты, батюшка, сенца попробуй, — работник говорит, — я вот так славно подкрепился, сыт-сытёхонек.

Поп надёргал травы что помягче, пожевал, пожевал, выплюнул:

— Нет, не по мне это кушанье.

Ехали ещё час ли, два ли — показалась деревня.

Привернули к самой богатой избе, к лавочнику.

— Ступай, — поп говорит, — просись ночевать, у меня от голода руки-ноги трясутся.

Работник постучался:

— Добрые люди, пустите переночевать!

Вышел хозяин:

— Заезжай, заезжай, ночлега с собой не возят.

— Да я не один, — шёпотом говорит молодец, — со мной батюшка нездоровый — вроде не в своём уме. Так смирный, тихий, а как услышит, что два раза одно и то же скажут, как лютый зверь становится, на людей кидается.

— Ладно, — хозяин отвечает, — буду знать и своим закажу.

Работник коней распряг, задал корм и помог попу слезть с воза.

Зашли в избу. Хозяева с опаской поглядывают на попа, помалкивают.

Подошло время к ужину, накрыли стол.

Хозяйка промолвила:

— Садитесь, гости, с нами хлеба-соли отведать. Работник сразу за стол, а поп ждёт, когда ещё раз попотчуют.

Хозяева другой раз не зовут, не смеют.

Сели ужинать. Сидит поп в сторонке, злится на себя: «Надо бы сразу за стол садиться».

Так и просидел весь ужин не солоно хлебавши.

Хозяйка убрала со стола, постелила попу с работником постель.

Молодец только голову на подушку уронил, сразу крепко уснул. И хозяева уснули.

А голодному попу не до сна.

Растолкал, разбудил работника:

— Ой, есть хочу, терпенья нет.

— А чего ужинать не стал?

— Думал, ещё попотчуют.

— Приметил я,— шепчет работник,—около печки на полке горшок с кашей, поди поешь.

Поп вскочил и через минуту снова будит работника:

— Горшок с кашей нашёл, а ложки нет.

Рассердился парень:

— Ну где я тебе ложку возьму! Засучи рукава и ешь рукой.

Поп от жадности сунул в горшок обе руки, а в горшке был горячий вар. Третий раз будит работника, трясёт горшком:

— Ох, мочи нет, руки горят и вынуть не могу.

— Беда с тобой,— парень ворчит.— Гляди, у стены точильный камень. Разбей горшок, и вся недолга.

Поп изо всех сил хватил горшком, только черепки полетели. В эту же минуту кто-то истошно завопил:

— Караул, убили!

Поп кинулся вон из избы.

Вся семья всполошилась, зажгли огонь и видят: у хозяина вся голова залита варом. Стонет старик.

Сыновья хозяина приступили к работнику:

— Зачем старика изувечили?

— Кто кого изувечил? И знать не знаю, и ведать не ведаю. А вот куда вы нездорового попа девали?

Хозяева — туда-сюда: и в сени и на сеновал. Всё обыскали — нигде нет попа.

— Вот видите,—работник говорит,—хозяин-то уж очухался, а попа нет. Люди вы справные, отпустите товару из лавки на сотню рублей — замнём дело, а не то в волость поеду, придётся вам в ответе быть.

Хозяева помялись, помялись, дали товару на сто рублей.

Молодец подарки прихватил, коней запряг и поехал домой.

Версту от деревни отъехал, глядь — из соломенного омёта поп вылезает:

— Боялся, что хозяева тебя не выпустят.

— Хозяина-то ведь не я, а ты убил,—работник отвечает,—тебе и в остроге сидеть. Кто меня держать станет?

— Так разве до смерти?

— А ты как думал? Сейчас за урядником поедут.

Поп руками всплеснул, трясётся весь:

— Ох, горе горькое! Неужто нельзя как-нибудь уладить?

— Уладить можно,—работник говорит,—я уж просил хозяев: мол, всё равно старика не оживишь.

— Ну и что?

— Да известно что: дорожатся.

— Я ничего не пожалею, всё отдам, только бы за-
мять дело!

— Просят пару коней да триста рублей денег. Ну,
и мне за хлопоты хоть сотню надо.

«Слава богу,— думает поп,— дёшево отделался».
Отвалил работнику четыре сотенки, отдал коней.

— Беги скорее, покуда не раздумали!

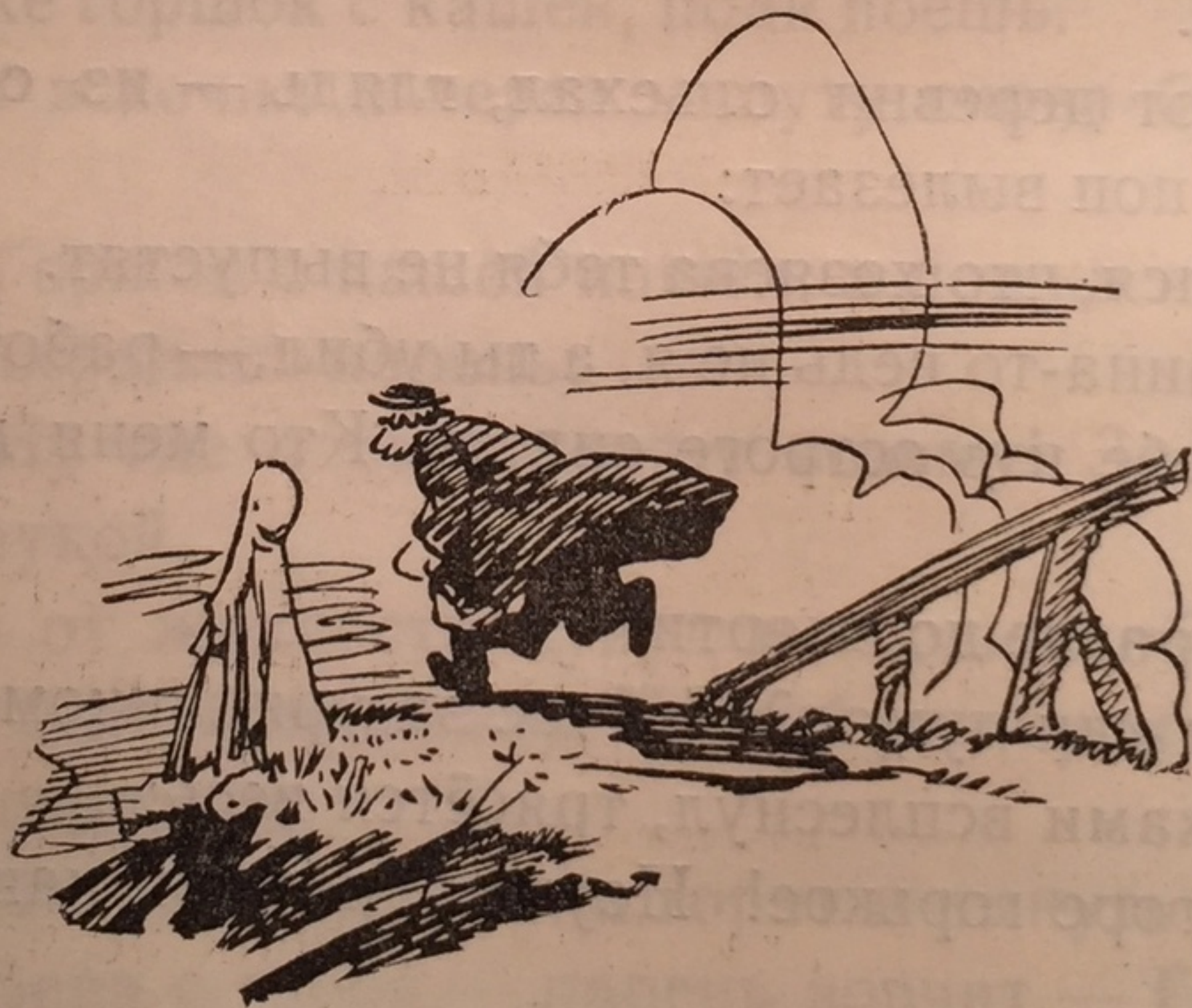
Работник отвёл коней на гумно, привязал, по-
мешкал там малое время, воротился к попу.

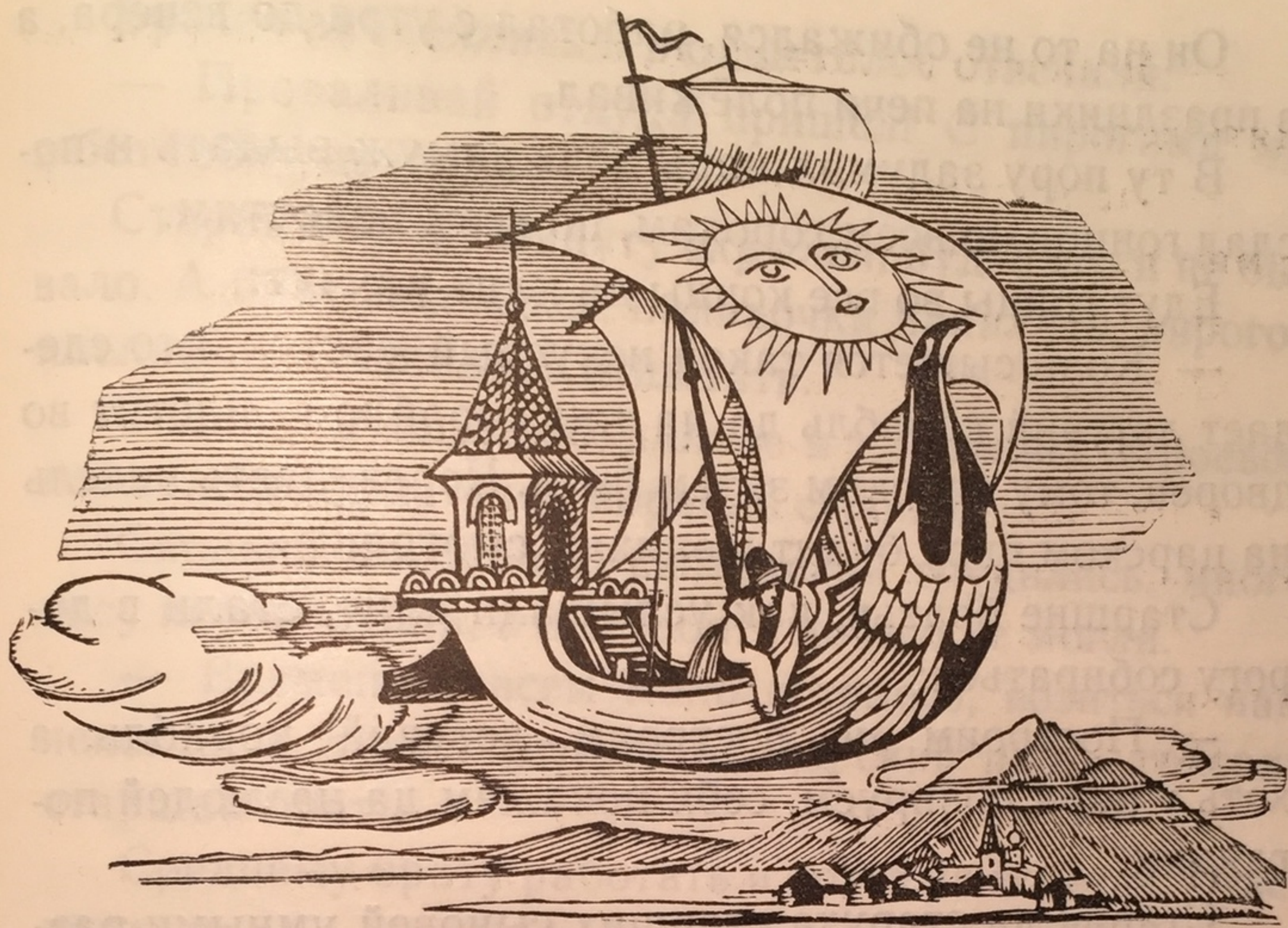
— Ступай домой, ничего не бойся, всё дело ула-
жено.

Поп пустился наутёк, от радости ног не чует.

А работник привёл отцу пару коней, отдал деньги.

И за себя и за братьев получил от попа сполна.

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Жили-были старик со старухой. Было у них три сына. Два старших ленивые: только и заботы — как бы принарядиться, попить-поесть сладко, поспать долго, а работа им и на ум нейдет. Младший брат, Иван, был тихий, смирный да работающий. Вставал раньше всех, а ложился последним. И с отцом в поле работал, и матери помогал по дому управляться, за гулянкой не гнался, пил-ел что придется, обновок не просил, а ходил в братниных обносках. Спал Иван на печи.

Братья над ним смеялись, дураком считали и прозвали Иваном Запечным. А вслед за братьями и соседи, да и отец с матерью над Иваном подсмеивались.

Он на то не обижался, работал с утра до вечера, а в праздники на печи полёживал.

В ту пору задумал царь дочь замуж выдать и послал гонцов по всем городам, по всем волостям.

Едут гонцы во все концы да клич кличут:

— Коли сыщется такой искусный мастер, кто делает летучий корабль да на том корабле прилетит во дворец, тому царским зятем быть. Через шесть недель на царском пиру будут женихам смотрины.

Старшие братья, как услышали клич, стали в дорогу собираться:

— Построим не построим летучий корабль, а хоть у царя попируем, себя покажем да на людей поглядим.

Старик да старуха старших сыновей умными-разумными почитали, души в них не чаяли и всё им позволяли. И в этот раз ни отец, ни мать слова поперёк не сказали, стали сыновей в путь снаряжать. Напекла мать подорожников и сладкой наливки дала. А отец раздобыл всё, что мастеровым людям надобно. Распростились братья с родителями и отправились в путь-дорогу.

Прошли вёрст десяток, старший брат и говорит:

— Лучше, чем здесь, мы строевого лесу не найдём. Давай деревья валить да летучий корабль строить.

— Поначалу надо выпить да закусить, а уж потом за дело приниматься,— отвечает средний брат.

И только успели братья присесть да котомки снять, как вдруг, будто из-под земли, вырос перед ними старый-престарый старик, чуть только на ногах держится:

— Покормите, добрые молодцы, меня, авось чем-нибудь пригожусь вам.

Братья засмеялись и в один голос отвечали:
— Проваливай откуда пришёл! С пирогами мы и без тебя управимся.

Старик в ту же минуту скрылся, будто его и не было. А братья сладкой наливочки напились, пирогов наелись и повалились отдыхать.

Спали, спали, пробудились и принялись строевой лес валить да летучий корабль строить.

Сколько ни бились, сколько ни трудились, много лесу перепортили, а выстроить ничего не могли.

— Времени совсем мало осталось, возиться нам некогда, а то не успеем на царский пир,— говорит старший брат.

Среднему брату работать и вовсе не хочется. Отвечает он:

— Напрасно только маялись. Слыханное ли дело, чтобы корабли летали! Пойдём пешком, ещё успеем в срок дойти.

Вскинули котомки и отправились в стольный город.

А в ту пору Иван Запечный просится у отца с матерью:

— Батюшка с матушкой, отпустите меня на царский пир!

Родители отговаривают:

— Лежи ты, Иван, на печи! Тебе ли на царский пир идти, как нету у тебя ни одёжи, ни обуви что, и сам ты весь в грязи да в золе!

А Иван своё твердит:

— Отпустите — пойду и не отпустите — пойду.

Мать с отцом рассердились, стали сына бранить:

— Ну, поди, поди, посмеши добрых людей! Пусть царевна потешится, на тебя, на жениха, глядя!

Сунула ему мать в котомку краюшку чёрствого хлеба, налила в туесок¹ воды ключевой.

Иван слез с печи, взял котомку и, как был, в старых штанах да в старой рубахе, так и пошёл.

Соседи смеются:

— Глядите-ко, глядите, Иван Запечный свататься к царю пошёл!

А молодец шёл, шёл и дошёл до того места, где старшие братья летучий корабль строили. Сел на пенёк. И вдруг, откуда ни возмись, словно гриб из земли вырос, стал перед ним старый-престарый старик — чуть только на ногах держится.

— Добрый человек, накорми, напои меня, старика, авось я тебе пригожусь.

— Рад бы я всей душой, дедушка, накормить, напоить тебя, да станешь ли ты пить-есть: ведь у меня только и есть, что чёрствый хлеб да вода, — проговорил Иван Запечный и стал снимать котомку.

— Спасибо, молодец, на ласковом слове! — сказал старик. — Доставай, что есть.

Иван той порой котомку развязал, глядит — и глазам не верит: что такое? Вместо чёрствой горбушки — мягкий пшеничный каравай, а вместо воды в туеске — мёд свежий, душистый. Глядит то на каравай да на мёд, то на старика взглянет, а старик усмехается:

— Угощай, молодец, гостя, да и себя не забывай.

Попили они, поели. Заговорил старик:

— Известно мне, куда ты путь держишь, и я тебе, чем могу, пособлю. Коли работы не боишься да за сном не гонишься, научу тебя, как летучий корабль построить.

¹ Туесок, туес — посуда из берёзовой коры.

Подал старик Ивану сумку:

— Тут есть всё, что нам понадобится. Пойдём, пора за дело приниматься, времени у нас совсем мало.

Выбрал старик в лесу три дерева:

— Вали эти деревья! Рассказать да показать я могу, а уж работать тебе одному придётся. Моё время ушло: худо руки гнутся и силы нет совсем.

Иван за дело принялся: три дня и три ночи рук не покладал и глаз не смыкал.

На исходе третьего дня старик говорит:

— Теперь отдохни, а я за отделку примусь.

Долго ли, коротко ли Иван спал-почивал, будит его старик:

— Вставай, добрый молодец, друг дорогой. Пора тебе в путь отправляться.

Открыл Иван глаза и видит: покачивается на якоре совсем готовый летучий корабль. Паруса на корабле шёлковые, мачты серебряные.

На прощание старик сказал:

— Всех, кого в пути-дороге настигнешь, зови себе в товарищи.

Поднялся Иван на корабль, и взвился корабль выше лесу стоячего, чуть пониже облака ходячего. Полетел добрый молодец на царский пир.

Летел близко ли, далёко ли, увидал внизу старика. Припал старик ухом к земле и лежит слушает.

— Чего ты, дедушка, слушаешь? — спрашивает Иван.

— Я — Слыхало и слушаю, собрались ли гости к царю на пир, — отвечает старик.

— Полетим со мной, Слыхало!

— Спасибо, а то я совсем притомился.

Летели долго ли, коротко ли, увидали внизу старика. Скачет старик по дороге на одной ноге, а другая нога у него подвязана.

— Чего ты, дедушка, скачешь на одной ноге? — спрашивает Иван.

— Иду я на царский пир, а коли другую ногу отвяжу, так боюсь, что проскачу мимо города. Я ведь самый скорый Скороход на свете.

— Садись к нам на корабль!

Сел Скороход, и стало их трое.

Летят и видят: стоит внизу на дороге старик и целится из ружья, а нигде ни птицы, ни зверя не видать.

— В кого ты, дедушка, целишься?

— А вот за тридевять земель, в тридесятом царстве сидит на суку птица глухарь, так хочу того глухаря в подарок царю подстрелить, — отвечает старик. — Я ведь Стреляло.

Тут стал его Иван звать:

— Садись на корабль, полетим на царский пир.

— Вот спасибо! — отвечает старик. — Мне как раз туда и надо попасть.

Поднялся старик на корабль, и стало их четверо.

Летели они близко ли, далёко ли и настигли ещё одного старика.

— Э, дедушка, куда идёшь, куда путь держишь, — спрашивает Иван, — и как тебя по имени звать-величать?

— Зовут меня Морозом Морозовичем, а куда иду да откуда, ты меня не спрашивай, не пытай. Лучше возьми меня на корабль, авось я тебе пригожусь.

— Садись, дедушка, садись! Полетим с нами на царский пир.

Сел Мороз Морозович на корабль, и в скором времени прилетели они в стольный город.

В городе народу видимо-невидимо собралось на царский пир — на смотрины женихов.

Увидали люди — летит корабль: паруса на корабле шёлковые, мачты серебряные — и закричали:

— Вот кто жених! Вот кому царским зятем быть!

Стали шапки вверх кидать.

Опустился летучий корабль прямо на царский двор.

Выбежали из покоев ближние бояре, за ними и сам царь с царицей, а вслед и царевна с няньками да с сенными девушками. Бегут жениха встречать.

Кинул Иван якорь, остановился корабль, покачивается. Стали с корабля спускаться Слыхало, Стреляло, Скороход да Мороз Морозович, а за ними и Иван Запечный спускается. Штаны на Иване — заплата на заплате, рубаха рваная, сам весь в стружках да в краске.

Спрашивают ближние бояре:

— А где жених? Кто летучий корабль построил?

Расступились старики, на Ивана указывают:

— Это он, Иван Запечный, такой летучий корабль построил.

Взглянула царица на жениха, всплеснула руками, слезами залилась, потом кинулась к дочери, стала царевну обнимать, заголосила:

— Охти мне тошнёхонько! Для кого мы нашу белую лебёдушку растили, берегли пуще глазу да нежили? Для неумытого мужика-деревенщины!

Вслед за царицей и царевна с мамками да с няньками завопили, заплакали.

Услыхал царь царицыны причитания и сам стал всхлипывать. Потом руками замахал, ногами затопал, бородой затряс, раскричался на сватов:

— Что вы надо мной насмехаетесь? Покажите настоящего жениха! Приведите того молодца, кто летучий корабль построил!

Тем временем народу набежало — глазом не окинуть. Все, кто на царский пир сошлись, съехались, и все горожане на летучий корабль да на Ивана глядят, глаз не сводят. А царь кричит:

— Ни в жизнь не поверю, чтобы мужик летучий корабль выстроил!

Старики расступились, на все четыре стороны поклонились, а царю да царице — в особицу:

— Корабль построил Иван Запечный, он и есть жених.

И весь народ закричал:

— Царское слово нерушимо: кто летучий корабль построил, тому и быть царским зятем!

Тут царевна ногой топнула:

— Не хочу за такого жениха замуж идти!

Услышала царица те речи, заплакала пуще прежнего. Мамка, нянька да сенные девушки подхватили её под руки и увели в терем.

А царь замолчал, грозный стоит. Потом рукой махнул:

— Ну, гости дорогие, видно, так тому и быть. Станем пир пировать да царевну к венцу справлять.

Сели гости за дубовые столы. Сидят, пируют. А царь с ближними боярами за особым столом: не пьют, не едят, думу думают.

— Как бы нам Ивана Запечного, мужика-деревенщину, со света сжить? И корабль летучий будет у меня, и убытку мне, царю, не будет: выберу себе зятя из знатного роду,— говорит царь.

Поднялся с места самый старый боярин, поклонился в пояс:

— Не вели, царь, меня, старика, казнить, позволь слово молвить!

— Говори, боярин, мы послушаем.

— Царь-государь, прикажи жениху достать за тридевять земель, в тридесятом царстве заморскую птицу и сроку дай один час. Коли не принесёт вовремя — через час ему голову отрубим.

Передали Ивану царский приказ.

— Не горюй, добрый молодец! — говорит Стреляло. — Я ту птицу застрелю, а Скороход за ней сбегает в полчаса — и всё дело справится.

С теми словами прицелился и выстрелил, а Скороход ногу отвязал и в ту же минуту скрылся из виду, будто ветром его сдуло.

Слыхало припал ухом к земле и говорит:

— Уже половину пути пробежал.

Через минуту снова послушал:

— Птицу поднял и обратно поворачивает.

А пир идёт своим чередом: гости пьют, едят, жениха с невестой похваляют, а иные уже и песни завели.

Иван с дружиной ждут. Вот уж час на исходе, а Скорохода нет и нет.

Тут Слыхало опять ухом к земле припал и говорит:

— Спит, такой-сякой, на полпути! Слышу, как храпит.

Схватил Стреляло ружьё, прицелился и выстрелил.

Через минуту прибежал Скороход, принёс заморскую птицу. Отдали птицу царю. А Скороход отдышался и говорит:

— Прибежал туда в один миг, взял птицу, а на обратном пути вздумал вздремнуть полчаса: всё равно, думаю, раньше срока приду. Да так крепко уснул, что коли бы сук с дерева не упал, не разбудил меня, так до вечера бы и проспал!

А царь, как узнал, что птицу Иван достал, в ярость пришёл, кинул корону оземь, разбушевался, кричит на бояр:

— Ступайте свиней пасти, коли не можете с мужиком совладать!

— Царь-государь, смени гнев на милость! — кланяются бояре. — Сживём мы со свету Ивана Запечного, не топтать ему больше зелёной травы! Есть у тебя баня. Прикажи ту баню натопить-накалить, а Ивану с дружиной вели там вымыться. Туда уйдут, назад не воротятся — заживо сгорят.

Двенадцать возов берёзовых дров сожгли, накалили баню — близко не подойти!

Позвал царь Ивана со стариками:

— Ну, зять наречённый, и вы, сваты дорогие, ступайте сегодня помыться, попариться. Завтра к венцу жениха с невестой поведём.

Заперли их в бане, а там такой жар, чтодохнуть нельзя.

Мороз Морозович дунул, плюнул в один угол да в другой, и сразу жар поубавился; дунул, плюнул в третий угол да в четвёртый и совсем баню остудил.

Прошло много ли, мало ли времени, посылает царь слуг:

— Ступайте соберите мужичьи кости да закопайте.

Царские слуги баню отворили — и глазам не верят: Иван со стариками живы-живёхоньки, сидят ругаются:

— Ну что за мытьё в такой бане, если все стены заиндевели, хоть тараканов морозь!

Слуги перепугались, кинулись прочь от бани.

Иван Запечный с полка соскочил:

— Эх, было бы у нас войско, показал бы я царю, как надо мной шутики шутить!

— За тем дело не станет, — Стреляло говорит. — Пойдём в поле.

Вышли на площадь, взмахнул Стреляло своим ружьём раз, другой и третий — и, откуда ни возмись, повалило войско конное и пешее. Идут полки, в барабаны бьют, «ура» кричат, из ружей палят.

Повёл Иван полки к царскому дворцу.

Увидал царь войско, а впереди Ивана со стариками, выбежал на красное крыльцо, ногой топнул, руками всплеснул:

— Ох, видно, беды не миновать — надо дочь с мужиком обвенчать, что станешь делать! Ну, да не я буду, коли это бесчестье позабуду. Впереди времени много — изведу я его.

Слыхало те речи подслушал, пересказал Ивану Запечному и прибавил:

— Смотри, на уговоры да на ласковые слова не поддавайся, а то изведёт тебя царь.

— Сам вижу, что у него на уме. Не туда я пошёл невесту искать! Сам теперь вижу, как надобно с царём разговаривать.

В ту пору войско к самым воротам подступило. Выбежал царь навстречу, сам ласковый да приветливый:

— У нас всё готово, только жениха дожидаемся.
Давно пора к венцу ехать.

Усмехнулся Иван Запечный и говорит:

— Пошутил со мной — и будет. Убирайся из нашего царства подобру-поздорову, чтобы и духу царского здесь не было!

Прогнал Иван Запечный царя с боярами и сам стал тем царством править.

В праз
ведут разг
Подош
хвалиться
— Я т
А сам
— Эко
коли я за
— Чт
не поверн
— А
— Не
Даль
— Об
го да кар
у тебя за

КАК БЕДНЯК С БАРИНОМ ОБЕДАЛ

В праздничный день сидят мужики на завалинке, ведут разговор о своих делах.

Подошёл к ним деревенский лавочник и стал похваться:

— Я то, да я сё, я вот у барина в горнице бывал. А самый бедный мужик сидит да посмеивается:

— Экое диво — у барина в горнице побывать! Да коли я захочу, так и пообедаю у барина.

— Чтобы ты да у барина пообедал — ни в жизнь не поверю! — кричит богатей.

— А вот пообедаю с барином!

— Нет, не пообедаешь!

Дальше — больше, бедный мужик и говорит:

— Об заклад бьюсь, что пообедаю. Ставь вороного да карего, а коли не пообедаю с барином — три года у тебя за спасибо отработаю.

Обрадовался лавочник:

— Ставлю, ставлю вороного и карего да в придачу ещё и тёлку даю, при свидетелях говорю!

Ударили по рукам, при свидетелях дело было.

Пошёл бедняк к барину.

— Хочу твою милость спросить: что стоит такой слиток золота, как вот моя шапка?

Барин ничего не ответил. Хлопнул в ладоши:

— Живо подайте нам с мужичком выпить и закусь и обед подавайте! Садись, садись, не стесняйся, пей, ешь, чего душа пожелает!

Угостил барин бедняка, словно гостя дорогого, а сам дрожмя дрожит, охота золотой слиток к рукам прибрать.

— Ступай, мужичок, тащи сюда поскорее твой слиток, я тебе за него пуд муки дам да денег полтину.

— Да у меня и нет никакого золота! Я только спросил, сколько стоит такой слиток золота, как моя шапка.

Рассердился барин:

— Пошёл вон, дурак!

— Ну какой же я дурак, коли ты сам меня так употчевал, как самого дорогого гостя, да ещё и с лавочника за этот обед пару коней да тёлку получу.

И пошёл мужик веселёхонек.

Жили-были
зверя пром
они прожи
сетует:
— Век
вали, цвет
нету. Кто н

ИВАН МЕНЬШОЙ — РАЗУМОМ БОЛЬШОЙ

Жили-были старик со старухой. Старик птицу да зверя промыслял — тем и кормились. Много годов они прожили, а добра не нажили. Тужит старуха, сетует:

— Век свой промаялись, сладко не едали, не пивали, цветного платья не нашивали! И детей у нас нету. Кто нашу старость покоить станет?

— Не горюй, старуха! — утешал старик старуху. — Пока руки гнутся да ноги носят, сыты будем, а вперёд не станем загадывать.

Сказал так старик и с тем на охоту ушёл.

Ходил, ходил старик по лесу с утра день до вечера — не привелось ему заполевать ни птицы, ни зверя. Не хотелось без добычи домой идти, да что станешь делать? Солнышко на закате — надо домой попадать.

Только тронулся в обратный путь, как вдруг совсем рядом захлопала крыльями и поднялась из-под куста большая птица невиданной красоты.

Пока старик ружьё прилаживал, улетела птица.

«Видно, и та не моя была!»

Заглянул под куст, откуда птица поднялась, а там в гнезде тридцать три яйца.

«Попользуюсь хоть этим добром».

Подтянул кушак, уложил все тридцать три яйца за пазуху и пошёл домой.

Шёл да шёл — стал у него кушак слабнуть. И стали яйца из-за пазухи одно за другим выпадать.

Как яйцо выпадет — так молодец выскочит. Как яйцо выпадет — так молодец выскочит. Тридцать два яйца выпали — тридцать два молодца выскочили!

В то время старик кушак подтянул — и осталось тридцать третье яйцо за пазухой. Сам оглянулся — и глазам не верит: идут следом тридцать два молодца. Все в одно лицо, рост в рост, волос в волос. И заговорили все в один голос:

— Коли сумел нас найти — ты теперь нам отец, а мы твои дети. Веди нас домой!

«Не было у нас со старухой никого, — думает старик, — а тут сразу тридцать два сына!»

Пришли домой. Старик говорит:

— Всё ты, старуха, горевала да плакала, что детей нету. Вот тебе тридцать два сына, тридцать два молодца. Собирай на стол да корми ребят!

И рассказал ей, как детей нашёл.

Старуха стоит, слова вымолвить не может. Постояла, постояла, руками всплеснула и кинулась стол накрывать. А старик кушак распоясал, стал кафтан снимать — и тут выпало из-за пазухи тридцать третье яйцо, выскочил оттуда тридцать третий молодец.

— Ты откуда взялся?

— Я тоже твой сын, Иван Меньшой.

Вспомнил старик:

— А и правда, ведь было в гнезде тридцать три яйца. Садись, Иван Меньшой, ужинать!

Не успели тридцать три молодца за стол сесть, как сразу все старухины запасы приели и вышли из-за стола ни сыты, ни голодны.

Ночь переночевали. Поутру говорит Иван Меньшой:

— Сумел ты, отец, нас найти, сумей и работу дать.

— Да какую я, ребятушки, работу дам? Мы со старухой не сеем, не пашем, ни сохи, ни лошади — никакого обзаведения у нас нету.

— Ну, на нет и суда нет, — отвечает Иван Меньшой. — Пойдём в люди работу искать. Ты, отец, в кузницу поди, закажи тридцать три косы.

Покуда старик в кузнице был, косы ковал, Иван Меньшой с братьями сделали тридцать три окосья да тридцать три грабли. Отец воротился из кузницы. Иван Меньшой раздал братьям косы да грабли:

— Пойдём работу искать. Денег заработаем, ста-

нем своё хозяйство заводить да отца с матерью по-
коить.

Простились братья с родителями и отправились в
путь-дорогу. Шли они близко ли, далёко ли, долго ли,
коротко ли, показался впереди большой город. Едет
из того города царский дворецкий. Поравнялся с ни-
ми и спрашивает:

— Эй, молодцы, с работы или на работу? Коли на
работу, пойдём со мной, дело дам.

— Что у тебя за дело? — спрашивает Иван Мень-
шой.

— Дело нехитрое, — отвечает дворецкий, — надо
траву на царских заповедных лугах выкосить, высу-
шить, в копны сгрести да в стога сметать. Кто тут у
вас за старшего?

Все молчат. Вышел Иван Меньшой:

— Веди, показывай работу.

Привёл их дворецкий на царские заповедные
луга:

— Управитесь ли в три недели?

Ответил Иван Меньшой:

— Ведро постоит — и в три дня справимся.

Обрадовался дворецкий:

— Приступайте, молодцы, к делу! Платой не оби-
жу, а харчи какие надо, такие и стану давать.

Иван Меньшой говорит:

— Изжарь нам только тридцать три быка, вина
поставь тридцать три ведра да хлеба дай по калачи-
ку на брата, и больше нам ничего не надо.

Царский дворецкий уехал. Братья косы наточили
и так принялись помахивать, только свист стоит. По-
шло дело споро: к вечеру всю траву скосили. Тем вре-
менем из царской поварни привезли тридцать три

быка жареных, тридцать три калачика хлеба да тридцать три ведра зелена вина. Братья по полведра вина выпили, по полкалачика да по полбыка съели и повалились отдыхать.

На другой день, как только солнышко обогрело, стали траву сушить да в копны сгребать, а к вечеру всё сено в стога посметали, опять по полведра вина выпили, по полкалачика да по полбыка съели. Послал Иван Меньшой одного брата на царский двор:

— Скажи, пусть идут работу принимать.

Воротился брат, за ним дворецкий идёт, а вслед и сам царь приехал на заповедные луга. Стога царь пересчитал, по лугам походил — нигде стоячей травинки не нашёл и говорит:

— Ну, ребятушки, сумели вы скоро и хорошо мои заповедные луга выкосить, траву высушить да сено в стога сметать! За это хвалю и сверх всего жалую сто рублей денег да бочку-сороковку вина. А теперь сумейте сено устеречь. Повадился кто-то каждый год на этих лугах сено поедать, и никак того вора уследить не можем.

Иван Меньшой говорит:

— Отпустите, царское величество, моих братьев домой, а сено я один стану караулить.

Царь перечить не стал. Братья пошли на царский двор, деньги получили, выпили винца, поужинали и отправились домой родителей покоить.

Иван Меньшой воротился на царские заповедные луга. По ночам не спит, сено караулит, а днём на царскую поварню пить-есть ходит, там и отдыхает.

Осень пришла, стали ночи длинные да тёмные. Иван Меньшой с вечера на стог забрался, в сено зарылся, лежит не спит. В самую полночь вдруг всё кругом

осветилось, будто солнышко засияло. Вскинул Иван Меньшой глаза и видит: выскочила из моря кобылица-златогривица и кинулась прямо к стогу. Кобылица бежит, под ней земля дрожит, золотая грива развевается, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит.

Прибежала и стала сено поедать. Караульный изловчился, вскочил ей на спину. Кинулась кобылица-златогривица прочь от сена и понеслась по царским заповедным лугам. Сидит Иван Меньшой, левой рукой за гриву держится, а в правой ремённая плеть у него. Той плетью кобылицу-златогривицу бьёт и правит во мхи да в болота.

Носилась, носилась она по мхам, по болотам, по брюхо в топи увязла и остановилась, заговорила:

— Ну, Иван Меньшой, умел ты меня поймать, умел на мне усидеть, да умел и укротить! Не бей меня, не мучь больше — стану тебе верно служить.

Привёл Иван Меньшой кобылицу-златогривицу на царский двор, запер в конюшню, а сам пошёл на поварню, спать повалился.

На другой день говорит царю:

— Ваше царское величество, я узнал, кто на твоих заповедных лугах сено поедал, и вора изловил. Пойдём, погляди.

Увидал царь кобылицу-златогривицу, обрадовался:

— Ну, Иван, хоть ты и меньшой, да разумом большой! А за верную службу жалую тебя старшим конюхом.

С той поры и прозвали молодца: Иван Меньшой — разумом большой.

Заступил он на царскую конюшню. Ночей не

спит — коней холит. Стали царские кони тельные, гладкие, шерсть, как шёлк, блестит, гривы да хвосты расчёсанные, пушистые: любо-дорого посмотреть.

Царь за то хвалит не нахвалится:

— Молодец Иван Меньшой — разумом большой, эдакого конюха у меня век не бывало!

А старым конюхам завидно:

— Поставили над нами мужика-деревенщину! Ему ли на царской конюшне старшим быть!

И стали худое замышлять. А Иван Меньшой — разумом большой своё дело правит, беды над собой не чует.

В ту пору забрёл на царский двор старый ярыга¹, кабацкий дух, просит конюхов:

— Поднесите, ребятушки, опохмелиться, со вчерашнего голова болит! Я за это вас на ум наставлю, научу, как старшего конюха извести.

Конюхи с радостью поднесли стаканчик винца.

Опохмелился ярыга и заговорил:

— Нашему царю до смерти охота достать гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна. Много добрых молодцев ездило волей, а больше того — неволей, те диковины добывать, да никто назад не воротился. Вот и скажите царю: хвалился-де Иван Меньшой — разумом большой, будто это дело ему нипочём сделать. Царь его пошлёт, а назад он не воротится.

Конюхи ярыгу поблагодарили, поднесли ему ещё стаканчик винца и пошли к царскому красному крыльцу; стоят под окнами, переговариваются. Царь их увидал, вышел из покоев и спрашивает:

¹ Ярыга, ярыжка — старинное название низшего полицейского служителя для рассылки и исполнения разных приказаний.

— О чём, молодцы, разговариваете, чего вам надо?

— Да вот, царь-государь, старший конюх Иван Меньшой — разумом большой похваляется: «Знаю я, как достать гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна». Мы тут и спорим: кто скажет — достанет, а кто говорит, что он пустым хвалится.

Как услышал царь такие речи — весь с лица сменился. Руки, ноги дрожат, сам думает: «Кабы мне эти редкости заполучить, все бы цари стали мне завидовать! Сколько народу посылал — никто назад не воротился». И в ту же минуту приказал старшего конюха кликнуть.

Увидал его и сразу кричит:

— Не мешкай, поезжай — привези гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна!

Отвечает Иван Меньшой — разумом большой:

— Да что ты, ваше царское величество! Я про них и слыхом не слыхал! Куда я поеду?

Царь рассердился — корону набок сдвинул, ногой топнул:

— Ты что тут вздумал разговоры разговаривать, моему царскому слову супротивиться! Коли достанешь — награжу, а не достанешь — на себя пеняй: мой меч — твоя голова с плеч!

Пошёл Иван Меньшой — разумом большой от царя невесел, буйную голову повесил. Стал седлать кобылицу-златогривицу. Она спрашивает:

— Что, хозяин, печальный? Или беда приключилась?

— Как же мне весёлому быть? Царь велел добыть гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна, а я про них и слыхом не слыхал.

— Ну, то небольшая беда,— говорит кобылица-златогривица.— Садись, да поедem к Яге Ягишне — узнаем, где добывать те диковины.

Иван Меньшой — разумом большой в путь-дорогу собрался. Только и видели, как он на кобылицу-златогривицу садился, а никто не видел, как добрый молодец со двора укатил.

Ехал он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли, заехал в глухой лес, такой тёмный — свету белого не видать. Кобылица-златогривица отошала, и сам притомился. Выехал на поляну и видит: стоит избушка на курьей лапке, на веретённой пятке, с востока на запад поворачивается. Подъехал ближе и заговорил:

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать — одну ночку переночевать.

Избушка повернулась к нему передом. Привязал молодец кобылицу-златогривицу, на крыльцо взбежал, дверь на пятау размахнул. Сидит в избушке баба-яга, костяная нога, нос у ней в потолок врос, возле ступа да пест стоят.

Увидала Яга Ягишна гостя и говорит:

— Давно русского духа не слыхала, а тут русский дух сам ко мне пожаловал! Сказывай, молодец, зачем приехал?

— Что ты, бабушка, неласково гостя встречаешь, выпрашиваешь у холодного да голодного! У нас на Руси дорожного человека сперва накормят, напоят, в бане попарят да спать уложат, а потом станут выпрашивать.

Тут баба-яга спохватилась:

— Ох, добрый молодец, не взыщи, у нас — не

у вас, прости меня, старуху! Всё дело справим, как надо.

И принялась хлопотать. Собрала на стол, накормила, напоила гостя, потом баньку вытопила. Напарился, намылся Иван Меньшой — разумом большой. Баба-яга постель постелила, уложила его спать, а сама села к изголовью, стала спрашивать:

— Скажи, добрый молодец: по доброй воле сюда заехал или неволя тебя пригнала и куда ты путь держишь?

Отвечает гость:

— Велел мне царь достать гусли-самоигры, гусак-плясуна да кота-игруна. Кабы ты мне, бабушка, сказала, где их найти, век бы твоё добро помнить стал!

— Ох ты, дитяtko, знаю я, где те диковины, да взять их трудно! Много туда добрых молодцев езживало, да назад ни один не воротился.

— Ну, бабушка, чему быть — того не миновать, а ты пособи моему горю, Расскажи, куда мне ехать.

— Жалко мне тебя, дитя, да делать нечего, надо тебе пособить. Ты свою кобылицу-златогривицу у меня оставь, будет она в сохранности. И вот тебе клубочек. Завтра, как выйдешь, кинь его наземь — куда клубочек покатится, туда и ты ступай. Приведёт он тебя к моей средней сестре. Ты клубочек покажи — и она тебе всё расскажет, переправит к старшей сестре и всем, чем может, пособит.

На другой день разбудила гостя ни свет ни заря, накормила, напоила, на двор проводила. Иван Меньшой — разумом большой поблагодарил бабу-ягу, распрощился и отправился в путь-дорогу. Сказка скоро сказывается, да не так скоро дело делается. А клубок

всё вперёд да вперёд катится, вслед за ним молодец подвигается.

Шёл день и другой, на третий день подкатился клубок к избушке на воробьиной лапке, на веретённой пятке и тут остановился.

— Повернись, избушка, ко мне передом, а к лесу задом! — сказал молодец.

Избушка повернулась, и поднялся молодец на крыльцо.

Встретила его хозяйка неласково:

— Давно я русского духу не слыхала, человеческого мяса не едала, а тут человек ко мне сам пришёл! Чего тебе надо, говори!

Подавал ей Иван Меньшой — разумом большой клубок. Баба-яга взглянула на клубок, руками всплеснула:

— Ох, да ты не чужой, а гость дорогой! Тебя моя меньшая сестра ко мне отправила? Так бы ты и сказал!

И забегала, захлопотала. Стол накрыла, всяких кушаньев да вин наставила, стала гостя потчевать:

— Пей, ешь досыта да повались отдохни, а потом и о деле станем толковать.

Иван Меньшой — разумом большой напился, наелся, повалился отдыхать, а баба-яга, середняя сестра, села к изголовью, стала выпрашивать. Рассказал ей гость, кто он да откуда и по какому делу идёт путём-дорогой. Баба-яга говорит:

— Не дальний тебе путь лежит, да не знаю, как ты жив останешься. Гусли-самоигры, гусак-плясун да кот-игрун — у нашего племянника Змея Горыныча. Много туда добрых молодцев прошло, а назад

никто не воротился: всех погубил Змей Горыныч. Он сын нашей старшей сестры. Надо попросить, чтобы старшая сестра помогла, а то не быть тебе живому. Пошлю к ней сегодня ворона — птицу вещую, пусть сестру упредит. А ты покуда спи-отдыхай, завтра рано разбужу.

Ночь добрый молодец проспал, поутру раненько встал, умылся. Покормила его баба-яга и дала красный шерстяной клубочек. Вывела на тропинку, и тут они распрощались. Клубок покатился, Иван Меньшой — разумом большой вслед пошёл.

Вот он идёт и идёт: от утренней зари до вечерней, от вечерней — до утренней. Притомится, возьмёт клубок в руки, посидит, съест сухарик, воды ключевой напьётся и продолжает путь-дорогу.

На третий день к вечеру остановился клубок у большого дома. Стоит тот дом на двенадцати столбах, на двенадцати камнях. Вокруг дома высокий чашокол.

Пёс залаял — и выбежала на крыльцо баба-яга, старшая сестра; пса уняла, сама говорит:

— Знаю, всё знаю про тебя, добрый молодец: прилетел ко мне от средней сестры ворон — птица вещая. Как-нибудь твоему горю-нужде помогу. Проходи в горницу да садись с дороги попить-поесть.

Накормила гостя, напоила:

— Теперь тебе надо ухорониться. Скоро мой сынок, Змей Горыныч, прилетит, голодный да сердитый. Как бы он не сглонул тебя...

Отворила погребицу:

— Полезай в подполье, сиди там, покуда не позову.

Только успела подполье закрыть, как всё кругом зашумело, загремело. Двери размахнулись, и влетел Змей Горыныч — весь дом ходуном заходил.

— Чую, русским духом пахнет!

— Что ты, сынок, где тут русскому духу быть, как уж сколько годов серый волк не прорыскивал, ясный сокол не пролётывал! Ты по свету летал, там русского духу и набрался.

А сама хлопочет, на стол собирает. Вытянула из печки жареного быка, поставила ведро вина. Выпил Змей Горыныч вино, быком закусил — стало ему повеселее.

— Эх, мать, с кем бы мне позабавиться? Хоть бы в карты в дурака сыграть!

— Нашла бы я, сынок, с кем тебе позабавиться, в дурака сыграть, да боюсь, как бы ты чего худого не сделал.

— Зови, мать, не бойся! Никому вреда не сделаю. До смерти охота мне потешиться, поиграть!

— Ну, помни, сынок, своё обещание! — молвила баба-яга и отворила погребицу: — Подымись, Иван Меньшой — разумом большой, уважь хозяина — поиграй в карты.

Сели за стол. Говорит Змей Горыныч:

— Станем играть так: кто кого обыграет, тот того и съест.

Всю ночь играли. Баба-яга гостю помогала, и к утру, к свету, Иван Меньшой — разумом большой обыграл Змея Горыныча, оставил в дураках.

Стал тот просить:

— Погости, молодец, у нас! Вечером, как вернусь домой, ещё поиграем: хочу я отыграться.

Змей Горыныч улетел, а Иван Меньшой — разу-

мом большой выпался вволю. Баба-яга накормила его, напоила.

Вечером Змей Горыныч воротился, съел трёхлетка быка жареного, выпил вина полтора ведра и говорит:

— Ну, теперь сядем играть — стану отыгрываться.

Сидят играют, а Змей Горыныч ту ночь не спал да день по свету летал — притомился, нашла на него дремота. Иван Меньшой — разумом большой да баба-яга опять его обыграли, оставили другой раз в дураках. Говорит Змей Горыныч:

— Надо мне сейчас лететь, свои дела справлять, а вечером в третий раз сыграем.

Иван Меньшой — разумом большой отдохнул, выпался, а Змей Горыныч две ночи не спал да весь белый свет облетел, усталый воротился. Съел жареного быка, выпил два ведра вина, зовёт гостя:

— Садись, молодец, стану отыгрываться!

А сам сидит дремлет. И скоро его добрый молодец третий раз обыграл, в дураках оставил.

Перепугался Змей Горыныч, пал на колени, взмолился:

— Ох, добрый молодец, не губи, не ешь меня! Я тебе какую хочешь службу сослужу.

И матери в ноги повалился:

— Мама, уговори гостя меня в живых оставить!

А Ивану Меньшому — разумом большому только того и надо:

— Ладно, Змей Горыныч, обыграл я тебя три раза. Коли отдашь мне три диковинки: гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна, — на том мы и поладим.

Змей Горыныч засмеялся, кинулся обнимать гостя да бабу-ягу:

— Отдам, отдам все три диковины! Я себе ещё лучше достану.

Задал Змей Горыныч пир на весь мир. На том пиру доброго молодца потчевал, братом называл. Потом сам вызвался:

— Чем тебе, гостенёк, пешим добираться и гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна нести, я тебя в одночасье куда надо унесу!

— Вот, сынок, хорошо! — говорит баба-яга. — Отнеси гостя к моей младшей сестре, твоей тётке, а на обратном пути среднюю сестру проведай — давно ты у них не бывал.

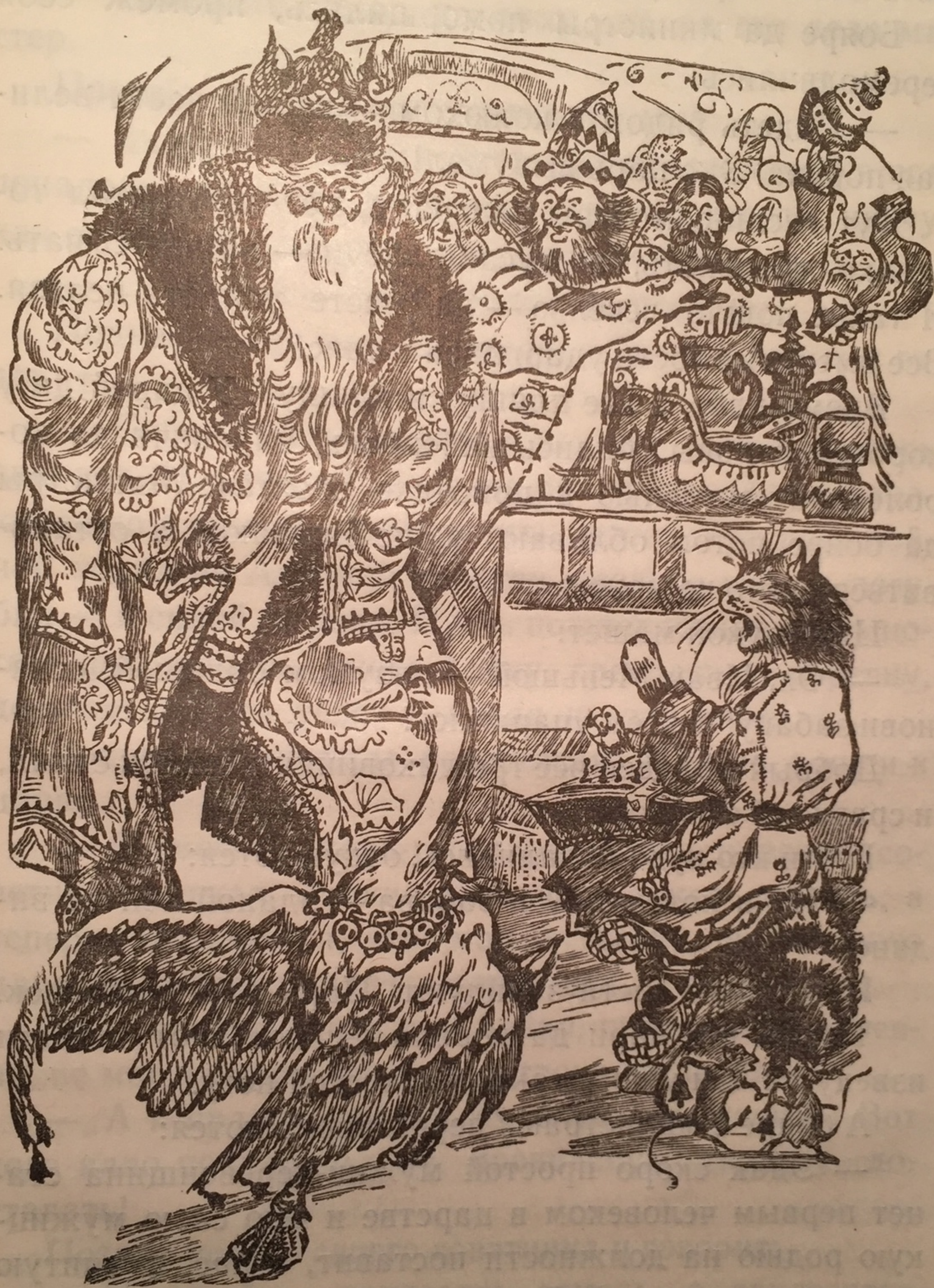
Пир отпировали. Взял Иван Меньшой — разумом большой свои диковинки, с бабой-ягой простился. Подхватил его Змей Горыныч и взвился под облака. Часу не прошло, как спустился Змей Горыныч возле избышки младшей бабы-яги. Хозяйка на крыльцо выбежала, с радостью гостей встретила.

Иван Меньшой — разумом большой мешкать не стал. Оседлал свою кобылицу-златогривицу, с бабой-ягой, младшей сестрой, да со Змеем Горынычем распрощался и отправился в своё государство.

Привёз все диковинки в целости-сохранности, а у царя в ту пору сидели в гостях три царя с царевичами, три короля с кёролевичами да министры с боярами.

Добрый молодец зашёл в горницу и подал царю гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна. Обрадовался царь:

— Ну, Иван Меньшой — разумом большой, сумел ты мне эдакую службу сослужить! Я хвалю за то и

жалую. Был ты старшим конюхом, а теперь тебе быть моим царским советником.

Бояре да министры поморщились, промеж себя перемолвились:

— Сидеть рядом с конюхом — нашей чести великая поруха! Эко царь выдумал!

Тут гусли-самоигры заиграли, кот-игрун стал тоненько тренькать, а гусак-плясун — приплясывать. И такое пошло веселье — на месте усидеть нельзя. Все именитые гости ударились в пляс.

Время идёт, а все пляшут и пляшут. У царей да у королей короны сбились набекрень, царевичи да королевичи каруселью в присядке носятся. Министры да бояре потом обливаются, поёйкивают, а остановиться никто не может.

Царь рукой машет:

— Ох, Иван Меньшой — разумом большой, останови забаву: совсем упарились!

Добрый молодец все три диковинки в мешок склал, и сразу всё стихло.

Гости кто куда повалились, отдуваются:

— Ну и потеха, ну и забава — эдакой век не видано!

Иноземные гости завидуют. Царь рад-радёхонек.

Теперь все цари да короли узнают и от зависти изведутся. Ни у кого таких редкостей нету.

А бояре с министрами переговариваются:

— Эдак скоро простой мужик-деревенщина станет первым человеком в царстве и всю свою мужицкую родню на должности поставит, а нас, именитую знать, со света сживёт, коли мы от него не избавимся.

На другой день собрались министры с боярами,

сидят думают, как нового царского советника извести. Один старый князь присоветовал:

— Позовите ярыгу-пьяницу, он на эти дела мастер.

Пришёл ярыга-пьяница, поклонился:

— Знаю, господа министры да бояре, зачем я вам понадобился! Коли полведра вина поставите, научу, как от нового царского советника избавиться.

— Сказывай — за наградой не постоим.

Поднесли для начала чарочку. Выпил ярыга и говорит:

— Сорок годов прошло с тех пор, как наш царь овдовел. И с той поры много раз сватал Алёну, прекрасную царевну, да высватать не мог. Три раза войной ходил на Алёнино царство, сколько войска погубил — и силой не взял. Пусть пошлёт Ивана Меньшого — разумом большого Алёну, прекрасную царевну, добывать. Туда уедет — назад не воротится.

Бояре да министры повеселели. Наутро пошли к царю:

— С умом ты, царь-государь, нового царского советника сыскал. Этакое диковины сумел достать, а теперь похваляется, что может Алёну, прекрасную царевну, похитить да сюда привезти.

Как услышал царь про Алёну, прекрасную царевну, не мог на месте усидеть, с трона соскочил:

— А и правда, совсем из головы выскочило! Вот кого надо послать Алёну, прекрасную царевну, доставать!

Позвал нового своего советника и говорит:

— Поезжай за тридевять земель, в тридесятое царство, привези мне невесту Алёну, прекрасную царевну!

Иван Меньшой — разумом большой отвечает:

— Ваше царское величество, Алёна, прекрасная царевна, — не гусли-самоигры, не гусак-плясун и не кот-игрун: царевну в мешок не сунешь. Да, может, она и ехать не захочет сюда!

Царь ногами затопал, руками замахал, бородой затряс:

— Не перечь мне! Я знать ничего не знаю — как умеешь, так и доставай! Привезёшь невесту Алёну, прекрасную царевну, — дам тебе город с пригородком и министром поставлю, а не привезёшь — велю голову отрубить!

Вышел Иван Меньшой — разумом большой от царя в печали, в большом раздумье. Стал кобылицу-златогривицу седлать, а она спрашивает:

— Чего, хозяин, задумался? Или какая беда-невзгода над тобой?

— Беды большой нету, да и радоваться нечему. Посылает царь невесту Алёну, прекрасную царевну, доставать. Сам три года сватался — не высватал, три раза войной ходил — достать не мог, а меня одного посылает.

— Ну, тут беды большой нет, — молвила кобылица-златогривица. — Я помогу, и как-нибудь дело справится.

Иван Меньшой — разумом большой недолго снаряжался, а скорее того в дорогу отправлялся. Только и видели, как в седло садился, а никто не видал, как со двора молодец укатил.

Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли и приехал в тридесятое царство. Стоит на пути высокая ограда. Кобылица-златогривица легко через ограду перескочила — и очутился молодец в цар-

ском заповедном саду. Говорит кобылица-златогривица:

— Я обернусь красивой яблоней с золотыми яблоками, а ты повались возле меня и ухоронись. Завтра выйдет Алёна, прекрасная царевна, в сад погулять, и захочется ей золотое яблочко сорвать. Подойдёт близко — ты не зевай, хватай царевну, а я буду наготове. Ни минуты не мешкай, садись с царевной на меня. Коли оплошаешь — ни тебе, ни мне в живых не быть!

На другой день утром вышла Алёна, прекрасная царевна, в заповедный сад погулять. Увидала яблоню с золотыми яблоками и крикнула своим мамкам, нянькам да сенным девушкам:

— Ах, какая яблоня красивая! И яблоки золотые!.. Стойте тут, ждите меня, я сбегаю яблочко сорву.

Только подбежала, как, откуда ни возьмись, вскочил Иван Меньшой — разумом большой, ухватил Алёну, прекрасную царевну, за руки. И в ту же минуту яблоня обернулась кобылицей-златогривицей. Бьёт кобылица-златогривица копытами, торопит. Вскочил добрый молодец в седло и Алёну, прекрасную царевну, подхватил. Тут только мамки, няньки да сенные девушки их и видели. Подняли они крик. Сбежались караульные, а Алёны, прекрасной царевны, и след простыл. Царь узнал, нарядил погоню: во все стороны верховых послал. На другой день все воротились с пустыми руками, только коней загнали, а похитника никто и в глаза не видал.

Иван Меньшой — разумом большой той порой много земель проехал, много рек да озёр позади оставил.

Первое время Алёна, прекрасная царевна, отбивалась, супротивилась, потом затихла, заплакала. Поплачет да на доброго молодца взглянет, поплачет да взглянет. На другой день заговорила:

— Сказывай, кто ты есть? Из какой земли, из какой орды? Чьих родов сын и как тебя звать-величать?

— Зовут меня Иваном Меньшим, а прозывают разумом большим. Сам я из такого-то царства, крестьянский сын.

— Скажи, Иван Меньшой — разумом большой, для себя ли ты похитил меня или по чьему приказу?

— Велел мне доставить тебя наш царь.

Алёна, прекрасная царевна, руки заломила и крикнула:

— Да ни в жизнь я за такого старого замуж не пойду! Он три года сватал — не высватал, три раза наше царство воевал — ничего добиться не мог, только войско потерял. И теперь не видать ему меня как своих ушей!

Доброму молодцу те речи по душе пришлись. Ничего ей не сказал, а про себя подумал: «Вот кабы мне такая жена досталась!»

И тут в скором времени показалась своя земля. Старый царь все дни от окна не отходил, всё на дорогу поглядывал, ждал, когда покажется Иван Меньшой — разумом большой.

Добрый молодец ещё к городу подъезжал, а царь уж на красном крыльце дожидался. И не успел на царский двор заехать, как сбежал царь с крыльца, Алёну, прекрасную царевну, с седла снимал, за белые руки брал, сам говорит:

— Сколько годов я сватов засылал и сам сва-

таться приходил — всё отказывалась, а теперь уж придётся со мной под венец идти!

Усмехнулась Алёна, прекрасная царевна:

— Ты бы, царское величество, мне с дороги хоть отдохнуть дал, а уж потом о свадьбе разговор завёл.

Царь засуетился, захлопотал, позвал мамок, нянек да сенных девушек:

— Готов ли терем для дорогой гостьи?

— Всё давно приготовлено.

— Ну вот, принимайте свою будущую царицу. Всё, что скажет, исполняйте, чтобы ни в чём ей отказу не было! — приказал царь.

Мамки, няньки да сенные девушки увели Алёну, прекрасную царевну, в терем. А царь Ивану Меньшому — разумом большому говорит:

— Молодец, Ваня! За эдакую службу быть тебе моим главным министром! И жалую тебя ещё тремя городами с пригородками.

День ли, два ли прошло — не терпится старому царю, охота поскорее свадьбу сыграть. Спрашивает у Алёны, прекрасной царевны:

— На какой день станем гостей звать, когда поедем венчаться?

Отвечает царевна:

— Как я стану венчаться, коли нету моего обручального перстня да свадебной кареты!

— Ну за этим дело не станет, — говорит царь. — Колец да карет в нашем царстве хоть отбавляй. Есть из чего выбрать, а уж коли ничего по нраву не найдёшь, пошлём гонца в заморские страны, оттуда привезём.

— Нет, царское величество, ни в какой карете, опричь своей, под венец не поеду и никаким иным

перстнем, кроме своего, обручаться не буду,— отвечала Алёна, прекрасная царевна.

Царь спрашивает:

— А где твой перстень и твоя свадебная карета?

— Перстень в укладке, укладка в карете, а карета на дне моря-океана, близ острова Буяна. И, покуда не достанешь, о свадьбе со мной не заговаривай!

Царь корону снял, в затылке почесал:

— Как же твою карету со дна моря-океана достать?

— Эта забота не моя,— сказала царевна.— Как знаешь, так и доставай.

И ушла в свой терем.

Остался царь один.

Думал он, думал и вспомнил про Ивана Меньшого — разумом большого. «Вот кто мне перстень да карету достанет!»

Позвал Ивана Меньшого и говорит:

— Ну, мой верный слуга Иван Меньшой — разумом большой, только ты один и мог сыскать гусли-самоигры, гусака-плясуна да кота-игруна. Ты мне достал и невесту Алёну, прекрасную царевну. Сослужи ещё третью службу — привези обручальный перстень да карету. Перстень царевнин в укладке, укладка в карете, а карета на дне моря-океана, возле острова Буяна. Коли привезёшь перстень да карету — я тебе треть царства отпишу.

Говорит Иван Меньшой — разумом большой:

— Да что ты, ваше царское величество, ведь я не рыба-кит! Как я стану на дне морском перстень да карету искать?

Царь рассердился, ногами затопал, закричал:

— Знать ничего не знаю и ведать не ведаю! Моё

царское дело приказывать, а твоё — слушаться. Привезёшь перстень да карету — награжу по-царски, а не привезёшь — голову на плахе отсеку!

Пошёл добрый молодец на конюшню, стал кобылицу-златогривицу седлать. Спрашивает кобылица:

— Куда, хозяин, собрался?

— И сам ещё не знаю куда, а ехать надобно. Велел царь обручальный перстень царевнин да свадебную карету достать. Перстень в укладке, укладка в карете, а карета на дне моря-океана, возле острова Буяна. Вот и поедем доставать.

Кобылица-златогривица говорит:

— Эта служба потруднее всех будет. Хоть дорога и не дальняя, да, может статься, печальная. Знаю, где карета, а достать нелегко. Я спущусь на дно моря-океана, запрягусь и привезу карету на берег, если меня морские кони не увидят, а уж коли увидят морские кони — загрызут насмерть. Век тебе не видать ни меня, ни кареты!

Иван Меньшой — разумом большой задумался. Думал, думал и придумал. Пошёл к царю:

— Дай мне, царское величество, двенадцать воловьих кож, дай двенадцать пудов просмолённой бечевы, двенадцать пудов смолы да котёл.

— Этого добра бери сколько надо, да торопись службу исполнять.

Нагрузил молодец кожи, бечеву и смолу да большой котёл на телегу, запряг кобылицу-златогривицу и отправился в путь-дорогу.

Приехал на царские заповедные луга, на морской берег.

Стал молодец кобылицу-златогривицу кожами укрывать, бечевой просмолённой увязывать:

— Если кони морские увидят да накинутся — не скоро до тебя зубами доберутся.

Двенадцать воловьих кож умотал, двенадцать пудов бечевы просмолённой увязал. Потом стал смолу разогревать да той смолой заливать. Двенадцать пудов смолы на кожи да на бечеву вылил.

— Вот теперь мне кони морские не страшны! — говорит кобылица-златогривица. — Сиди на лугах и ожидай меня три дня, в гусли играй, а глаз не смы-кай.

Тут она кинулась в море и скрылась под водой.

Остался Иван Меньшой — разумом большой один на морском берегу. День прошёл и другой прошёл — не спит молодец, в гусельцы поигрывает, на море поглядывает. На третий день напала маета, стало ко сну клонить, и гусельцы его не развлекают. Крепился, крепился и не мог удержаться — задремал.

Много ли, мало ли времени подремал — услышал сквозь сон конский топ. Взмахнул глаза и видит: выскочила на берег кобылица-златогривица с каретой. Шесть морских коней златогривых висят по бокам.

Иван Меньшой — разумом большой кинулся навстречу.

Говорит кобылица-златогривица:

— Не укрыл бы ты меня воловьими кожами, не увязал бы бечевой да не залил смолой, век бы не дождался! Целым табуном напали на меня морские кони, девять кож воловьих начисто порвали да две крепко испортили, а эти шесть коней так увязли в смоле да в верёвках зубами — оторваться не могли. Ну да ладно, они тебе пригодятся.

Добрый молодец спутал ноги морским коням,

схватил ремённую плеть и стал их учить уму-разуму. Бьёт да приговаривает:

— Будете слушаться, хозяином меня признавать? А не станете слушаться — насмерть забью и волкам скормлю!

Пали кони на коленки, взмолились:

— Не мучь, не бей, добрый молодец! Будем слушаться и станем тебе верно служить. Пристигнет беда — выручим тебя!

Кинул плеть, запряг всех коней в карету и поехал домой.

Подкатил семериком к царскому красному крыльцу. Кобылицу-златогривицу да коней морских в конюшню поставил, а сам пошёл к царю:

— Бери, царское величество, карету со всем приданным — у крыльца стоит.

Царь ему и спасибо не сказал. Скорым-скоро побежал, достал укладку и понёс Алёне, прекрасной царевне:

— Я тебя, Алёна, прекрасная царевна, потешил: все твои желания исполнил, укладку и перстень достал, а свадебная карета у крыльца стоит! Сказывай, когда станем свадьбу играть, на какой день гостей звать?

Отвечает прекрасная царевна:

— Повенчаться-то я согласна, и свадьбу можно скоро сыграть. Да не хочется мне, чтобы ты такой старый да седатый со мной под венец шёл. Станут люди судить-рядить, над тобой смеяться, скажут: «Старый да седатый молодую взял!» На людской роток ведь не накинешь платок. Вот как бы ты помолодился перед свадьбой — всё бы у нас ладно было.

Спрашивает царь:

— Научи, как из старого молодым стать? Помолодиться куда бы с добром, да у нас ещё эдакого не слыхано.

Алёна, прекрасная царевна, говорит:

— Надо найти три больших медных котла. В первый дополна цельного молока налить, в другой и в третий — студёной ключевой воды. Котёл с молоком да один котёл с водой нагреть. И как закипит ключом молоко да вода — кидайся сперва в молоко, потом в горячую воду, а уж потом в студёную. Как окунёшься с головой во всех трёх котлах — выйдешь молодым да пригожим, будто двадцати годов.

— А не обожгусь я? — спросил царь.

— У нас в царстве совсем стариков нету, — отвечает прекрасная царевна, — все так молодятся, и никто не обжигался.

Пошёл царь и велел приготовить всё так, как Алёна, прекрасная царевна, научила.

А как закипели ключом молоко да вода — задумался: боязно стало. Ходил, ходил вокруг котлов, хлопнул себя по лбу:

— Чего долго раздумывать? Пусть Иван Меньшой — разумом большой сперва попробует искупаться, а я погляжу: коли хорошо — и сам выкупаюсь. А Иванко сгорит — плакать некому: кони мне достанутся и треть царства посулённую отписывать не надо будет.

И велел крикнуть Ивана Меньшого — разумом большого.

— Зачем, царское величество, звал меня? Ведь я ещё с дороги отдохнуть не успел.

— Сейчас тебя отпущу, — говорит царь. — Выкупайся в этих трёх котлах и поди отдыхай.

Поглядел Иван Меньшой — разумом большой в котлы: молоко да вода ключом кипят, только в третьем вода спокойная.

— Ты что, царское величество, задумал меня живьём сварить? За всю мою верную службу хочешь так наградить?

— Да нет, Ваня! Кто во всех трёх котлах выкупается, тот из старого молодым станет да красивым.

— Я и так не старый, ваше царское величество, и мне незачем молодиться.

Царь сердиться стал:

— Что ты такой супротивный? Всегда мне перечишь! Добром не станешь купаться — силком заставляю, а за супротивство на дыбу¹ отправлю.

В ту пору Алёна, прекрасная царевна, прибежала из своего терема. Улучила минуту и шепнула доброму молодцу незаметно от царя:

— Перед тем как в котёл нырнуть, дай знать кобыле-златогривице да морским коням и потом купайся безо всякой опаски.

А царю она говорит:

— Пришла узнать, всё ли тебе приготовили, как я сказывала.

Обошла котлы кругом, поглядела и говорит:

— Всё как надобно быть. Ты, царское величество, купайся, а я побегу к свадьбе готовиться.

И ушла в свой терем. Иван Меньшой — разумом большой поглядел на царя:

— Ладно, потешу тебя в последний раз! Всё равно двум смертям не бывать, а одной не миновать. Позволь только взглянуть ещё раз на кобылицу-зла-

¹ Дыба — один из видов пытки.

тогривицу. Много мы с ней странствовали. Поди
знай — может быть, больше и не видать.

Позволил царь:

— Ступай, да не мешкай там!

Пошёл Иван Меньшой — разумом большой на
конюшню, кобылице-златогривице да морским ко-
ням всё рассказал, а те ему говорят:

— Как услышишь, мы все вместе всхрапнём до
трёх раз — смело ныряй и ничего не бойся.

Воротился Иван к царю:

— Ну, я теперь со всем справился, ваше величе-
ство, сейчас буду нырять.

И вот слышит: кони всхрапнули раз, другой и
третий. Тут добрый молодец бултых в котёл с моло-
ком, вынырнул да из первого котла прямо в котёл
с кипятком кинулся, а потом в студёной ключевой
воде окунулся и вышел из третьего котла таким
пригожим да красивым, что нельзя описать, только
в сказке рассказать.

Царь, глядя на него, больше раздумывать не
стал, кое-как вскарабкался на помост, пал в котёл с
молоком, да там и сварился.

Тут Алёна, прекрасная царевна, скорым-скоро с
крутого крылечка сбегала, Ивана Меньшого — ра-
зумом большого за белые руки брала, обручальный
перстень ему на палец надевала. Сама усмехнулась
и промолвила:

— Похитил ты меня по царскому приказанию, а
теперь нет царя в живых. Воля у тебя своя: хочешь —
назад вези, а хочешь — у себя оставь.

Иван Меньшой — разумом большой прекрасную
царевну за руки взял, суженой назвал и надел ей на
палец своё колечко.

Потом послал посыльных отца с матерью да братьев из деревни на свадебный пир звать.

В скором времени отец с матерью да тридцать два брата, тридцать два молодца, приехали на царский двор. И тут принялись весёлым пирком да за свадебку.

Свадьбу сыграли, пир отпировали, и Иван Меньшой — разумом большой со своей женой Алёной, прекрасной царевной, стали жить-поживать да отца с матерью покоить.

У ка
из поко
народно
Луч
честве
взросло
тельски
Мно
ных ска
вич Не
стыке т
ской,—
ные ска
перерос
летом, н
ства пом
экспеди
тельными
издаёт.
Перв
Беломор
ведения.
Совм
ветским
наиболее

Советский сказочник

У каждого народа есть свои сказки, которые передаются из поколения в поколение и являются кладовой бесценного народного опыта, народной мудрости, юмора и фантазии.

Лучшие писатели мира не раз обращались в своём творчестве к народным сказкам, по-своему обрабатывая их для взрослого и маленького читателя, обогащали их своим писательским талантом.

Многие годы занимается обработкой и пересказом народных сказок и былин советский писатель Александр Николаевич Нечаев. Родившийся в 1902 году в крестьянской семье, на стыке трёх губерний: Олонецкой, Архангельской и Вологодской, — Александр Нечаев с детства полюбил русские народные сказки, которыми так богат наш Север. Это увлечение переросло в серьёзное изучение народного творчества, и уже летом, в 1932 году, Нечаев занимается исследованием творчества поморов и принимает участие в научной этнографической экспедиции. Здесь ему удаётся впервые встретиться с замечательными сказителями. И он записывает их сказки, а затем издаёт.

Первая большая работа Нечаева «Сказки Карельского Беломорья» — крупнейшее явление в истории русского сказковедения.

Совместная работа в предвоенные годы с выдающимся советским писателем А. Н. Толстым вывела Нечаева в ряды наиболее известных писателей-фольклористов. В течение всей

своей жизни он последовательно и увлечённо работает над созданием свода русских народных сказок и былин для детей. Сказки, входящие в его книгу «Иван Меньшой — разумом большой», многократно выходили в сборниках под разными названиями. Они переведены на многие языки народов СССР и зарубежных стран.

За пятьдесят лет литературной деятельности А. Нечаевым подготовлено и издано около 60 книг, не считая переизданий и переводов.

«Цель моей жизни,— говорит писатель Нечаев,— отобрать и сохранить для читателя лучшие образцы народного творчества, ибо в них наиболее ярко и мудро выражены добрые традиции, характер талантливого русского человека, человека-труженика, бесстрашного защитника своей Родины».

С. Михалков

А. Н
Иван
Чуде
Муж
Про
Солд
Барн
Иван
Нахо
Болт
Сказк
Мудр
Солд
Скате
Ри
Беззаб
Матю
Умны
Как б
Сказк
вич
Умный
Летуч
Как б
Иван
рин
С. Ми

СОДЕРЖАНИЕ

А. Нечаев. О сказках и сказочниках	3
Иван, вдовый сын. Рисунки И. Кузнецова	11
Чудесные ягоды. Рисунки Т. Мавриной	50
Мужик и царь. Рисунки И. Бекетова	64
Про бедного и богатого брата. Рисунки В. Минаева	68
Солдат Семён — скорый гонец. Рисунки В. Минаева	73
Барин и плотник. Рисунки Н. Кочергина	86
Иван-царевич и Марья Моревна. Рисунки Н. Кочергина	90
Находчивый солдат. Рисунки В. Милашевского	120
Болтливая баба. Рисунки В. Милашевского	123
Сказка об Иване-богатыре. Рисунки И. Кузнецова	128
Мудрая жена. Рисунки И. Кузнецова	156
Солдат и Смерть. Рисунки И. Кузнецова	168
Скатерть-самобранка, кошелёк-самотряс и Двое из сумы. Рисунки В. Минаева	182
Беззаботный монастырь. Рисунки И. Бекетова	201
Матюша Пепельной. Рисунки Т. Мавриной	205
Умный мужик. Рисунки В. Минаева	225
Как барин коней высиживал. Рисунки Е. Коротковой	229
Сказка о славном, могучем богатыре Еруслане Лазаре- виче. Рисунки Т. Прибыловской	232
Умный работник. Рисунки В. Панова	280
Летучий корабль. Рисунки И. Кузнецова	287
Как бедняк с барином обедал. Рисунки Е. Коротковой	299
Иван Меньшой — разумом большой. Рисунки Т. Мав- риной	301
С. Михалков. Советский сказочник	333

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ
ИВАН МЕНЬШОЙ — РАЗУМОМ БОЛЬШОЙ

Русские сказки

Ответственный редактор

Н. М. Кожемякина

Художественный редактор

И. Г. Найдёнова

Технический редактор

Т. Д. Юрханова

Корректоры

Н. Е. Кошелева и Э. Л. Лофенфельд

Сдано в набор 24/II 1976 г. Подписано к печати 22/XI 1976 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 13,84. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2668.

Цена 69 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцёвский вал, 49.

Нечаев А. Н.

Н 59 Иван Меньшой — разумом большой. Русские сказки. Издание третье. Пересказал А. Нечаев. Обложка Н. Кочергина. М., «Дет. лит.», 1977.

335 с. с ил. (Школьная б-ка).

В книгу входят русские сказки в пересказе советского писателя-фольклориста А. Н. Нечаева: «Чудесные ягоды», «Мужик и царь», «Солдат Семён — скорый гонец», «Иван-царевич и Марья Моревна», «Мудрая жена», «Умный мужик» и др.

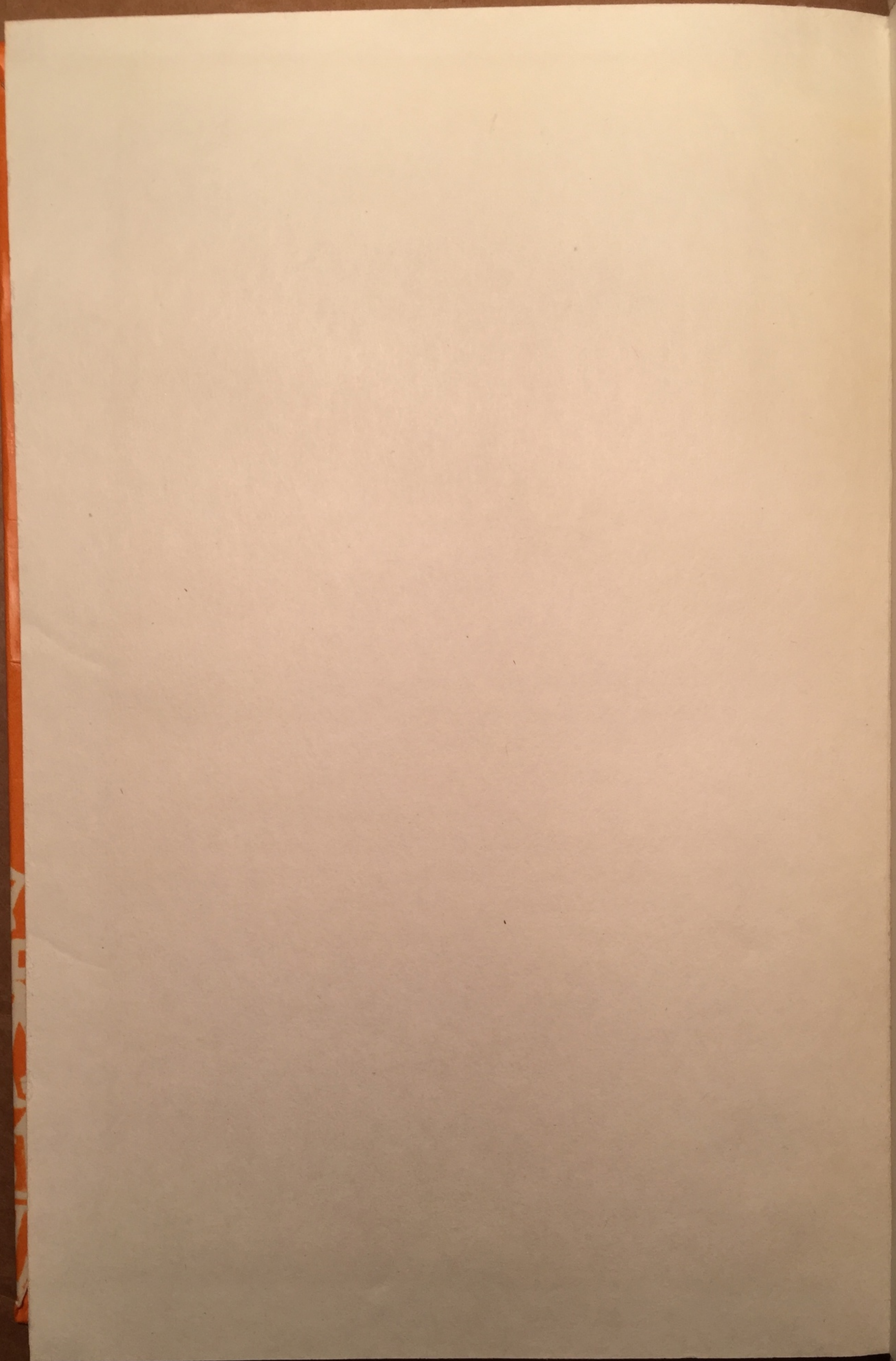
Н 70802—019 125—77
M101(03)77

РФ

ские
Об-

исателя-
царь»,
оревна»

РФ

Цена 69 коп.

LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY
IN THE
AMERICAN MUSEUM OF NATURAL HISTORY
NEW YORK

